

Митрофанов & Сорокин

**Труппы
Большого
театра**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михаил Михайлович Сафьянов,
премьер-министр и большой любитель
Большого театра

Венцеслав Аркадьевич Скром-
ный, директор Большого театра

Артемий Ефимович Царедворский,
главный режиссер Большого театра

Борис Семенович Грибанов, главный
дирижер Большого театра

Григорий Александрович Овчин-
ников, бывший банкир, председатель
Попечительского совета Большого театра

Амалия, его подруга

Галина Николаевна Томская, прима
Большого театра, Снегурочка

Виталик, ее бывший муж, статист

Антон, их сын

Ч у м а р и к, любимый пекинес примы

Юпитер, сожитель Антона Томского

Елена Ланина, главный бухгалтер Большого
театра, тетя Галины Томской

Анастасия Макаровна Величаева,
подруга Томской, Снегурочка второго
состава

Сергей Сергеевич Тимошенков,
Мизгирь

Байков, бывший (?) любовник Галины Томской,
Лель Вера Молочкова, балерина, протеже
Сафьянова, Весна

Ирина Грушева, подруга Молочковой,
Купава

Василий Никитич Степанов, следователь
Управления

Маша, его жена

Николай, их сын, студент-медик

Юрий, друг и однокурсник Николая

Андрей Алексеевич Битнев, следо-
ватель, коллега Степанова

Даниил Евгеньевич, начальник Степанова

Ксения Собчак, светская львица и попу-
лярная телеведущая

Борис Вениаминович Грубер, ото-
ларинголог поликлиники Большого театра

Станислав Книгин, его помощник

Охранник Большого театра

Билетерша, его жена

Валерий
Физкультурник } бомжи

Артисты Большого театра, статисты, зрители обоих
полов, охрана Сафьянова и прочие.

Сцена первая

Снег валил густыми липкими хлопьями. Степанов потопал на аккуратном коврикe у двери, снял шапку и встряхнул ее. После холодной улицы коридор казался теплым и уютным. Коричневые плитки были усеяны частыми водяными капельками. В кейсе ключа не обнаружилось. Забыл! Пришлось давить на кнопку звонка. Зазвучала птичья трель. Жена встретила Степанова на пороге. Круглое ее лицо озарилось радостной улыбкой. Степанов чмокнул супругу в душистую щеку и потрепал по плечу.

На самом деле настроение у Степанова было самое что ни на есть паршивое. И собственно, по двум причинам. Во-первых, прожил с женой четверть века. За это время она успела здорово измениться. Но, значит, и он, Степанов, изменился, и далеко не в лучшую сторону. А во-вторых, на семейном совете решено было отметить

юбилей дружной семейной жизни походом в Большой театр. Дело в том, что жена обожала оперу. А Степанов, напротив, не мог понять, как это возможно: просидеть в темном зале часа три, не отрывая взгляда от мелькающих на сцене длинных танцующих ног балерин и напряженно раскрывающихся ртов певиц. Но делать нечего! Надо порадовать милую супругу. А впрочем, в тещином трюмо под ручку с принаряженной и симпатичной, хотя и преждевременно располневшей Машей Василий Никитич выглядел еще хоть куда!

Знакомое здание Большого вдруг показалось ему маленьким, как парадный старинный чернильный прибор на широком письменном столе. Тяжелый бархатный занавес, украшенный золочеными гербами, выглядел, однако, вполне прилично. И все же Степанов припомнил разговоры о грядущем ремонте главного театра страны.

Давали «Снегурочку» Римского-Корсакова. Жена восторженно замерла в кресле. Степанов закрыл глаза. Так, по крайней мере, он не будет видеть Мизгиря, Купаву, Берендея и прочих персонажей, неестественно возвышающих голоса на фоне пестрых декораций. Степанов не-

вольно думал о напряженной работе последних недель. Угроза терактов в столице снова сделалась вполне реальной. Василий Никитич тяжело вздохнул. Увлеченная музыкой Маша не обращала на него внимания. Степанов подумал о металлоискателях, установленных на входе. Исправно ли работают приборы, которые должны обеспечивать безопасность зрителей, труппы и многочисленного персонала, от гримеров до буфетчиц?

Раздались аплодисменты. Степанов тотчас открыл глаза и тоже захлопал в ладоши. Однако взглянул невольно не на сцену, а на одну из лож, близких к сцене. В ложе явно кто-то находился, но кто именно, мужчина или женщина, разглядеть не было возможности.

В антракте супруги Степановы прогуливались в фойе. Маша взволнованно рассуждала о постановке.

— Понимаешь, Вася, это совершенно новаторский подход! Вот, например, партию Леля поет мужчина, а ведь это партия для женского голоса! А ты заметил, что Весна, мать Снегурочки, не поет, а танцует?

Степанов хотя и слушал вполуха, но все-таки ответил почти адекватно:

— А что, она не должна танцевать?

Так сказать, вопросом на вопрос!

Маша рассмеялась, весело и совсем необходимо:

— Да, конечно же, она должна петь!

Теперь засмеялся и Степанов. Он взял Машу под руку и слегка прижал к себе. Степановы жили дружно и практически никогда не ссорились.

Василий Никитич едва успел подумать, что никого из знакомых наверняка не встретит, как тут же прямо навстречу ему и Маше двинулась нарядная улыбающаяся пара. Плотный мужчина одет был дорого и безвкусно, в отличие от своей дамы. Идеальную фигуру красотки облегал платье явно парижского происхождения, шею украшало бриллиантовое кольцо, на вид камни представлялись настоящими. Спутник дамы дружески улыбнулся Степанову, и Василий Никитич тотчас вспомнил его.

Банкир Овчинников, как это частенько случается в наши дни, проходил по делу о крупном финансовом преступлении. Вел это дело как раз приятель Василия Никитича, Андрей Битнев. Вину Овчинникова не доказали, подозреваемые, что называется, легко отделались, но возглавляемый Овчинниковым банк все же лопнул.

Однако теперь банкир выглядел вполне довольным жизнью. Он, казалось, был рад встрече и охотно познакомил Степановых со своей дамой, назвав ее Амалией. Зашел разговор о том, где лучше сидеть в зале Большого. Амалия хихикала и говорила капризным голоском содержанки «нового русского». Гриша Овчинников насмешливо спросил следователя, как быть, если на сцену вдруг выскочат вооруженные до зубов террористы.

— Да, да! «Норд-ост»! — тотчас припомнила темноволосая Амалия.

Степанов нахмурился. Подобные шутки не представлялись ему уместными где бы то ни было! Маша, почувствовав настроение мужа, сжала его локоть. Но тут в теплом воздухе фойе призывно зазвенело. Пора было возвращаться в зал. Обе пары заспешили. Овчинников беззаботно помахал рукой:

— Привет! Привет передавайте Андрею Алексеевичу от безработного банкира!

Во время следующего антракта Степановы уже не встретили банкира и его Амалию. В буфете цены оказались сумасшедшие, но все же Василий Никитич купил жене эклер и чашечку кофе, галантно усадил ее за столик, а сам пустился разглядывать фотографии ведущих

певцов и танцовщиков. Портреты были эффектные, отлично отретушированные.

Спектакль подходил к концу, и следователь приободрился. А когда Снегурочка вступила в костер и вдруг словно растаяла, Степанов даже удивился, как это сделалось, что это за оптический фокус такой!

В зале долго не смолкали аплодисменты. Экспериментальной постановке дружно хлопали. Раздались громкие крики: «Бис! Bravo!» Зрители не спеша поднимались со своих мест, теснились в проходах. Какие-то молодые люди, одетые вызывающе пестро, вопили, прикладывая ладони ко рту:

— Томская! Том-ска-я!

Несколько пожилых служительниц визгливо вторили им, обнимая пышные охапки цветов.

Жена Степанова заразилась общим энтузиазмом и тоже отбивала ладони, выкрикивая: «Bravo!» Василий Никитич улучил момент и наклонил голову к маленькому уху жены.

— Кто такая Томская? — громко прошептал он.

— Снегурочка! — ответила Маша, почему-то тоже громким шепотом.

Степанов наконец разглядел опер-

ную приму как следует. Ничего особенного. Певица как певица. Полноватая, в аляповатом сарафане, на голове — кокошник, на грудь спускаются искусственные ярко-блондинистые косы, на лице — слишком яркий грим. Он попытался вспомнить, как пела Томская. Кажется, и вправду хорошо!

Тенору Лелю также много аплодировали. Аплодировали и Весне, о скандальных похождениях которой многие в московском «высшем свете» были осведомлены. Хлопали и бархатному баритону Мизгирю. Аплодисменты волнами прокатывались по галерке, балконам, партеру и ложам. Степанов вдруг подумал, что напрасно пожадничал и не купил цветов. Как было бы приятно Маше увидеть кого-нибудь из исполнителей с букетом, который принес в театр ее муж! Когда еще они попадут в Большой!

Зрители медленно покидали зал. Степанов удерживал жену под руку. Напоследок он оглянулся и случайно заметил, как покачнулась на сцене Томская. Мизгирь и Лель подхватили певицу. «Должно быть, устала! — предположил Степанов. — Нелегкая все же это работа: распевать арии почти три часа кряду!»

Все устремились за пальто и шубами.

Зрителей выпускали из боковой двери, парадный ход был уже заколочен в ожидании ремонта. Степанов вынул ключи, затем помог жене сесть в машину. Внезапно на тротуар с характерным грохотом посыпались осколки. Степанов резко вскинул голову. Так и есть! Окно на четвертом этаже было разбито. В ярком световом прямоугольнике метались две темные фигуры — мужчина и женщина. Она рвалась к окну, он тащил ее прочь. Отчаянный женский вопль летел вниз. Многие приостановились. Маша, опустив стекло, выглянула с любопытством. Степанов колебался. Может быть, взбежать по ступенькам, вернуться, узнать, в чем дело? Или глупо вмешиваться в чужую семейную ссору?

Зрители расходились и разъезжались. Мимо скромного авто Степанова пронесся роскошный красный «Ягуар». Появился Овчинников в дубленке и усадил свою Амалию, укутанную в норку, в представительный, хотя и несколько уже старомодный «Мерседес». Степанов твердо решил не возвращаться в театр, а ехать домой.

На другой день следователя ожидал неприятный сюрприз. Дело об исчезновении певицы Гомской. Убийство?

Сцена вторая

Спустя час Степанов уже был в Большом. Не предполагал он, что придется вернуться так скоро! Надо было выяснять обстоятельства происшествия, опрашивать свидетелей. У входа Степанова встретил директор театра собственной персоной. Этот суетливый человечек носил странную фамилию Скромный.

Днем в Большом было неуютно, даже некрасиво. Уже громоздились строительные леса, наводившие невольно на мысль о бренности всего земного. Только теперь Степанов заметил их. Снегопад утих, небо прояснилось. В коридорах посвистывали сквозняки. Старинный лифт гулко дребезжал. Директор тряс копной седых волос и о чем-то с жаром рассуждал. В его кабинете стены были обшиты дубовыми панелями. Клетка, в которой сидел огромный попугай, удивительно разноцветный, сразу привлекала внима-

ние. Дверца клетки была открыта. Директор ловко просунул руку, ухватил горсть зерен из кормушки и поманил птицу. Попугай клюнул зерна из ладони хозяина, покружился по комнате, опустился на плечо директора, затем вернулся в клетку. Директор предложил Степанову присесть. Но тут зазвонил телефон. Скромный схватил трубку. Василий Никитич надеялся, что директор быстро закончит этот непредвиденный телефонный разговор. Но тот, «два обменявшись несколькими словами с невидимым собеседником, протянул трубку Степанову. Жест выглядел даже слегка подобострастным.

— Вас! — учтиво произнес директор.

Василий Никитич с некоторым недоумением принял трубку.

— Сафьянов. Михаил Михайлович, — представился приятный баритон.

Конечно же, Степанов прекрасно знал, кто такой Сафьянов! Но как же теперь держать себя?

— Слушаю!

Степанову хотелось говорить спокойно, деловому. Вдруг обожгла мысль: а если не тот Сафьянов, если однофамилец? Степанов обернулся. Выражение лица директора ясно говорила: тот, тот! На другом конце провода выдерживал

паузу премьер-министр страны. Он ждал. Но чего он ждал? Наконец молчание прервалось. Сафьянов: небрежна любопытствовал:

— Ну-с! Как дела?

Голос у него был полноразличный, но мягкий, настоящий барский голос! Этот голос, конечно же, воспринимал лесть собеседников как должное, но в ответ никогда не хамил!

Степанову оставалось только сохранять спокойствие.

— Я только что приехал... Еще не успел...

— Ну-у! Вы там поаккуратнее! — мягко пророкотал барский голос. — Скромный знает! И держите меня в курсе.

Трубка взорвалась частыми гудками в руке следователя. Степанов смотрел на директора с некоторым удивлением. Тот истолковал удивленный взгляд важного посетителя по-своему:

— Простите! Забыл представиться. Скромный. Фамилия. — Директор хихикнул. — Венцеслав Аркадьевич!

— Степанов, Василий Никитич, — произнес Степанов почти машинально.

Они пожали друг другу руки.

Степанов решил, что пора приступать к работе.

— Венцеслав Аркадьевич! Заявление о том, что певица Томская исчезла, сделал некто Тимошенко. Он утверждает, что произошло убийство, но кто он, собственно?

Директор удобно расположился за столом. Степанов скользнул быстрым взглядом по его скрещенным на зеленом сукне пальцам. Мизинец левой руки украшал крупный перстень с яшмой. Скромный покачал головой:

— Тимошенко? Нет, я бы с ним в разведку не пошел! — Директор коротко хохотнул. — Ну, конечно, народный, конечно, лауреат и все прочее... Но алкоголик! Сам безнадежно загубил свой талант. Однако делать нечего! Мы добрые! Даем иногда попеть! Вот вчера, например, он исполнил партию Мизгиря...

— Вчера я как раз был в Большом.

— Так вы — любитель оперы? — Директор оживился.

Степанов, в свою очередь, смутился и даже почувствовал, что краснеет:

— Да нет, не то чтоб очень!..

Звякнули ключи, раздался щелчок. распахнулась дверца сейфа. Скромный протянул следователю два билета:

— Прошу!

Степанов отнекивался, но Скромный настаивал. Пришлось согласиться.

— Мы же теперь с вами вместе работаем!
— глаза директора сверкнули за стеклами очков почти радостно.

«Ну и пусть! — подумал Степанов. — В конце концов, дают — бери! А Машке пока ничего не скажу. Будет ей сюрприз!»

— Так вы, Венцеслав Аркадьевич, полагаете, что Тимошенко ошибся?

— Простите, но в состоянии алкогольного опьянения...

— На сцене он не показался мне пьяным.

— Да ведь он тридцать лет на сцене! Поднаторел! Он будет совершенно пьян, а вы, неискушенный зритель, ничего не заметите!

— Но он настаивает, что произошло убийство!

Директор всплеснул руками:

— Какое убийство! Не было никакого убийства! Да, в сущности, ничего и не случилось! Да, Галина вчера не вернулась домой из театра. И что с того?! Артистка! Женщина, наконец!

Степанов начал прощаться. Они спустились в дребезжащем лифте. Внизу к следователю кинулся Мизгирь — Тимошенко. Не освещенный светом рампы, он оказался довольно-таки пожилым, но

рослым и недурно сложенным господином.

— Вот! — заговорил Тимошенков, тыча листом бумаги прямо в грудь Степанову. — Я письменно подтверждаю: произошло убийство!..

Тимошенков и Скромный испепеляли друг друга взглядами, полными ненависти.

— Я видел, видел!.. — возбужденно повторял Тимошенков.

Речь шла все о том же: шум борьбы, разбитое окно на четвертом этаже. Но Тимошенков заявлял, будто видел, как двое неизвестных уносили тело!..

— Послушайте, Тимошенков! — вмешался директор. — Вы же были пьяны! Какие глупости вы говорите! Нам на гастроли, а вы чушь несете, отвлекаете занятых людей!

Как было во время представления, конечно, неизвестно, но теперь-то Тимошенков вовсе не казался пьяным!

Василий Никитич напряженно размышлял. И так, Тимошенков видел и не вмешался! Но ведь и сам Степанов не поспешил наверх! Да и кто бы рискнул вмешаться? Представьте себе полутемный коридор, в ожидании ремонта в Большом проблемы с электричеством, и двое неиз-

вестных что-то такое уносят, и это что-то такое — наверняка труп! Но почему-то Степанов чувствовал: Мизгирь сказал ему не все, что знал! И почему Тимошенко тотчас же не забил тревогу? Почему ждал до утра?

Уборная примы Галины Томской уже была тщательно осмотрена. Степанову бросились в глаза старинное круглое зеркало и старинное же кресло. От обоих предметов так и веяло подлинностью. Вдруг в это самое зеркало смотрелась... Василий Никитич никак не мог сообразить, какая же знаменитость могла смотреться в это зеркало!.. Айседора Дункан? Но она, кажется, не выступала в Большом!.. Нет, в такое зеркало должна была смотреться не балерина, а певица! Но никаких певиц, кроме Аллы Пугачевой, Степанов припомнить не мог!.. «Любопытно, тщеславна ли Томская? — подумал он. — И разве артистка, солистка, может прожить без тщеславия?!»

Уборная была совершенно застужена. Степанов поежился в пиджаке. Да, да, разбитое окно.

Обнаружились и явные улики, следы совершившегося здесь преступления. В углу, у самой ножки стула, прядка окровавленных темных волос. На столике

перед зеркалом небрежно брошен белокурый парик Снегурочки. Дальше — больше! Пятна крови обнаружались и на полу. Кстати, впоследствии анализ подтвердил: кровь на волосах и кровь на полу должна принадлежать одному и тому же человеку!

Послышались странные жалобные звуки. Все находившиеся в уборной невольно вздрогнули. Но это оказалась всего лишь декоративная собачка, сиротливо дрожащий пекинес. Степанов подхватил песика на руки.

— Это Чумарик, — грустно заметил Скромный.

На Чумарика никто не претендовал. Следователь ласково поглаживал его.

— А возьму-ка я тебя с собой! — проговорил Степанов.

Никто не возразил.

Василий Никитич с собачкой на руках и провожавший его Скромный приостановились у выхода. Чумарик слабо тьякнул.

«Все-то ты знаешь, да вот не скажешь!» — Степанов усмехнулся.

Мимо прошагала странная пара: бледнолицый юноша в дорогом пальто и красавица в шляпке с вуалеткой, кисти ее длинных рук прятались в изящных кожа-

ных перчатках. Скромный поспешил ответить на невысказанный вопрос, легко читавшийся в глазах следователя:

— Сын Томской, Антон, и Величаева!

Кто такая Величаева, Степанов не успел спросить, потому что Скромный уже кричал на охранников:

— Где кассеты? Где кассеты камер видеонаблюдения?!

Он говорил жестко, грубо. Охранники мялись, что-то лопотали. Степанов понял, что директор вежлив и даже льстив только с так называемыми «нужными людьми», а с подчиненными — нетерпелив и скандален.

Следователь уже садился в машину, когда явственно услышал: «Волки поганые!» Но чьи это были слова?

Сцена третья

Степанов оставил Чумарика в машине и взбежал по ступенькам, направляясь в Управление. Все-таки следователь еще сомневался: а вдруг звонил не Сафьянов? Вдруг однофамилец? Или даже розыгрыш? Но в федеральном справочнике, который подал Степанову Даниил Евгеньевич, значился лишь один Сафьянов, тот самый, Василий Никитич невольно поморщился. И тут совершенно некстати занял зуб. Степанов прижал ладонь к щеке.

— Что, Васюк, зубы? — посочувствовал Даниил Евгеньевич.

К тому же у Степанова побаливало горло. А надо бы еще отсмотреть кассеты. Да и песика надо бы отвезти к сердобольной Маше. К счастью, Даниил Евгеньевич отпустил Степанова. Теперь план действий наметился следующий: сначала домой, потом — в ведомственную поли-

клинику! Уже из машины позвонил Маше по мобильнику. Она, конечно же, все поняла. В общем, собачке не грозила смерть от голода и колода.

Василию Никитичу вдруг показалось, что он забыл в кабинете карточку, необходимую для поликлиники. Он вернулся в Управление.

Так и есть, забыл. Степанов решил отправиться в поликлинику пешком, благо погода была солнечная, пушистый снежок весело поблескивал. Василий Никитич поскользнулся на обледенелом тротуаре, но удержался на ногах. Он думал о том, что в широких, чистых коридорах поликлиники вполне можно столкнуться с кем-нибудь из сотрудников высших силовых структур или с кем-нибудь из администрации президента, а то и с каким-нибудь депутатом столичной думы. Но, правда, для таких, как Сафьянов, существовали другие поликлиники...

Но в свою поликлинику Василию Степановичу в этот день попасть было не суждено. Потому что он вдруг заметил Антона Томского. Молодой человек направлялся, кажется, в сторону Большого театра, полы модного пальто развевались в такт быстрым шагам. Степанов кинулся вслед за Антоном, боясь упустить пар-

ня из виду. Антон спустился по Петровке, почти поравнялся с театром, повернул направо, пересек площадь и вышел на Большую Дмитровку, неожиданно скрывшись за дверью серого здания. В сером здании на Дмитровке оказалась поликлиника для сотрудников Большого. Степанов огляделся по сторонам. Томского не было видно. Куда же он исчез? Василий Никитич приостановился у окошка регистратуры. Вдруг, словно бы из ниоткуда, выскочил Антон, быстро глянул, узнал Степанова и снова бросился бежать. Василий Никитич последовал за ним. Вот и узкая облупившаяся дверь в служебное помещение. Степанов толкнул ее обеими руками и очутился во дворике, заваленном картонными ящиками и ржавыми железками, присыпанными снежком, — должно быть, отслужившей свой век медицинской техникой. За оградой просматривался Кузнецкий мост. Антона и след простыл.

Степанов, не зная, как быть, расхаживал взад и вперед, пиная ящики. На что решиться? Вернулся в здание, оставил в раздевалке пальто, толкнулся в кабинет главного врача. Дверь оказалась заперта. Проходившая мимо медсестра объяснила, что главврача сейчас нет, его замеща-

ет отоларинголог, Борис Вениаминович Грубер.

Заместитель главврача, сияя прикрепленным зеркальцем на высоком белом докторском колпаке, занимался пациенткой. Его помощник, черноволосый кудрявый парень, протягивал отоларингологу гибкую резиновую трубочку, увенчанную маленькой лампочкой. Доктор и помощник были очень похожи.

— Борис Вениаминович? — произнес Степанов. Рука уже тянулась в карман пиджака за удостоверением.

Бросив цепкий взгляд на раскрытую перед его лицом красную книжечку, Борис Вениаминович тотчас принялся распорядиться, сначала выслал в коридор пациентку, затем приказал помощнику:

— И ты выйди, Станислав!

И тут следователь продемонстрировал, кто теперь в кабинете хозяин:

— Нет, Станислав, вы, пожалуйста, оставайтесь!

Грубер выдержал короткую паузу, потом быстро кивнул Станиславу. Молодой человек остался в кабинете.

— Чем могу быть полезен? — Голос врача звучал профессионально.

Степанов, стараясь не вертеть головой, осматривал кабинет. Что-то насто-

раживало следователя. Казалось бы, самый обыкновенный кабинет, ничего интересного. И все же... Степанов понял, отчего чувствует себя так неловко. В помещении носился какой-то неприятный, душный запах, явно шедший из-за ширмы.

— От вас тут вышел некто Антон Томский... — начал следователь.

— Не знаю, не видел, — коротко бросил Борис Вениаминович.

Степанов и врач обменялись понимающими взглядами.

— У меня есть свидетели, — спокойно произнес Василий Никитич. Но, конечно же, он блефовал. Степанов вовсе не был уверен в том, что в поликлинике заметили, как он практически гнал за Томским. А если и заметили, то ведь совсем не факт, что подтвердят!

Грубер вздохнул:

— Ну, был у меня Томский! — И вдруг взорвался: — Зачем вы комедию ломаете?!

— Я хотел бы попросить вас, посмотрите, пожалуйста, мое горло! — Голос Степанова вдруг зазвучал очень мягко, почти нежно.

Грубер удивленно поднял густые темные брови:

— Но здесь поликлиника Большого

театра. Мы не обслуживаем ваше Управление. А впрочем...

Конечно, врач просто-напросто показывал, что здесь, в своем кабинете, бал, что называется, правит все-таки он.

Степанов занял место пациента. Исполнительный Станислав и почтенный Борис Вениаминович склонились над его широко раскрытым ртом.

— Ой! — невольно взвизгнул следователь. — Больно!

— Закройте рот! — приказал врач.

Степанов сжал губы. Грубер и Станислав отступили в сторону.

— Пустяки! — властно заговорил Грубер. — Обыкновенный тонзиллит. Полощите содой. А впрочем, если хотите, могу выписать таблетки.

— Спасибо! Предпочту полоскание. А что у вас делал Антон Томский?

Взгляд Грубера приобрел ироническое выражение:

— Что же он мог делать в моем кабинете? У него, представьте себе, тоже болело горло!

— А вам не показалось, что Антон чего-то боится?

— Мне кажется, я не похож на психиатра! — парировал Грубер.

— Скажите, у Антона есть машина?

— А вы как полагаете? У сына солистки Большого?!

— «Ягуар»? — вдруг осенило Степанова.

— Да!

— Красного цвета?

— Точно!

— Борис Вениаминович, а вы не осмотрели бы мои связки? — вдруг произнес Степанов.

— Зачем? Вы что, певцом стать решили?

— Нет, не иронизируйте, я прошу вас!

Грубер с досадой принялся орудовать длинным ларингоскопом. Степанов снова чуть не вскрикнул от боли.

— Легкое воспаление, так и должно быть, — сказал врач.

— Но ведь полоскание поможет?

— Несомненно!

Грубер держал ларингоскоп в руке. Внезапно наконечник медицинского инструмента отсоединился и упал на пол. Борис Вениаминович тотчас накинудся на беднягу Станислава, тот оправдывался, краснея...

«Должно быть, инструмент в неисправности, потому и больно было», — предположил Василий Никитич. А вслух спросил:

— Я могу посмотреть амбулаторные карты ваших пациентов?

Теперь он старался говорить очень вежливо, но на врача вежливость следователя не произвела должного впечатления.

— Вы — можете! — ответил отоларинголог почти грубо, выделяя голосом это «вы».

И почти сразу же Степанов обнаружил кое-что интересное для себя. Амбулаторной карты Антона Томского не оказалось. И совсем недавно в этом кабинете побывала Величаева. «Должно быть, эта Величаева — певица!» — решил следователь. Тогда ничего удивительного в ее визите к врачу нет. Ведь отоларингологи — неперменные советчики и лекари певцов!

В дверь настойчиво постучали.

— Войдите! — пригласил Грубер.

Но вместо недавней пациентки возникла — вот так совпадение! — Величаева собственной персоной.

Ей очень шла ее странноватая фамилия. Высокая, худощавая, она и вправду выглядела величественно. Длинные руки и ноги, яркие белокурые волосы, розовые губы — все это делало ее похожей на настоящую американскую куклу Барби.

— Я занят, — быстро проговорил врач. — Вот... это из Управления... Следователь Степанов!

Степанов вежливо наклонил голову.

— Это не помешает. — Величаева сделала величественный жест длинной кукольной рукой в рукаве, отороченном легким и дорогим мехом. Затем уставилась на Грубера. Казалось, она за что-то на него сердилась, и потому Грубер и бедняга Станислав как будто чувствовали себя виноватыми!

— Сегодня будет осмотр? — Величаева улыбнулась, показав два ряда зубов. Обычно такие белые зубы принято называть «жемчужными».

— Ларингоскоп неисправен, — смущенно пробормотал Станислав.

Но Величаеву это печальное обстоятельство вовсе не огорчило. Она повернулась к Степанову:

— Пойдемте со мной! — скомандовала она. — Я вас подвезу.

Степанов пожал плечами, кивнул врачу и его помощнику и последовал за белокурой красавицей. Последнее, что он увидел в кабинете, были унылые лица Грубера и Станислава.

Сцена четвертая

Величаева ездила на «Ауди-А6». Внешность водителя немного удивила Степанова. За рулем сидел весьма пожлой человек, то есть, по сути, старик лет семидесяти, должно быть. Величаева, откинувшись на заднем сиденье рядом со Степановым, закурила элегантную токую сигарету. Заговорила она даже слишком непринужденно:

— Вы ведь занимаетесь делом Галины Томской? — И продолжала, не дожидаясь ответа: — Я уверена: она найдется!

— Ваш директор тоже так полагает. — Степанов деликатно отодвигался от Величаевой. Дымок сигареты раздражал его больное горло.

— Венцеслав Аркадьевич не предполагает, он знает! — безапелляционно заявила красавица. — Мы все в театре кое-что знаем о Гале Томской! Кое-что такое, чего не знаете вы, к примеру!

— Что-то страшное? — Степанов сделал большие глаза.

— Допустим, не страшное, но неприятное! Галина пила. Иногда она так напивалась, что не дотягивала до конца спектакля. Тогда вызывали меня.

— Кто вызывал?

— Кто? Старший администратор, дирижер... Да кто угодно! И я летела на выручку!

— Я вообще-то не театрал, но если я вас правильно понял, то Галина Томская пела в первом составе, а вы — во втором?

На щеках Величаевой заиграл нервный румянец.

— Вы действительно не театрал! — Она снова затянулась и выпустила струйку дыма. — Я пою лучше Томской, но ее покойный отец был директором Большого, а нынешний директор, господин Скромный, являлся его близким другом!

— Мне уже стыдно! — Степанов шумно вздохнул. — Но вы так интересно говорите! А я и вправду так мало знаю...

— То ли еще будет! — В голосе Величаевой зазвучало возбуждение. — Вы наивны, как дитя! Вы не знаете решительно ничего! Родная тетка Томской, Елена Ланина, — главный бухгалтер Большого, поэтому у Галины — самые высокие став-

ки! Но если бы только это! Галина — любовница Сафьянова! Неужели вы и об этом ничего не знаете? И чем вы только занимаетесь у себя в Управлении?!

— Да, действительно, — пробормотал Степанов, — и чем мы только занимаемся?!

— Галине все прощается, — продолжала его спутница. — Вы бы заехали к Сафьянову. В гости! — Величаева громко захохотала. — Не сомневаюсь, Галка у него пьяная лежит!

— Ну что вы! — возразил Степанов. — Как же я вот так запросто заеду к столь важной персоне!

— Ага, вы не можете! — торжествовала Величаева. — А Галина — может!

И тут Степанов задал неожиданный вопрос:

— Сафьянов был единственным любовником Томской?

— Единственным? — переспросила Величаева и похлопала следователя по колену почти ласково. Пальцы ее были унизаны кольцами. — Конечно, не единственным! Были еще, к примеру, Байков, Тимошенков Сергей Сергеевич... Да у нее их столько было, не сосчитать!

— А какие у нее были отношения с сыном?

— Отвратительные! Они ненавидели

друг друга. А как бы вы относились к матери, которую приходилось увозить из театра пьяной?!

— Но-но! — осадил следователь расходившуюся солистку. — Не переходите наличности!

— Ой! Простите! — Она как будто опомнилась.

Разговор становился интересным.

— Значит, причиной их ссор был алкоголизм Томской? — спросил Степанов.

— Не только. Антон играл, а она ему денег не давала.

— А чем он, собственно, занимается?

— Еще учится. Будущий солист балета, уже танцует в Большом.

— И что же он собой представляет?

— Да ничего особенного! Голубой мальчик. Друг у него есть, очень близкий, по прозвищу Юпитер. Ну, что еще? Антон, в отличие от матушки, не пьет, зато нюхает и обожает казино! А Галине вечно не хватает на выпивку. Вы ж понимаете, она дешевым портвейном наливаться не станет! А Антону то водный мотоцикл подавай, то акваланг, то «Феррари», то билеты на Гоа...

— Но «Ягуар» она ему все-таки купила.

— Это — да, купила!

— Вы столько о ней знаете!.. — Степа-

нов запнулся. Ему показалось, что он забыл, как зовут Величаеву. Или никогда и не знал?

Она поняла причину его смущения.

— Анастасия Макаровна, — подсказала она. — Меня зовут Анастасия Макаровна. Да, я хорошо знаю Томскую. На самом деле я — ее единственная подруга, настоящая, а не какая-нибудь льстивая шестерка! Ей ведь все врут, я одна говорю правду!

Машина повернула на Петровку.

— Остановите, пожалуйста, — вежливо попросил Степанов. Выйдя из дорогого авто, он простился со своей спутницей:

— Думаю, мы еще увидимся.

— Буду рада! — Величаева оскалила крупные жемчужные зубы.

Степанов поспешил напрямик в свой кабинет. Надо было многое обдумать. Значит, Томская — любовница Сафьянова. Тимошенков — бывший (если не нынешний!) любовник Томской. Следовательно нарочно не спросил Величаеву, кто же будет петь главные партии, если Томская так и не найдется! И без вопросов было ясно, что место примы займет Анастасия Величаева! И на гастроли за рубеж тоже отправится Величаева. А Тимошенков тревожится о Томской, хочет, конечно, чтобы ее нашли... Нет, нет, выходит

все как-то подозрительно гладко! Уж не лукавит ли Анастасия Макаровна?..

Степанов вспомнил о кассетах и заглянул к Даниилу Евгеньевичу, чтобы взять их.

— Как зуб? — участливо поинтересовался коллега.

— Подлечил, — коротко откликнулся Степанов.

— Больно было?

— Еще бы!

Нелеченый зуб продолжал ныть. Степанов возвратился к себе и принялся за просмотр кассет. Вот зрители входят и выходят... мельтешат... снимают пальто и шубы... Так, билетерши... администратор... Программки... Зал... Ха-ха!.. Господин Степанов с супругой изволят беседовать с безработным банкиром Овчинниковым и его Амалией... Ага!.. Директорская ложа занята!.. А вот и конец спектакля... Входят, выходят, мельтешат... Кто у нас тут на подозрении?.. Антон входит. Все выходят, а он входит. Приехал увезти пьяную мать? Расталкивает людей. Что это у него с рукой? Как будто вывих? Или нет?.. Антон направился вверх. Там уборная Томской. Величаева и Тимошенко идут ему навстречу. Обменялись кивками. Почему Вели-

чаева в театре? Степанову вовсе не показалось, будто Галина Томская была пьяна. Но ему ведь никто не казался пьяным, ни Томская, ни Тимошенков... И ведь Галина допела партию Снегурочки до конца. Но тогда зачем приехали Величаева и Антон?.. Стоп! Почему всего тринадцать кассет? Чертова дюжина! Где еще две? Кто потерял? Конечно, не охранники в театре! И не стоит на них бочку катить. И наверняка искать бесполезно. Это отнюдь не случайная пропажа! Ясно, что на исчезнувших кассетах возможно было увидеть Антона и... кого-нибудь еще!.. Василий Никитич подпер ладонями щеки... Нет, что бы там ни говорила красавица Величаева, а Томская, конечно же, мертва!

Размышления следователя прервал телефонный звонок. Позвонила жена. Попросила Степанова заехать за сыном. Их единственное сокровище, будущий медик, сегодня должен был задержаться в анатомичке. Бр-р! Степанов вздрогнул. Конечно, он за время работы в Управлении перевидал немало трупов. Но мальчик такой хрупкий...

Сцена пятая

В этих помещениях отвратительно пахло. Формалином и трупами. Уже в коридоре Степанова встретили два буроватых тела, растянувшихся на специальных оцинкованных столах. Вокруг столов теснились студенты, готовились к экзаменам. Кто-то из них объяснил Василию Никитичу, где найти Николая.

В подвале две тусклые лампочки под потолком едва рассеивали темноту. В огромных зловонных ваннах что-то шевелилось. Степанов позвал:

— Коля! Коля!

Сын подошел к отцу. В руке Николай держал нечто вроде багра. Ему было поручено вымочить трупы. Работа не пыльная, но, прямо скажем, отвратительная! Трупы плавали в ваннах. Показывались то затылок, то плечо.

— Кто это? — тихо спросил Степанов. — Бомжи! — ответил сын, явно изо-

бражая крутого медика. — Некоторые сами себя продают, еще когда живые. Ну, чтобы потом, после смерти, по их трупам учились!..

Из темноты вышел сокурсник Юра, нехотя взял у Николая багор.

— Я пойду у препода отпрашиваться! — пояснил ему Николай. — За мной батян приехал.

Степанов пожалел несчастного Юру, которому предстояло оставаться здесь в одиночестве, наедине с мертвяками...

«А вдруг и Томская здесь!»

Эта внезапная мысль обожгла Степанова. Он вытянул шею. Ему почудилось, будто трупы копошатся в ваннах. И этот запах!.. Да, формалин! В кабинете Грубера тоже пахло формалином!..

Степанов схватил сына за руку и потащил его к машине. Отпроситься у преподавателя студент Степанов так и не успел!..

Разумеется, в театральной поликлинике никого не было. Окна глухо темнели. Василий Никитич звонил и стучал напрасно. И зачем? Ведь все равно у него не было ордера на обыск! Костяшки пальцев заныли. Степанов вернулся в машину.

Всю дорогу до дома сын поглядывал на отца с недоумением, но вопросов не задавал, понимал, что у батяня работа такая!

В прихожей их встретил повеселевший пекинес Чумарик. Маша весело улыбалась, осыпая песика ласковыми словечками. Николай хмуровато косился на собаку, потом с насмешкой спросил:

— Предки, это что, новый член семьи?

Василий Никитич высунулся из ванной:

— Нет, Колюня, это гость!..

Уставший от занятий в анатомичке, Николай лег спать необычно рано. Степанов нервничал. Маша на кухне смотрела телевизор. Комментатор, в темном костюме и при галстуке, монотонно бубнил, изредка повышая голос. Маша обернулась к мужу. Она чуть покраснелась, глаза блестели:

— Ну, Вася, как тебе это нравится?! — возбужденно заговорила она. — Ты только послушай! В Большом театре ремонт!..

— Разве уже начался? — машинально перебил Степанов.

— Почти! — произнесла жена несколько растерянно. Но тут же снова завелась: — Нет, ты только подумай, Вася! Под предлогом ремонта крадут денежные средства, собираются снести портик!..

Но Василий Никитич не знал, что такое «портик».

— ...портик!.. Работы архитектора...

Но ни Маша, ни Вася так и не вспомнили, кто же был в свое время архитектором Большого театра!

Сцена шестая

Второй день подряд Антон Томский ужасно тосковал. Он просто-напросто места себе не находил! А как еще может себя чувствовать человек, убивший свою мать? И ведь он не хотел, не хотел! Это получилось нечаянно!

Наверное, все-таки виноват Юпитер! Ведь это Юпитер подарил Антону пистолет! Да, такой импортный, немецкий пистолет, боевой! Но им нужно было оружие, да, им обоим! Потому они и очутились в «Кольчуге» на Варварке. В «Шангри-Ла» им обломился такой выигрыш! Но администрация казино грабанула треть! А возмущаться не имело смысла, охранники избили бы счастливцев! А на улице уже дожидались шакалы! И отобрали оставшееся. И теперь Антону нужны были деньги, позарез нужны были деньги. Ведь они с Юпитером начали, можно сказать, совместную жизнь, купили в рассрочку

квартиру на Можайке. И теперь подошло время очередного платежа. А если не заплатят, придется съезжать! Двадцать тысяч «зеленых»! И это только аванс! Никто из их с Юпитером сокурсников не потянул бы! Но все-таки у Антона мать — солистка Большого, а у Юпитера дядя недавно умер, мастерской при Гнесинке заведовал!

И тут Галина Томская заупрямилась. Началось с того, что мать ни с того ни с сего примчалась к ним с Юпитером! И не то чтобы в гости, а вроде как с проверкой! А ребята как раз вернулись из «Самоволки» и оттягивались по полной. Развалились на коврах, Антон, Юпитер, пять мальчиков, ну, и девка. Курили травку, музыку слушали, медитировали. А мать заявила и — в крик! Ну, ясно, алкоголичка классическая, современности не понимает!

А как быть Антону? Он привык все-таки к определенному образу жизни. Он — мажор, он — в порядке! Он не может без продвинутой тачки, без прикида, без клубов! Он должен ездить на Ибицу, на Гоа! У него друзья — золотая молодежь, крутая тусовка, детки больших людей! Он с такими людьми зажигает! А не будет денег, и ничего не будет! И прежних друзей только по телику и увидишь! А ведь это больно: иметь все и вдруг все потерять!

Мать взбеленилась, заявила, что не даст ни копейки, то есть ни цента! Антон решил играть! Ну не мог же он грабить банки! К тому же выяснилось, что игра — дело ненадежное! То есть потому ненадежное, что, даже если и выпадал крупный выигрыш, отдавать приходилось больше половины. И тогда Юпитер принес пистолет! Но почему принес? Ведь потому что Антон намекал, намекал!.. Вот теперь у них никто не посмеет отобрать деньги! И ведь Антон уже все понял, своим умом дошел! Он знает, как выигрывать! Он выиграет сто, двести тысяч! И квартира будет их! Так полагал Антон.

А Юпитер, учитель хренов, объяснял, как надо обращаться с оружием. Сначала поугагать противника, а если не подействует, тогда уже стрелять боевыми!

Тренировались в Сокольниках, отыскивали глухомань. Антон вытянул руку. Пальцы приятно обхватили крепкий металл. Приятно было нажимать на курок и слышать острый сильный звук выстрела.

А все же без общения с матерью Антону было тоскливо. Он, в сущности, любил мать. Да и ссориться с ней капитально не имело смысла. Решил поехать за ней в театр. Увезет, пьяную или трезвую, покажет, какой он хороший сын. Так он решил с ут-

ра, но вставать было лень, уткнулся губами в затылок Юпитера. И тут раздался телефонный звонок. Антон откинул на одеяло безвольную руку Юпитера, прошлепал босиком к белому аппарату. Звонила вежливая девица из строительной компании, напоминала о просроченном платеже. Этот звонок еще больше укрепил Антона в решении помириться с матерью.

Он приехал к окончанию спектакля. Мать застал в уборной. Сидела перед зеркалом, наливалась виски. Антон принялся уговаривать и доказывать, что пора домой, что она устала, что ей необходимо отдохнуть. Мать невнятно бранилась, лицо ее сделалось красным, как свекла. Она вдруг уставилась на сына. Даже вдрызг пьяная, она понимала, что Антону не нравится ее поведение. Ну и пусть! А со своими неприятностями она сама справится.

Антон присел на кушетку, не снимая пальто.

— Ты бы лучше денег мне дала, вместо того чтобы так пить!

— Прорва ненасытная! — Мать с размаху поставила бутылку на столик.

— Мне нужно десять тысяч! — решительно произнес Антон. — Ты же в месяц в два раза больше получаешь!

— Не дам! — невнятно пробормотала Томская. — Проси у отца!

— Издеваешься?..

Отец Антона, бывший муж Галины, которого в театре все давно уже звали Виталиком, работал статистом. На его месячную зарплату можно было только пару раз заправить «Ягуар» бензином!

Антон стиснул зубы. Он едва сдерживался, чтобы не крикнуть матери какую-нибудь гадость.

— Поедем! — сказал он.

— Я никуда не поеду!

— Так и будешь сидеть здесь и пить?!

— Так и буду!

Антон вскочил, схватил стул и швырнул с грохотом на пол.

— Ты поедешь, поедешь! — в бешенстве кричал он.

— Не поеду! — Она налила виски в граненый стакан и выпила залпом.

Антон подскочил к матери и потащил ее с кресла. Он спешил. Ему нельзя было опоздать в казино. В одиннадцать, за час до полуночи, должна начаться премиальная игра.

Томская подняла крупную руку и дала сыну пощечину. Антон отшатнулся, выхватил пистолет и выстрелил. И пока гремел выстрел, он вспомнил, что один

холостой патрон уже израсходован, сегодня ведь тоже тренировались в парке с Юпитером.

Мать безвольно наклонилась. И тут вдруг раздался треск. Это подломилась ножка кресла. Солистка Томская завалилась к стене. Антон растерялся. Не сознавая, что делает, он сунул пистолет в карман пальто и побежал сломя голову!..

В казино ему вдруг повезло. Он выиграл. На этот раз ему удалось сохранить все деньги!

Антон оставался в казино до рассвета. О матери он не думал. Но к пяти часам ощутил страшную усталость. Пора было возвращаться домой. Уже за рулем «Ягуара» он стал почти спокойно размышлять о совершенном убийстве! Что же он наделал?! Слезы навернулись на глаза. Но нет, надо было совсем о другом думать! Не оплакивать погибшую мать, а думать о том, как бы замести следы. Ведь он не поднял и не поставил на место стул, не подошел к матери... А вдруг она была еще жива? Вдруг она не убита, а только ранена? И ее возможно было спасти? А видеокамеры? Ведь он бежал, как будто за ним гнались!..

Антон резко крутанул руль, остановил машину. Лихорадочно проверил

пистолет. Гильзы остались в барабане. Главной улики нет!

А пуля? Пулю непременно найдут в теле убитой. А если прошла навывлет, то в стене или в мебели... А звук выстрела?..

Дома Антон твердо решил: не прятаться, не скрываться, вести себя нормально! То есть как «нормально»? Ну, как должен вести себя единственный сын, трагически потерявший мать!..

Из театра позвонили. Он не понял, что именно ему говорят. Одно было ясно: несчастье! Несчастье с его матерью! Нужно было снова ехать в Большой. Надо было заставить себя ехать. И вдруг Антон вспомнил о подруге матери, о Величаевой. Да, он поедет не один, а в сопровождении этой красавицы, словно лишенной возраста и очень похожей на куклу Барби!..

В театре Антона окружили, жалели. Дрожащим голосом он спрашивал, как прошел вчера спектакль, как чувствовала себя мать. Все, конечно, знали, что обычно Томская после представления запиралась в уборной и пила. Но теперь об этой ее привычке не говорили. Антон осторожно выспрашивал и был радостно удивлен, когда оказалось, что вчера никто его не за- метил и выстрела никто не слышал!

«Никогда! — клялся себе Антон. —

Никогда больше не совершу ничего дурного! Ну, а квартира?..» Сгоряча он было воскликнул про себя: «Да пропади она пропадом, эта квартира!» Но тотчас несколько остыл и решил, что деньги за квартиру он, разумеется, выплатит. Тем более что он единственный прямой наследник покойной (да, наверное, покойной!) матери...

Итак, все складывалось хорошо. Если бы не одна мелочь. Да, никто не заподозрил Антона. И следователь, кажется, не намеревается его допрашивать. Но все же... Где труп? Если мать ушла сама, то куда же она исчезла? А если кто-то унес тело, то этот кто-то знает роковую тайну Антона!

Проводив следователя, директор Скромный пригласил Антона к себе в кабинет. Антон сидел перед Венцеславом Аркадьевичем, понурившись.

— Понимаю!.. Понимаю!.. — повторял Скромный тепло и сочувственно. И вдруг спросил: — Послушай, а ты вчера в театр не заезжал?

Отрицать было бы глупо! Лучше всего было сказать правду.

— Да, я приехал, но мама... — Антон выдержал выразительную паузу. — Вы ведь ее знаете... знали... Я просил, она не захотела... Мне пришлось уйти ни с чем...

— Не захотела... — задумчиво протянул директор.

Антон поднял голову и посмотрел Скромному прямо в глаза. Стеклышки очков поблескивали, но выражение глаз нельзя было различить...

— Антон! А ты не заметил в уборной ничего подозрительного?

— Вроде нет...

— Мать была одна? То есть вы были вдвоем?

—Ну да!

— А вы, случайно, не поссорились?

— Нет, — коротко ответил Антон.

Снова повисла пауза. Затем Скромный любопытствовал:

— А ты как, вообще, с отцом общаешься?

— Вообще-то нет.

— Ты знаешь, он ведь еще не приехал.

Антон пожал плечами.

Когда он вышел из кабинета Скромного, ему вдруг показалось, что директор пытался ему парадоксально внушить, будто Антон ни в чем не виноват!

А вдруг мать затеяла свою игру? Вдруг решила проучить непослушного сына? Вдруг она где-нибудь прячется? Где-нибудь в надежном месте! А Венцеслав Аркадьевич все знает!..

Антон простился с Величаевой и помчался домой к матери. Но дома ее не оказалось. На даче — тоже! Антон обзвонил приятелей, знакомых... Никакого результата!.. Тогда он заглянул в поликлинику Большого. В конце концов, после случившегося мать не могла чувствовать себя совершенно нормально! Но замглав врача Грубер ничего не знал об исчезновении солистки Томской. И все-таки, все-таки... Антону показалось, что Груберу, как и директору Скромному, что-то известно; что-то такое, чего они не желают открывать Антону!

В коридоре поликлиники Антон чуть ли не нос к носу столкнулся с сыскарем, который, по словам Скромного, назначен был вести дело об исчезновении Галины Томской. Антону сейчас совсем не хотелось общаться со следователем. Ведь еще непонятно, что же, собственно, произошло! Грубер и Скромный явно не хотят говорить ему всей правды! И если следователь его сейчас допросит, то наверняка поймет, что и Антон лжет! И Антону ничего не оставалось, как броситься бежать. Конечно, такое поведение только усилит подозрения следователя... Ну и черт с ним!

Антон решил поехать к отцу.

Сцена седьмая

Отец проживал в спальном районе, в однокомнатной квартирке. По телевизору транслировали оперный спектакль в Ла Скала. Остановившись у двери, Антон сразу же услышал звонкие певческие голоса.

Отец удивился приезду сына. Прежде Антон не баловал его своими посещениями.

— Ну, проходи, проходи! — Виталик приобнял сына за плечи и с сожалением покосился на экран. Затем поколебался и все-таки убавил громкость. Но выключить телевизор не захотел.

Антон подошел к стулу и украдкой провел ладонью по спинке. Пожалуй, многовато пыли! Но выхода не было. Антон повесил пальто в коридоре и сел.

Отец стоял к нему спиной и разбивал яйца на сковородку.

— Ты что предпочитаешь, — начал Виталик, — поздний завтрак или ранний обед?

Антон сейчас предпочел бы трапезу в хорошем ресторане, но не стоило обижать отца отказом.

— На твое усмотрение! — дипломатично ответил молодой человек.

Виталик выставил на стол щербатые тарелки и чашки с коричневатым налетом на доньшке. Антон глотнул кофе, затем отодвинул чашку и резко произнес:

— Мать пропала. Тебе не звонили?

— Нет! — Отец поднял брови. — Как это — пропала? Уехала? Куда?

— Не знаю. — Антон щелкнул легонько по округлой чашке.

— То есть как? — Отец продолжал изумляться.

— Да так! Со мной после спектакля не поехала. Осталась в уборной. И больше никто не видел ее.

— Пьяная была?

— Ну-у!.. Допустим...

— Ясно! Пьяная! Потому и не поехала с тобой. Будто я ее не знаю! Пропала, говоришь? Доигралась! Я сколько раз, еще в молодости, предупреждал ее: «Галка, остановись!» А ей хоть бы хны! По трупам шла! Вот и получила!..

Антон мрачно выслушал сбивчивую речь отца. Отпил еще кофе, спросил осторожно:

— А как ты думаешь, кто в театре выиграл бы от исчезновения матери?

— Кто?! — Отец разгорячился. — Да Величаева, конечно! Сучка провинциальная! Теперь она и лучшие партии получит, и за границу будет ездить! Да я всегда знал, что она Галку когда-нибудь отравит!..

— А кроме Величаевой?

— Кому выгодно? Тимошенкову, ясное дело! Этот подлец притворялся, будто любит твою мать, а у самого — шашни с Величаевой! А от твоей матери Тимошенкову одно надо было — чтобы помогала ему в театре держаться! Да что Тимошенков! Байков — вот мерзавец!..

Байкова, также любовника матери, отец ненавидел еще больше, чем Тимошенкова!..

Антон понял, что никогда не решится сделать отцу страшное признание: «Я убил мать!» Надо было уходить. Антон поднялся, надел пальто. Еще раз оглядел кухню. В глаза бросилась склянка с приклеенной грязно-белой бумажкой. На бумажке ясно читалось: «Синильная кислота». Рядом на полке валялся шприц. Антон не особенно был привязан к отцу, но все же немного заволновался.

— Папка, это что у тебя, яд? Зачем? Ты что, помереть решил?

Отец делано захохотал:

— Не думай, Антошка! Я жить хочу! Хочу и буду! А в бутылке, это так, ветеринар знакомый попросил кота прикончить. Лишай у него безнадежный...

— У кого? — машинально спросил Антон.
— У кого лишай? У ветеринара или у кота?

Отец удивленно посмотрел на сына. Потом, все поняв, засмеялся снова:

— У кота, конечно, у кота! Вон он, бедолага, валяется!

Антон повернул голову. К батарее парового отопления притулилась груда пустых бутылок. Рядом и вправду кемарил несчастный полудохлый котяра. Могло показаться, что он успел вылакать все спиртное из этой посуды!

В машине Антон включил дворники, потому что опять пошел снег. Куда же направиться теперь? Подумав, он решил поехать к Тимошенкову. Ведь когда в жизни матери появился Сафьянов, она все равно не порвала окончательно с Тимошенковым. Можно было сказать, что Тимошенков и Галина Томская дружили. Антон знал, что Тимошенков — мужик добрый, отзывчивый, к нему со сво-

ей бедой приезжай в любое время дня и ночи — примет!

Антон гнал «Ягуар» по разделительной полосе. Удостоверение артиста Большого не впечатляло гаишников, привыкших к документам покруче. Антона то и дело останавливали, трепали ему нервы. Казалось, будто за ним нарочно едут какие-то машины, преследуя его. Антон досадливо покрутил головой. Да нет, просто ему плохо, на душе тяжело, потому и мерещится всякая чушь!

Тимошенков расчищал дорожки в саду, уже основательно запорошенные белым пушистым снегом. Жилье у Тимошенкова было добротное, хотя и несколько старомодное и не очень удачно спланированное. Вход на кухню был прямо из сада. А за стеной располагался гараж.

Несмотря на радушие хозяина, разговор продвигался туго. Собеседники как будто хотели выведать друг у друга нечто важное, но у них ничего не получалось! Тимошенков выставил на журнальный столик бутылку абсента и пару лимонов. Антон не любил алкоголя, но сейчас ему необходимо было забыться!

Рядом с бутылкой очутились несколько кассет. Антон подумал с досадой, что

хозяин сейчас поставит какую-нибудь запись с пением Галины Томской. Меньше всего ему сейчас хотелось слушать, как поет мать. Но Тимошенко поставил кассету с фрагментами спектаклей, где была занята Величаева.

Замелькали отрывки из «Госки», «Мадам Баттерфляй», «Навуходоносора»... Качество съемки оказалось не очень хорошее, но получить представление о певице можно было. Величаева пела сильно, объемно. Звук перекатывался наполняя пространство, как неотступные волны прилива.

— Вы снимали? — догадался Антон.

Тимошенко покраснел.

— Я... Да это репетиции. На спектаклях нельзя ведь снимать без специального разрешения! А кто мне разрешит!..

Антон задумался, посмотрел на тонко нарезанные ломтики лимона, спросил:

— Как вы полагаете, Величаева в хорошей форме сейчас?

— На подъеме, — коротко отвечал Тимошенко.

Антон вставил в видеомагнитофон кассету с надписью «Томская». Это уже была съемка профессионального оператора. Камера была укреплена на штативе, и потому изображение не дрожало. Ан-

тон слушал напряженно. Да, конечно, мать уступала Величаевой! Томская уже не могла брать ноты глубинным придыханием. Она хитрила, играла голосом, но это не помогало, и звук внезапно обрывался; певица, что называется, «проваливалась». Но в отличие от Анастасии Макаровны Томская была настоящей актрисой, пение ее отличалось подлинным драматизмом. Когда она чувствовала, что не дотягивает, то мгновенно отвлекала публику обаятельной улыбкой или прелестным жестом.

Тимошенко поднял рюмку и пригласил гостя чокнуться:

— За Томскую! За гордость Большого!

Антон выпил. В груди потеплело. Он давно не ел и потому быстро захмелел. Мелькнула мысль, что стоило бы позавтракать (или пообедать!) у отца...

— Вы ее любили? — спросил он вдруг, поставив рюмку.

Вопрос застал Тимошенко врасплох. Он чуть не поперхнулся. Затем проговорил с неожиданной напыщенностью:

— Все любят солнце! Но ведь оно не может принадлежать одному человеку! Я и надеяться не мог...

«Вот как!» — успел подумать Антон. Его мутило, голова сделалась тяжелой...

— Простите, можно мне прилечь? — проговорил он заплетающимся языком.

Тимошенко охотно позволил. Пошатываясь, Антон поднялся на второй этаж, в спальню. На стене висела большая черно-белая фотография в простой рамке. Сфотографированная женщина показалась Антону странно знакомой.

Рядом очутился Тимошенко.

— Это ваша... — начал Антон.

— Давай на «ты»! — перебил хозяин дома.

— Это твоя жена? — Палец Антона указал на фотопортрет.

Но ответа Томский уже не расслышал, провалился в сон.

Проснувшись так же внезапно, как и заснул, Антон ощутил отчаянное желание чего-нибудь нюхнуть или уколоться. Вышел на лестницу, окликнул Тимошенко:

— Эй! Эй! У тебя шмали не найдется?

Внизу показался Тимошенко:

— Ты что, парень?! Что за шмаль такая?!

Тимошенко был субъект старой за-

калки и потому признавал только алкоголь!

— Да нет!.. Я пошутил, пошутил... — прохрипел Антон и вернулся в спальню.

Он проспал еще полчаса. Затем вновь открыл глаза. На душе было скверно. «Все-таки мать — великая певица! А я — скотина! Я никогда не ценил ее так, как следовало!..» Антон спустился на кухню. Здесь, на кушетке, сопел Тимошенков. Антон сунулся в холодильник, выпил минералки. Огляделся. В глаза бросились шариковая ручка и блокнот. Антон вырвал лист и крупным скачущим почерком написал признание в убийстве матери. Пусть Тимошенков отнесет листок в милицию. Может быть, наказание не будет таким уж страшным, все-таки добровольное признание...

Антон вернулся в спальню. Бросил беглый взгляд на стену. Фотографии не было. Он почему-то огляделся и заметил твердый уголок фотопортрета, засунутого за шкаф. Антон нагнулся и вытянул из-за шкафа фотографию. Поднес к лицу... Вот те на! Оказывается, женщина на снимке была не одна! И женщина эта была совсем юная Величаева! А рядом с ней — Тимошенков! Протрезвевший Ан-

тон вглядывался в снимок и все более и более изумлялся. Тимошенков и Величаева обменивались обручальными кольцами. Лицо Величаевой обрамляла белоснежная фата, Тимошенков был облачен в черный жениховский костюм... Но это уже не имело для Антона никакого значения! Оставив листок с признанием на кухне, Антон вышел во двор, завел машину и уехал. Тимошенков так и не проснулся.

Антон до упора жал на газ. «Хорошо бы помереть! — лихорадочно думал он. — Или пусть арестуют!..»

«Ягуар» выехал на Рублевку. Антон резко затормозил и некоторое время сидел в машине. Потом, развернувшись, поехал назад, к дому Тимошенкова. Тот по-прежнему крепко спал на кушетке. Антону показалось, что Тимошенков так и не просыпался. Схватив листок, Антон покинул жилище Тимошенкова во второй раз, теперь уже окончательно.

Отдохнув в своей не до конца оплаченной квартире, Антон отправился в казино на метро. Дорога заняла минут десять.

В этот раз ему не очень везло. Как это частенько случалось, он просидел за иг-

рой до рассвета. Усталый, полусонный, спустился в метро. Его даже не хотели пропускать, приняли за пьяного в дым! Но все-таки пропустили. Он приблизился к самому краю платформы. Гремя и сверкая, надвинулась электричка. Молодой человек внезапно потерял равновесие...

Сцена восьмая

Можно было ожидать, что на следующий день Степанов отправится напрямиком в поликлинику Большого, побеседовать с Грубером. Но Василий Никитич, подумав, решил поехать в театр, где должны были собраться представители труппы. Он уже представлял себе, почему могли убить Томскую, но пока не мог себе представить, как ее убили!

В театре произошла неожиданная встреча. В фойе слонялся Овчинников, разглядывая фотопортреты артистов и перекидываясь то и дело словцом-другим с охранником, который прогуливался рядом, удерживая под мышкой пачку газет.

— Василий Никитич! — Безработный банкир кинулся к следователю, словно к старому другу.

— А вы что здесь делаете? — удивился Степанов. У него чуть не вырвалось: «Я вас не вызывал!»

— Как трудитесь? — продолжал Овчинников непринужденно. — Как там мой «крестный» Андрей Алексеевич? Я знаю, вы занимаетесь этим печальным делом, то есть делом об исчезновении Галины Томской...

— Откуда вы-то знаете? — спросил в свою очередь Степанов.

Овчинников отвечал уклончиво и странно:

— Да вот, узнал, что вы всех вызвали, ну и я...

— То есть что — вы?

— После вас... Буду беседовать с руководством Большого...

— Не понимаю...

— Сейчас я вам все объясню! Видите ли, мне предложили возглавить Совет попечителей Большого театра! А я ведь сейчас постоянной службы не имею, вот и согласился.

— Что ж, должность почетная. Поздравляю!

Овчинников вежливо протянул следователю визитку. Карточка была совсем новенькая. Золочеными буквами на ней значилось: «Председатель Совета попечителей Большого театра».

— Вообще-то банкиром быть почтеннее! — Овчинников ухмыльнулся. А тут

еще ремонт этот, и гастроли на носу, и скандал с Томской! Ну просто необходимо встретиться с коллективом, обсудить репертуар, распределить роли...

— Скажите, Овчинников, а кто спонсирует Большой?

— Да театр и сам небедный! Но, конечно, и спонсоры оказывают значительную поддержку. Вот билеты, например, могли бы стоить дороже, если бы часть стоимости не возмещалась...

Степанова внезапно осенило:

— Послушайте, Григорий Александрович, стало быть, тогда, когда мы с вами здесь, в театре, случайно столкнулись, вы уже знали, что возглавите Совет попечителей?

— Догадывался, — поскромничал Овчинников.

— А Сафьянов в тот день был в театре? — Следователь огляделся по сторонам.

Овчинников ухмыльнулся:

— Ну, а как по-вашему? Для чего бы я поперся в Большой, если бы Сафьянова дам не было?..

Постепенно Степанов начинал понимать! Да, в тот роковой вечер в театре собралось много важных персон. А такие,

как он и Маша, просто-напросто играли роль своего рода массовки.

Степанов вспомнил, что ведь кто-то мелькнул в правительственной ложе! Сафьянов!.. И кто еще?..

— Сафьянов был на спектакле один? — Кажется, вопрос получился не очень умным, но ничего другого в голову не пришло!

— Один?! — Овчинников, кажется, уже почти презирал наивного Степанова. — В одиночку ходят в оперу только сумасшедшие! Разумеется, вместе с Михал Михалычем находились в ложе Венцеслав Аркадьевич и Артемий Ефимович.

— Кто это Артемий Ефимович?

— Главный режиссер!

— Неужели директор театра и главный режиссер никогда не слушали «Снегурочку»?

— Ах, Василий Никитич! Сразу видно, что вы не смотрите телевизор!

— Ну, не очень люблю. И что же?

— А то, что перед спектаклем состоялась встреча Михал Михалыча с творческой интеллигенцией. Присутствовали: главный режиссер Большого, знаменитый композитор Тренников...

— Мне кажется, в правительственной

ложе была женщина! — вдруг перебил Степанов.

— Правильно вам кажется! На встрече присутствовала также певица Величаева...

— Так, значит, это она потом сидела в ложе?

— Совершенно верно! Даже по телевизору, в программе «Культура», показали: сначала Михал Михалыч пьет чай с Тренниковым, Артемием Ефимовичем и Величаевой, а потом они сидят в ложе, то есть Сафьянов между Тренниковым и Величаевой...

Степанов внезапно призадумался, а затем спросил:

— А помощники, охранники Сафьянова были в ложе?

— Ох, Василий Никитич! — Овчинников картинно закатил глаза.

Степанов понял, насколько неуместен его вопрос. Ясное дело: все были, и охранники, и помощники!..

— Но вы... Вас же в ложе не было!

— Я еще не получил официального назначения. Но мне уже было ясно! Потому и сидел в первом ряду!

«Сословно-иерархическая система!
Повсюду сословно-иерархическая систе-

ма!» — невольно подумал следователь. А вслух задал новый вопрос:

— Погодите, а Сафьянов уже слышал «Снегурочку»?

— Да. Как вы догадались?

— Сам не знаю. — Василий Никитич улыбнулся. — Наверно, интуиция!

— Да, — повторил Овчинников. Казалось, он сомневался: стоит ли продолжать разговор. Но, должно быть, ему захотелось покрасоваться перед сотрудником Управления, показать свою осведомленность... — Видите ли, премьер-министра вполне можно назвать любителем оперы. В частности, ему нравится исполнение Томской... — Степанов и банкир глянули друг на друга внимательно. — Ведь правительство и Попечительский совет курируют театр, — произнес Овчинников с важностью. — Большой театр — это вам не хухры-мухры! Объект федерального значения, народное достояние!.. — Овчинников снова замолчал, затем проговорил решительно: — Я понимаю, о чем вы еще хотите меня спросить. Я тоже слушал «Снегурочку» не в первый раз...

Степанов приуныл. Его, в сущности, сейчас опустили, приложили мордой об стол! Продемонстрировали ясно, какой он некультурный человек! Он ведь и

вправду что думал? Прислушал оперу один раз — и хватит! В конце концов, в следующий раз можно и на другую оперу пойти! Ну, балда! Хотя бы с Машкой посоветовался. Она все-таки сечет фишку в музыке!..

Овчинников между тем подозвал своего охранника:

— Дай-ка нам газетки, Сережа! — Григорий Александрович взял у Сережи газеты и передал Степанову. Тот машинально принялся просматривать газетные листы.

— Посмотрите, посмотрите! — поощрил собеседника банкир, то есть уже и не банкир, а глава совета!

— Вроде как ничего интересного, — Степанов протянул свернутые трубочкой газеты охраннику.

— А вы заметили, что о Томской ни слова?

— Заметил, — пробормотал Степанов, испытывая чувство неловкости. Ведь следователь должен замечать не только то, что есть, но и то, чего нет!

— А раньше о ней писали постоянно! — с торжеством воскликнул Григорий Александрович. И вдруг любопытствовал: — К вам-то никто из журналистов не обращался?

Следователь отрицательно качнул головой.

— Думаю, есть приказ! — Овчинников поднял указательный палец.

Этот жест говорил о многом. Например, о том, откуда мог исходить приказ не упоминать о пропавшей солистке! Разумеется, из самых высоких сфер!..

Внезапно перед глазами Овчинникова и Степанова развернулось весьма любопытное зрелище. В кабинет директора направлялась небольшая процессия. В окружении охранников и помощников почти торжественно ступал приятный и солидный мужчина. Трое охранников были вооружены автоматами «узи». Степанов узнал этого человека, потому что несколько раз видел его на экране телевизора. Это был Сафьянов собственной персоной!

Сафьянов приблизился к Овчинникову и обаятельно улыбнулся.

— Поздравляю, поздравляю! — про- рокотал мягкий баритон. — Уже наслышан о ваших деловых качествах!

Овчинников с восторгом взирал на премьера, который стоял спиной к Степанову. Следователь был немного удивлен. Неужели Сафьянов всерьез хвалит незадачливого банкира, неужели не зна-

ет ничего о судебном деле, о лопнувшем банке? А может быть, премьер просто-напросто иронизирует? Но нет, Сафьянов продолжал в том же духе:

— Надеюсь, сработаемся! В Большом многое, многое надо менять. Вот репертуарную политику, к примеру! Но не сразу, не сразу! Постепенно. В этом театре ничего нельзя менять резко, понимаете? Нам не нужны великие потрясения, нам нужен великий Большой!

Степанов разглядывал важную персону. Спокойный, вальяжный Сафьянов явно не привык к возражениям, но во всех его жестах, в интонациях его голоса чувствовалась мягкость, доброжелательность. Было в нем что-то от классического европейского джентльмена, такого, каким представляют себе подобного джентльмена именно в России! Уже третий год этот джентльмен стоял во главе правительства. Злые языки, однако, наперебой судачили о его скорой отставке. Многие злились на премьера и уверяли, что он испортил им жизнь. Отставки он не боялся, потому что считал, что в любом случае останется одним из первых лиц в государстве. Кроме всего прочего, Сафьянов славился своим красно-

речием. Он умел рассуждать логично, с ним трудно было не согласиться.

Сафьянов заметил охранника Сережу с газетами под мышкой и указал на него легким кивком, но по-прежнему обращаясь к Овчинникову:

— Что? Читаете? Изучаете?

Овчинников, в свою очередь, интенсивно закивал. Все почтительно теснились вокруг премьера и нового главы Попечительского совета, внимательно прислушиваясь к их беседе.

— Кстати, кто из солистов поедет на гастроль? — вдруг поинтересовался Сафьянов.

Все сразу поняли, что речь идет о замещении пропавшей Томской.

— Хотелось бы узнать, что вы думаете... — дипломатично заговорил Овчинников.

Премьер улыбнулся. Да, с этим Овчинниковым определенно можно работать! При нем Сафьянов может спокойно сделаться настоящим хозяином Большого, ведь президенту страны не до театра, столько важных дел!..

Вдруг из-за толстой колонны выступила молодая женщина, видная, высокая, одетая в красную кофточку и синюю, как у стюардессы, юбку. Было совершен-

но ясно, что ее появление отнюдь не случайно. Конечно же, она дожидалась премьеры. Степанов узнал балерину Молочкову, ту самую, которая танцевала Весну в «Снегурочке».

— Здравствуйте, Вера! — Сафьянов поздоровался с Молочковой тепло, почти по-отечески. — Как дела? Как работается?..

Танцовщица была на голову выше Сафьянова. Василий Никитич невольно вспомнил Величаеву: «Надо же, какие высокие бабы в Большом!»

Лицо Молочковой сияло, озаренное кукольной яркой улыбкой. Сафьянов задержал ее длинную руку в своей пухлой ладони, явно демонстрируя присутствующим, что покровительствует красотке.

— Скажите! — Сафьянов снова обратился к Овчинникову: — А это правда, будто вчера в театре была замечена Томская?

Овчинников пожал плечами и усмехнулся:

— Да, кто-то из охраны что-то такое видел... Или кто-то из администрации...

Балерина потихоньку высвободила свою руку и ретировалась. Конечно, теперь можно было и ретироваться, ведь все видели, как относится к ней премьер!

Степанову не терпелось пройти в ди-

ректорский кабинет, но надо было ждать! «А если Сафьянова вызвать на допрос? — подумалось следователю. — Что же, теоретически это вполне возможно. А вот на практике!.. На практике за это можно уехать в Магадан...»

— Прошу! — Овчинников распахнул перед Сафьяновым дверь в кабинет.

Премьер помедлил, огляделся, произнес с некоторым недоумением:

— А где же следователь?..

И откуда он только узнал?!

Овчинников засуетился, указывая на Степанова:

— Вот, вот!..

Сафьянов поздоровался со своей обычной мягкостью.

— Степанов. Василий Никитич, — представился Степанов.

— Ну что ж... — заговорил Сафьянов.

— Не буду вам мешать! — сориентировался Василий Никитич.

Овчинников посмотрел на него одобрительно.

«Да, — подумал Степанов, — следовало перенести общение с представителями труппы на другое время».

На всякий случай Степанов спустился вниз; пообщаться с охранниками. Спросил без особой надежды, сколько

все-таки было кассет. Охранники, разумеется, не знали. Второй экземпляр акта об изъятии этих самых кассет также куда-то запропастился...

Затем Степанов выяснил, что призрак Томской видела одна из билетерш. Привидение замечено было ею не где-нибудь, а в дамском туалете. Галина Томская вышла из кабинки, облаченная в костюм все той же Снегурочки. Храбрая билетерша решительно последовала за привидением. Солистка прошла на сцену и скрылась за занавесом. Было темно. Включить свет пожилая билетерша не осмелилась.

Все это было весьма странно. В поле камер видеонаблюдения Томская не попадала. Никто, кроме билетерши, ее не видел...

Пожилая дамочка разговорилась со следователем:

— Я вам так скажу: тут или одно, или другое! Или Томская жива и нарочно прячется, или...

— Да зачем же ей прятаться? — полюбопытствовал Степанов.

— Как зачем? Обиделась, вот и прячется. Хочет всем показать, что без нее — никак.

— И на кого же она могла обидеться? — спросил следователь.

— Да на кого угодно. Артистка. Человек ранимый. Недавно вот на самого... — Женщина понизила голос: — На самого кричала!

— На директора?

— Нет, нет. — Билетерша замахала руками. — На самого! На Михал Михалыча! Вот так вот, как я перед вами, вот так она перед ним стояла и кричала на него, кричала!.. Да только я думаю, — женщина заговорила совсем тихо. — Я думаю, что Галина Томская мертва! Да, да, ее нет в живых! Но... Она не погребена по-христиански и поэтому является! Ну, как привидение, понимаете?!

Сцена девятая

Степанов надел пальто и вышел на свежий воздух. Он напряженно размышлял. В конце концов, еще не все потеряно! Он еще покажет всем этим снобам, что и он не лыком шит, хотя и плохо разбирается в оперном искусстве!

Степанов перешел улицу и явился в администрацию ЦУМа. Там он показал удостоверение и попросил пригласить уборщиц, работавших в вечер исчезновения Томской. И тут следователю повезло. Одна из них дала интересные показания. В тот вечер она случайно глянула в окно и заметила, что в окне напротив, освещенном довольно ярко, что-то происходит! Какие-то люди возились с большим и, судя по всему, тяжелым мешком...

— Там еще баба какая-то копошилась возле них. Я видела. А потом еще двое вошли. Один руками замахал, как мельница. А те трое и потащили мешок...

— А прежде вы смотрели в окно? — спрашивал Степанов. — И кого видели в окне напротив?

Уборщица видела в окне напротив именно Томскую, грузную особу, которая обычно расхаживала по комнате, «вся накрашенная», как выразилась уборщица, а иногда и пела.

— Это же Большой театр там! Вот она и пела. Артистка!..

— А кто-нибудь заходил к ней, в эту комнату? — осторожно спросил Степанов.

И снова ему повезло!

— Заходил, заходил! Представительный такой мужчина, разговаривал с ней! И будто все уговаривает, уговаривает, а Эта, артистка, значит, не поддается! Потом еще одна дама заходила, высокая такая, красивая... Потом кто еще? В очках один, суетился все! Потом другой мужчина, муж, что ли. Обнимет ее вот этак, и сидят обнявшись! Потом парнишка заходил, уводил ее. Он ее под руку то держал крепко, парнишка, а ее так и шатало, видно, плохо ей было!.. Ой! А иной раз такое творилось!.. — Но что именно творилось, она не сказала

— А как выглядел молодой человек,

то есть этот парнишка? — Степанов описал Антона.

— Он, он! — закивала уборщица.

— А в тот вечер он приходил? Женщина задумалась, затем проговорила решительно:

— Нет! Не видала я его!

Вдруг уборщица, бросив нечаянный взгляд в окно, вскрикнула.

— Что? Что с вами? — Степанов также вздрогнул.

— Смотрите, смотрите! Вон она!..

Степанов повернулся и пристально смотрел в окно. Да, было отчетливо видно: у окна напротив по комнате расхаживала плотного сложения дама в костюме Снегурочки.

— Она? — тихо спросил следователь.

— Богом клянусь! — прошептала уборщица.

Степанов не стал дожидаться лифта и опрометью понесся по ступенькам вниз. Перебегая улицу, он не мог не заметить знакомый красный «Ягуар». Машина мигала поворотником, устремляясь к Лубянке.

Вернувшись в театр, Степанов направился напрямиком в уборную Томской. Так и есть! Бумажка с надписью «Опечатано» сорвана. Здесь уже побывали!

Дверцы шкафа были распахнуты настежь. Степанов ясно разглядел голубой, шитый серебром сарафан Снегурочки.

Следователь посмотрел на циферблат своих наручных часов. Кажется, пора возвращаться в кабинет директора. Должно быть, Сафьянов уже закончил свою беседу с представителями труппы. Так оно и оказалось! Сафьянов в окружении свиты как раз подходил к лифту, уже заботливо вызванному одним из охранников. Затем в коридор вышел Овчинников.

— Я могу быть свободным? — осведомился он у Степанова.

— Да, я вас не держу!

— Спасибо! — почему-то поблагодарил Овчинников. Но видно, ему не хотелось уходить так скоро. — Знали бы вы, что тут творилось!..

— А что? — оживился Василий Никитич.

— Да Тимошенко чуть не довел премьеру до нервного припадка! Он ведь профорг в театре, Тимошенко! Ну и выставил целый список, то есть кого на гастроли послать! А у Скромного, соответственно, свои кандидатуры! Вот и сцепились. А Сафьянов слушает и как будто ничего не понимает. Тут ему на мобильник позвонили. Он поговорил с кем-то, а

потом покраснел. Встал и говорит Тимошенко: «Нехорошо, батенька! Нехорошо!» И вышел из кабинета, не то разгневанный, не то расстроенный, поди разберись!..

В дверях показалась Молочкова.

— Не уходите! — остановил ее Степанов.
— Я и с вами в том числе должен поговорить!

— Да я только покурю! — Молочкова улыбнулась улыбкой красивой и влиятельной женщины.

Сцена десятая

Степанов распорядился, чтобы члены труппы проходили в директорский кабинет, где он расположился, по одному. Попугай то и дело вылетал из клетки, порхал по комнате, норовил усесться то на плечо, то на макушку. Это ужасно нервировало.

Первым в свой кабинет вошел Скромный. Степанов вежливо предложил ему сесть. Венцеслав Аркадьевич начал с места в карьер:

— Михаил Михайлович абсолютно прав! Постепенность и только постепенность! Конечно, перемены нужны, никто не отрицает, но... Постепенные, постепенные перемены! Для начала можно заменить Томскую Величаевой, но ведь так бывало уже не один раз! И... Я вас умоляю! Не выносите сор из избы! Не шумите вы об исчезновении Томской! Не давайте сенсационных интервью! У Большого и без

того довольно проблем! Вот Байков и Молочкова!.. Что хотят, то и воруют! Хотят — с собственными гастрольями разъезжают! Хотят — с театром судятся! Сплошная головная боль! А что делать! Делать нечего! Молочкова как танцевала в Большом, так и будет танцевать! И Байков — то же самое! Как был на вторых ролях, так и останется! Но убийство! Ужас! Такое пятно на репутации Большого! Что будет на гастролях?! Вы только представьте себе! Европа! Кто их знает! А вдруг тамошний зритель решит бойкотировать гастрольи?! Боже мой! Объявят бойкот Большому театру! Это же политика! Это же такой скандал, такой скандал!..

Степанову едва удалось вставить несколько слов в этот взволнованный монолог.

— Я вас понимаю, понимаю, — повторял следователь. — Но скажите мне, с кем Томская была не в ладах?

Скромный нервно взмахивал руками, отгоняя назойливого попугая:

— Василий Никитич! Вы что, до сих пор не поняли, что за человек Томская?! Но, в принципе, она все-таки баба не вредная. Поцапается с кем-нибудь, а через пять минут помирится. Ну, многие терпели, а другие — нет, затаивали на

нее! Да что говорить, мы все у Томской в кулаке обретались! Шутка ли! Не кто-нибудь, любовница самого Сафьянова!..

Директор рассказал Степанову некоторые подробности романа премьеры с певицей. В то время покойная ныне жена Сафьянова была еще жива. Бедняга держалась только на химиотерапии. В короткие периоды улучшений премьер стремился развлекать больную супругу. И вот однажды он обедал вместе с ней в Жуковке, в ресторане «Веранда». Собственно, обедали втроем: Сафьянов, его жена и молодая красавица Ксения Собчак. Эта девушка приобретала постепенно широкую известность как светская львица и популярная телеведущая. Еще не так давно имя ее отца, петербургского мэра, гремело по всей России, мать была членом Совета Федерации... Теперь Ксения деликатно орудовала японскими палочками, такая мраморное мясо в соевый соус. Она старалась выглядеть сдержанной и даже немного печальной. Ведь рядом с ней сидели смертельно больная женщина и несчастный муж этой женщины. Супружеская чета почти ничего не ела. Не выдержав давящего молчания, Ксюша заговорила спокойно и непринужденно.

— Не нужно замыкаться в себе, — го-

ворила она убежденно. — Никогда нельзя унывать. Человек должен иногда позволять себе расслабиться, повеселиться...

Все трое, конечно же, понимали, что речь идет не о каком-то абстрактном человеке, но именно о больной супруге премьера!..

— А почему бы вам не сходить в Большой! — предложила симпатичная собеседница. — Например, на «Лебединое озеро».

Сафьянов вскинул руки в протестующем жесте:

— Нет, нет, нет! Только не на «Лебединое озеро»! Меня уже мутит от этого балета! Каждую иностранную делегацию на него водим!

Ксюша рассмеялась.

— Ну, тогда на «Снегурочку»! — проговорила она сквозь смех.

Премьер поморщился, но Ксения продолжала убеждать супругов:

— Вы думаете, это детская сказка!..

— Да нет, я прекрасно понимаю, что музыка Римского-Корсакова...

— Вот именно! А Снегурочку поет сама Томская! Уж ее-то стоит послушать!

— Томская? — Больная немного оживилась. — Мы ведь слышали ее, Миша!..

В конце концов Ксения Собчак добилась своего! Супруги Сафьяновы отправились в театр вместе с ней.

Томская пела отлично! А после спектакля все трое прошли в уборную солистки и мило поболтали с ней. Разумеется, Томской было известно о болезни жены премьера, об этом многие в Москве говорили. На следующий день в приемной министра внезапно раздался телефонный звонок, которого Сафьянов совсем не ожидал. Звонила Галина Томская. Она прямо заговорила о болезни его жены и предложила знакомство со специалистом по нетрадиционной медицине. Кремлевская чета решила пойти и на это. Врачи определяли состояние Сафьяновой как почти безнадежное. Специалист поил женщину травяными отварами и окуривал душистым паром. И действительно, наступило облегчение. Теперь супруги Сафьяновы часто бывали в Большом, порою в сопровождении близких друзей. Жена Сафьянова даже подружилась с Галиной Томской. Большому театру эта внезапная дружба оказалась весьма выгодна. Сафьянов добился принятия проекта о правительственной финансовой поддержке театра. Проект был принят единогласно, никто не хотел показать себя невежественным субъектом, не разбирающимся в искусстве.

Впрочем, улучшение здоровья боль-

ной было временным. Врачи в итоге оказались правы. Жена Сафьянова умерла. Многие обратили внимание на присутствие Томской на похоронах. Она стояла рядом с безутешным вдовцом и что-то говорила ему участливо и доверительно. Вскоре Сафьянова уже можно было встретить в Большом почти каждый вечер. Положение Томской в театре весьма упрочилось. Директор советовался с ней о приглашении новых режиссеров, о репертуаре и гастрольной политике. Она даже утверждала певцов на роли...

Степанов пристально смотрел на Скромного. Тот вздохнул, налил воды из графина в граненый стакан и выпил половину.

— Я многим обязан Томской! Я фактически ее должник. Это ведь благодаря ей я близко познакомился с Михаилом Михайловичем! Но поймите, я всегда действовал в интересах театра!..

Большой театр поддерживался материально не только правительством, а и частным капиталом. Отечественные предприниматели составили Попечительский совет. Еще бы! Ведь в прессе постоянно писали о необходимости денежных вливаний в российскую культуру! Сам президент во время встречи с

олигархами заметил, что следует обратить серьезное внимание именно на Большой театр! Это замечание главы государства было воспринято фактически как приказ! Волевым решением современные российские буржуа теперь регулярно поддерживали главный театр страны крупными денежными взносами. Этот процесс контролировался председателем Попечительского совета. Именно таким председателем сделался теперь Григорий Александрович Овчинников. Но бизнесмены, наделенные в избытке деловой хваткой, всячески пытались превратить Большой театр в коммерческое предприятие. Это, конечно же, предполагало активное вмешательство председателя во внутренние дела труппы, то есть в гастрольную и репертуарную политику...

— Но все-таки, — настаивал Степанов, — с кем Томская особенно конфликтовала?

Скромный помялся, но вынужден был признать, что с женской половиной труппы певица ссорилась регулярно...

— Я доверяю вам, Василий Никитич! — повторял Скромный. — Поэтому я с вами откровенен, предельно откровенен! Томская заметила, что к Сафьянову

проявляет активный интерес балерина Молочкова. Начались ссоры, придирки. Однажды я слышал, как Молочкова сказала, что — представьте себе! — с удовольствием накормит солистку толченым стеклом! Ну и Томская, разумеется, не оставалась в долгу! А вы Купаву помните?

— Какую Купаву? — спросил Степанов. Но вдруг вспомнил: — Ах да, это подруга Снегурочки...

— Подруга, подруга! Грушева поет эту подругу. Ну так вот, Томская отбила у Грушевой Байкова! Поехала на гастроли. Так сказать, турне на двоих!.. Ха-ха!.. Он ей, то есть Галине, скоро надоел. Она его бросила. А у Грушевой с ним уже больше не сложилось. И Байков обиделся...

Оказалось, Томская настаивала на преобладании в репертуаре опер, и причем таких опер, где в главных женских партиях блистало бы ее сопрано. И конечно, из-за этого она в последнее время ссорилась с дирекцией. Между тем солистка старела, голос ее слабел, а тут еще и злоупотребление алкоголем! Томская нападала на главного дирижера, уверяя всех, что он нарочно дирижирует так, чтобы все огрехи ее пения были на виду!

То и дело она грызлась со своей теткой, Еленой Ланиной, главным бухгалтером театра. «Разве это деньги? Это же копейки!» — кричала Томская, хотя в театре никому не платили столько, сколько ей!..

Степанов понял, что на самом деле Скромный ненавидит Томскую. Что ж! Значит, и он мог быть замешан в ее внезапном исчезновении. В исчезновении или в убийстве?!

Вдруг оба вздрогнули. Попугай, выпорхнув в очередной раз из клетки, хрипло выкрикнул:

— Томская мертва! Томская мертва!..

Директору с трудом удалось схватить упрямую птицу и водворить назад. Степанов расслышал бормотание Скромного:

— Дура!.. Дура!.. Глупая птица!..

Директор стоял, покрасневшийся, удерживая клетку с большой птицей обеими руками. Наконец он произнес:

— Я... Я унесу... — Он выставил вперед подбородок, указывая на клетку.

— Конечно, конечно! — поддакнул Степанов. Он был совершенно растерян.

Но когда Скромный покинул кабинет, Степанов пришел в себя и облегченно вздохнул. Вообще-то ему совсем не хотелось, чтобы Скромный присутствовал на допросах.

Вошел Байков. Полноватый блондин, это он пел в «Снегурочке» Леля, партию, предназначенную для женского голоса. Войдя, Байков тотчас посмотрел на свои наручные часы, показывая следователю, что спешит.

— Нет, нет! — говорил Байков. — Я ничего не видел и ничего не знаю. Конечно, Томская и Величаева — великие певицы, но... я ничего не знаю!..

— Я был в тот вечер в Большом, — проговорил Степанов. — Мне показалось, что Галина Томская, уже когда выходили на поклон, почувствовала себя плохо. Она, кажется, покачнулась, ее подхватили под руки...

— Да, Томская была не в форме, — признал Байков. — Ей и вправду стало нехорошо...

Степанов покраснел. Вот оно что! На самом деле Томская пела плохо! «А нам-то с Машкой представлялось, будто она поет великолепно! Эх, дремучие мы!..»

После Байкова в кабинет вошла Елена Ланина, главный бухгалтер. Она тотчас расплакалась и принялась сморкаться в кружевной платочек:

— Я же в отпуске была... Меня специально вызвали!.. Бедная Галочка!.. Я столько для нее сделала! Это ведь бла-

годаря мне ее взяли в Большой! А она... Если бы вы знали, сколько я от нее вытерпела! Придирки, скандалы!..

— Ну а кто, по-вашему, мог?..

— Кто мог? Да это Настька ее угробила!

— Какая Настька?

— Величаева Анастасия Макаров- на! — Елена Ланина поджала губы.

— То есть вы хотите сказать...

— Да, да!.. — Ланина тотчас угадала, о чем желает спросить следователь. — Конечно, теперь все партии Галины перейдут к Величаевой!

Что ж, повод для устранения соперницы вполне достаточный!

— И что, — осторожно начал Степанов, — во всех театрах так, как у вас?

— Ой, не говорите, везде крысятник!

— Но не везде же убивают за роли.

С этим отчаянным утверждением Ланина охотно согласилась. Прощалась она со следователем тепло:

— И если я вам понадобится, не стесняйтесь, вызывайте в любое время.

После главного бухгалтера перед Степановым предстал главный режиссер театра Артемий Ефимович Царедворский. Он при ближайшем рассмотрении оказался суматошным старикашкой. Его седая голова то и дело подергивалась.

Царедворский с опаской поглядывал на Степанова, явно ожидая какого-нибудь коварного вопроса. Но следователь спрашивал о гастролях, об особенностях начисления зарплаты членам труппы. Эти вопросы вовсе не казались главному режиссеру коварными. Он даже разговорился, отвечал охотно и, кажется, откровенно. Однако знал на удивление мало. В особенности когда речь заходила об оплате гастрольных поездок. Впрочем, деньги — ясное дело! — не могли не интересовать его. Он также рассказал, что Молочкова и Томская часто ссорились...

— Да, вот еще! Молочкова часто ссорилась и с певицей Грушевой.

Но интересный разговор о ссорах певиц и балерин так и не состоялся. Ужасные крики в коридоре заставили беседующих выскочить из кабинета. Произошло несчастье. Из старого здания в административный корпус путь пролегал через подвальное помещение, где под потолком были укреплены ремонтные балки. Одна из них сорвалась и упала прямо на директора Скромного. Теперь он распластался на полу. Срочно вызвали «неотложку».

Степанов осмотрел место происшествия. Над балками находился строитель-

ный помост. Человек, из-за действий которого и рухнуло бревно, вполне мог притаиться там. Но гадать не стоило. И Степанов срочно вызвал бригаду криминалистов. Бригада оказалась на выезде. Надо было ждать.

Сцена одиннадцатая

Скромного несли на носилках в машину «неотложки». Его белая холеная рука свесилась вниз и слабо покачивалась. Губы несчастного директора дрожали. Казалось, он силился что-то прошептать, но только хрипел.

Кто-то тронул следователя за плечо. Степанов оглянулся. Рядом с ним стоял молодой человек, помощник врача Грубера.

— Я тут прибежал... — начал молодой медик. — У нас в поликлинике уже все знают! Нам позвонили... А вообще-то я хотел бы поговорить с вами! — вдруг выпалил он.

— Но я вызвал людей, сейчас приедет криминальная бригада, — возразил Степанов. Ему внезапно почудилось, будто кто-то пристально взглянул на него, посмотрел со спины. Степанов обернулся. Позади курил охранник, тот самый, который передал ему кассеты. Да, именно тот.

Следователь вернулся к директорскому кабинету. У двери взволнованно расхаживал главный дирижер Борис Семенович Грибаков. Он мерил паркет быстрыми шагами, заложив руки за спину. Неподалеку замерли у окна Грушева и Молочкова, поглядывая то на Грибакова, то на Степанова. Молочкова кокетливо покачала головой, всем своим видом желая показать, что ей некогда!

Степанов пропустил Грибакова в кабинет и прикрыл за собой дверь. Первый вопрос, заданный им дирижеру, касался именно Грушевой и Молочковой.

— Как эти красавицы ладят друг с другом?

— Они терпеть друг друга не могут, — коротко и ясно ответил Грибаков.

— Но сейчас они так мирно беседуют.

— Это одна видимость. На самом деле они постоянно грызутся между собой.

— Что же они не поделили?

— Не «что», а «кого». Такой человек у нас только один, — Грибаков выразительно поднял глаза.

— Вы сказали об отношениях Молочковой и Грушевой, что их мирное общение — одна лишь видимость. И много у вас в театре таких видимостей?

— В театре все — одна лишь види-

мость, — категорично заявил дирижер. — Театр — это же сумасшедший дом. Теперь вот хотя бы Скромный вне игры. И хорошо, что ему балкой по башке попало.

— Вы немного жестоки.

— Вовсе нет. Помните эти строки: «Вакансии как раз открыты. Иных уж нет, другие перебиты»? — Грибаков хлопнул ладонью по столу. — Наш театр застоялся, как добрый конь. Театру, как свежий воздух, необходимы перемены. И теперь, когда не будет Скромного и Томской, эти перемены наконец-то произойдут.

— Можно я задам вам откровенный вопрос?

— Конечно.

— Вам эти предстоящие перемены выгодны?

— Эти перемены выгодны искусству. Вы посмотрите, что сейчас делается с той же «Снегурочкой», к примеру. Опера поставлена, как во времена Островского и Римского-Корсакова. И в то же время опера безнадежно искалечена. Нет, так нельзя.

— А вы, я вижу, революционер.

— Да, не стану скрывать, я искренне хотел устранения Томской и Скромного. Но ведь за желания пока еще не сажают.

И вот свершилось. Тиранов нет. Мы свободны.

— И многие думают, как вы?

— Догадайтесь.

— Наверно, многие.

— Вы правы. Вот еще бы Царедворского убрать.

— А чем же вам не угодил Артемий Ефимович?

— Знаете, некоторыми людьми возможно управлять через женщин, а вот другими — через мужчин. И, к сожалению, таких становится все больше.

— Не понимаю.

— Ну, одни мужчины любят женщин, а другие — мужчин.

— А-а...

— Ну да.

— А как вы предполагаете, кто займет место Скромного?

— Или я, или Царедворский. А может быть, еще кто-нибудь. Ведь существуют Попечительский совет, Кремль, Союз театральных деятелей. Есть кому заниматься Большим театром. А Царедворский вам ничего не говорил?

— Что вы имеете в виду?

— Вы же «Снегурочку» слушали? — Да.

— Молочкову заметили?

— Конечно. Она Весну танцевала.

— И вы находите это естественным?

— Что именно?

— То, что Молочкова танцует Весну.

Степанов припомнил свой разговор с Машей в фойе.

— Представьте себе, я знаю, что обычно Весна не танцует, а поет.

— Мало того. Весна обязательно должна петь. Она ведь общается психологически то с Морозом, то со Снегурочкой.

— Но почему же все-таки на роль Весны утвердили балерину Молочкову, а не какую-нибудь певицу?

— Это все Царедворский, а на Царедворского надавил Скромный. А Скромному приказал сами знаете кто. — Грибаков выразительно посмотрел в окно, из которого виден был Кремль.

— А как Томская отнеслась к такому назначению?

— Она была решительно против. Я ее поддерживал. Галина хотела, чтобы партию Весны исполнила Величаева. Но ведь Величаева подменяла на многих спектаклях Томскую, и все чаще и чаще. Значит, Весну она петь не могла никак. Тут еще и Тимошенко вмешался, возражал Скромному. Ну и в итоге что вышло? Сами видели. Снегурочка старше

своей матери Весны, а Весна немая. Полный абсурд.

Интересный разговор прервался, потому что в кабинет вошел один из криминалистов. Степанов отошел с ним в угол комнаты, началась тихая беседа.

— Короче, так, — шептал криминалист, — на площадке лесов, откуда на Скромного упала балка, обнаружили ясные следы грубых мужских ботинок. Вот, прошу. — Он протянул Степанову бумажный листок с рисунком подошвы. Отпечатки пальцев рук обнаружены не были. Вероятно, преступник действовал в перчатках. И еще. Неприятная новость. Скромный скончался по дороге в больницу. До реанимации не довезли. — Криминалист вздохнул.

— Хорошо, можете идти, — Степанов простился с коллегой.

Грибаков смотрел задумчиво. Степанов вернулся за стол. Разговор продолжился.

— Но как же публика? Неужели никто не замечал, что Весна танцует вместо того, чтобы петь?

— Да ну! Публика — дура. Она думает, так и надо. Но мы-то понимаем.

— И все-таки почему Молочкова получила эту роль?

Грибаков мялся, смущался, затем все-таки воскликнул:

— Сафьянов! Вот потому-то Томская и ненавидела Молочкову. Вера Молочкова обещала ее отравить. Да что там! И Грушева туда же. Каждая хочет, чтобы Сафьянов покровительствовал именно ей и никому другому.

Степанов очень хотелось спросить, есть ли в театре честные женщины, такие, например, как его Маша. Сын Николай частенько упрекал отца в старомодности, утверждал, что теперь самое главное в жизни — деньги. Но театр... Так хочется, чтобы искусство было чистым! Степанов покосился на Грибакова. Трудно было себе представить, чтобы этот тучный человек бегал по строительным лесам, хотя он открыто и декларирует свою ненависть к театральному руководству. Внезапно зазвонил телефон. Степанов снял трубку, услышал голос начальника:

— Как дела, Вася?

— Продвигаюсь. — Степанов прикрыл трубку ладонью, кивнул Грибакову, показывая, что тот может идти. Когда Грибаков вышел, Степанов продолжил разговор: — Вот, народ опрашиваю.

— Ты мне в Управлении позарез нужен.

— Даниил Евгеньевич, еще двоих осталось допросить.

— Кого?

— Певицу Грушеву и балерину Молочкову.

— Да ну их.

— Но они давно ждут.

— А я тебе говорю: отпусти их. Отпусти и приезжай немедленно.

Степанов вышел в коридор. Молочкова и Грушева присели на подоконник.

— Девушки, вы можете быть свободны.

Молочкова раздасадованно фыркнула. Грушева ушла молча. Теперь Степанов заметил, что певица не отличалась красотой, у нее было остренькое мышинное личико и маленькие пронзительные глазки. Царедворский и Грибаков ждали следователя внизу. Оба показались Степанову мрачными. «Поссорились, что ли?» — подумалось следователю. Они вполне могли теперь поссориться. Ведь каждый из них получил шанс сделаться в самом ближайшем будущем директором Большого театра. Царедворский и Грибаков кинулись к Степанову. Оба хотели поговорить со следователем конфиденциально. Степанов направился к своей машине. Царедворский зашагал рядом.

— А вы знаете, что муж Томской приходил в тот вечер в театр?

— Вы сами его видели?

— Да.

— И что же он делал?

— Я видел его в антракте. Он пил коньяк в буфете бельэтажа.

Сцена двенадцатая

Несмотря на строгий приказ Даниила Евгеньевича, Степанов поехал сначала не на Петровку, а в поликлинику. Он узнал фамилию помощника Грубера — Книгин. Может быть, зря не поговорил с ним? Но ничего, пусть Книгин помается, пусть подумает, будто следователю он неинтересен. Потом откровеннее будет. Возле здания Новой сцены Степанову попался Мизгирь — Тимошенко.

— Ну вот, — Тимошенко натянуто улыбнулся. — А я как раз к вам шел.

— Мы еще успеем поговорить. Разве у вас что-то экстренное?

— Бывший муж Томской...

— Знаю. В тот вечер он был в театре.

— Откуда вы знаете?

— Простите, но вопросы обычно задает следователь. — Степанов нервничал и досадовал на Даниила Евгеньевича, который так не вовремя прервал допрос.

Внезапно Степанов резко бросил Тимошенкову: — Покажите ваши подошвы.

— Что?!

— Подошвы ваших ботинок.

Картина была забавная. Двое солидных мужчин рассматривают подошву ботинка. Причем один из них балансирует на одной ноге, с которой этот ботинок снят. Тимошенков злился. Степанов досадовал. Конечно же, подошва ботинка Тимошенкова совершенно не походила на следы, обнаруженные на строительных лесах. Степанов отдал ботинок Тимошенкову и сердито вертел перед глазами бумажный листок.

— Можно? — Мизгирь потянулся за листком. Степанов не стал прятать улику. — Это театральная обувь.

— То есть? Что такое «театральная обувь»?

— Это обувь для сцены, для танцев. Видите, какой рисунок подошвы? Грубый, как хирургическая шина.

— А чем все-таки отличается такая обувь?

— В такой обуви топтать удобно. Например, в испанских танцах.

— А в «Снегурочке» топают? Я что-то не припомню.

— Нет, в «Снегурочке» не топают. То-

пают в других операх, в «Кармен», в «Навуходоносоре», в «Набукко». Вот выходит фараон, и воины притоптывают в такт музыке.

— Хорошо. Это, конечно же, не ваша обувь.

— Конечно. Это и размер не мой. У меня стопа крупнее. Но все равно это обувь танцора кордебалета.

Мизгирь бросил быстрый взгляд на туфли Степанова. Зимняя обувь следователя не отличалась особенной добротностью.

Теперь Степанов мог ехать в Управление. Ведь ни Книгина, ни Грубера он в поликлинике не застал. Один уже ушел, а другой так и не появлялся, известив телефонным звонком, что плохо себя чувствует.

В Управлении Даниил Евгеньевич сразу выложил на стол пару кассет:

— Вот, ты забыл.

Степанов проглотил обиду. Если кто и забыл, то уж, во всяком случае, не он.

Даниил Евгеньевич прошелся по кабинету.

— Вот что, Василий, дело Томской надо закрывать.

— Почему?

Даниил Евгеньевич явно был не в своей тарелке, нервничал:

— Потому что нет состава преступления.

— Но я кое-что нарыл.

Даниил Евгеньевич замахал руками:

— Нет, нет. Забирай кассеты. — Отдавая кассеты, он как бы показывал, что дело закрывается отнюдь не по его инициативе. А по чьей же? Ну конечно, по приказу начальства.

— Нет никаких доказательств убийства Томской, — сказал Даниил Евгеньевич.

— А пятна крови?

— Томская пила. Она могла в пьяном виде споткнуться, упасть и пораниться.

О призраке Томской Степанов не хотел говорить, потому что пока не знал, что за этим кроется, хотя и догадывался, что отнюдь не мистическое, а самое что ни на есть материальное. Но о показаниях уборщицы ЦУМа умалчивать не стал. В ответ Даниил Евгеньевич развел руками:

— Говоришь, она кого-то видела? Ну и что. Мало ли какая чушь бабе привидится.

— А гибель Скромного?

— Несчастный случай.

— А следы на площадке лесов?

— Ну, ходил там кто-то. Но где дока-

зательства, что эти следы имеют отношение к свалившейся балке?

Тут до Степанова начало доходить. Нет, Даниил Евгеньевич вызвал его отнюдь не случайно. Нарочно. Нарочно, чтобы не дать допросить Грушеву и Молочкову. И за всем этим вполне может стоять Сафьянов. Кто-то следит за Степановым, кто-то вовремя докладывает Сафьянову. И как только у следователя что-нибудь наклевывается, ему тут же ставят палки в колеса. А теперь вот решили совсем закрыть дело.

— Битнев тебе поможет.

— Поможет — что?

— Да дело закрыть.

— Но ведь Андрей — специалист по экономическим преступлениям.

— Не имеет значения. Зато человек толковый.

«А я, значит, бестолковый», — подумал Степанов, но при этом миролюбиво улыбнулся, сделав вид, будто нисколько не обиделся.

— Не беспокойся, найдется твоя Томская, — утешил его Даниил Евгеньевич.

Что ж, начальник вполне мог знать что-то такое, чего Степанов никак знать не мог. А может быть, Даниил Евгеньевич просто-напросто блефовал? И поче-

му только эти дурацкие интриги мешают вести расследование нормально? У Степанова даже голова заболела. Но все же он задал следующий вопрос:

— А как же заявление Тимошенкова?

— Он забрал заявление.

— Я его видел совсем недавно. Он мне ничего не сказал.

— Еще скажет. — Голос Даниила Евгеньевича прозвучал почти угрожающе. Степанов решил, что с начальником сегодня лучше не связываться.

Сцена тринадцатая

Маша то и дело спрашивала мужа, как дела в театре.

— Я же не имею права откровенничать с посторонними, — отнекивался Степанов.

— Ну, Васенька, я ведь не посторонняя. Во-первых, я твоя жена, а во-вторых, я ведь была с тобой в театре.

Маша оказалась более наблюдательной, чем ее супруг.

— А ты знаешь, что я хорошо разглядела, кто сидел в ложе.

— Я уже знаю: Сафьянов, композитор Тренников, еще кто-то, ну, и кто-то из певиц или из балерин, не помню.

— А вот и неправда. Ни одной женщины там не было. Кто тебе сказал, что там были женщины? Тебя обманули. Там были одни мужчины. Я еще удивилась. Очень, очень солидные люди. И знаешь, что я еще заметила? Когда артистов вы-

звали на поклоны, в ложе произошло замешательство. Все разом поднялись и вышли.

— Ну вышли. Покурить. Или в туалет.

— Все разом?

— Ой, Машка, оставь меня в покое.

— Что, плохо? — Маша не отставала и правильно делала, потому что Степанову хотелось выговориться.

— Да тут мне контролера навязали.

— И кого?

— Андрея Битнева.

— Он славный.

И вдруг Степанова осенило. Ведь Битнев вел дело Овчинникова. Может быть, назначение Битнева — своего рода знак, поданный Овчинникову?

— А помнишь, ты говорила, что Весна в «Снегурочке» должна петь, а не танцевать?

— Помню.

— Ну, так ты была права.

Маша дружески рассмеялась. Ее очень беспокоило, имеют ли они моральное право дать пекинесу Томской новую кличку. А вдруг хозяйка еще найдется? Маше не очень нравилась кличка Чумарик. За эти дни она уже успела привязаться к ласковому песику. Но на семей-

ном совете решили все же кличку пока не менять.

За чаем Степанов беседовал с сыном. Прежде, когда Николай еще учился в школе, они говорили в основном о его успеваемости, но теперь сын уже студент, теперь они могут рассуждать на равных.

— Знаешь, меня тут недавно осматривали, горло смотрели, и ларингоскоп оказался неисправен, наконечник упал на пол, — поделился Степанов.

— Тебе повезло, — будущий медик отхлебнул из чашки. — Ларингоскоп мог и на связки упасть. Вот тогда бы тебе не поздоровилось. Но где же это тебе такой врач-недотепа попался?

— В бывшем Четвертом управлении.

— Понятно. Там одни блатные работают. Они учились плохо. А вообще-то наконечник этот может прямо в трахею укатиться. Тогда придется экстренную трахеотомию делать. Тоже не большое удовольствие. Врачи твоего Четвертого управления с этим не справились бы. Тут решительность нужна и набитая рука. Нам на лекции рассказывали, как одному парню инородное тело закупорило дыхательное горло. Так его отец, врач, сразу вскрыл горло ножницами, я не помню, маникюрными или для шитья, и потом

растянул дырку пальцами и держал, чтобы сын дышал, пока «неотложка» не приехала. А вообще-то для таких операций нужны специальные инструменты.

— Я бы так с тобой не смог, — Степанов грустно вздохнул. И вдруг он вспомнил: на шее Величаевой блестели крупные бусы!

Вечером Степанов хотел просмотреть кассеты, которые отдал ему Даниил Евгеньевич. Но изображение было стерто. Впрочем, в одном месте мелькнул микро-план. Значит, кто-то выполнил порученную ему работу не слишком тщательно. Степанов поставил магнитофон на «стоп». Так и есть: какие-то люди волокут по полу куль. Вполне возможно предположить, что в мешке — труп.

Сцена четырнадцатая

Антон лежал на платформе. Вокруг теснились люди, спрашивали, что с ним, не вызвать ли «Скорую», помогали ему подняться. Он дрожал от страха. Ему казалось, что его толкнули нарочно. Встав на ноги, он осторожно щупал карманы.

— Нет, не надо «Скорую». Со мной все в порядке.

Сердобольные пассажиры разошлись. Загудела очередная электричка. Антон провел ладонью по штанинам. Полы пальто и брюки пахли теперь отвратительно. Его толкнул бомж. Антон вдруг понял, что нет мобильного. Неужели вытащили? А может быть, забыл где-нибудь. Где? Он припомнил, что после того, как выстрелил в мать, никому ведь не звонил, К отцу приехал без предварительного звонка. Но когда же исчез мобильник? И Антону никто не звонил. Антона Томского воспитывала властная

мать, слабовольный отец почти не общался с сыном. Поэтому юноша вырос неуверенным, нервным. И теперь ему вдруг казалось, что он и не приходил вчера в театр, и не стрелял в мать... В сущности, он хотел вытеснить из своего сознания память о случившемся. Но все-таки... А что, если телефон остался в театре? А в телефоне — записная книжка. И сразу станет ясно, чей это телефон.

Антон позвонил Юпитеру из автомата. Тот оказался дома.

— Тебе никто с моего мобильного не звонил?

— Слушай, ты где завис?

— В казино был.

— Почему без меня?

— Не застал тебя.

— Я заходил в «Марио» с одним мальчиком. Перекусили, потом поехали в «Самоволку». Оттянулись по полной. До утра гуляли. Я тебе раз семь звонил, все зря, никто трубку не брал.

— Никто не отвечал?

— Что это с тобой? Перебрал кокаина?

Юпитер ничего не знал о случившемся. Антон ему про мать не говорил. А пистолет оставался в бардачке. Пока Антон играл в казино, машина стояла в подземном гараже. Запасные ключи от гаража и

машины остались дома, в ящике стола, но Юпитер — человек воспитанный, за чужими ключами не полезет, да он и водить не умеет. А что, если Юпитер звонил на мобильник Антона, а мобильник уже был у следователя? Антону стало нехорошо. Но нет, тогда бы Юпитер сейчас сказал, что по мобильнику Антона ответил посторонний голос.

Юпитер продолжал бормотать сонным голосом:

— Все. Я сплю. Когда придешь, меня не буди. Деньги на кормежку оставь в тумбочке. Ты ночью выиграл?

— Спи, спи, — уклончиво проговорил Антон.

О потерянном телефоне нельзя было забыть. Антон представил себе, что рядом с Юпитером стоят менты и заставляют его говорить именно то, что им нужно. Антон уже думал, что сейчас друг пытался завлечь его в квартиру, сделать так, чтобы Антон вернулся, приехал.

У своего дома Антон внимательно смотрел по сторонам. Не видно ли каких-нибудь подозрительных типов в штатском или каких-нибудь подозрительных «уазиков» или «шестерок». Нет, вроде ничего не видать. Какое-то время он все же не решался войти. Вокруг дома вы-

сился забор, в подъездах работали камеры видеонаблюдения. В будке у ворот сидел охранник, миновать его было нельзя. В таком элитном доме-крепости приятно обитать, если у тебя достаточно денег. Но надо было решаться.

Антон быстро прошел мимо будки охранника, затем небрежно кивнул консьержу в подъезде и вызвал лифт. Ему показалось, будто кабинка взлетела стремительно. Он вытянул руки вперед. Нет, пальцы не дрожали.

Антон повернул ключ в замочной скважине.

— Ты меня разбудил, — Юпитер капризно кинул в вошедшего друга цветастой подушкой. Антон быстро оглядел Юпитера. Тот валялся на кушетке полуодетый. Антон молча прошел на кухню, загремел банками в навесном шкафчике. Здесь, в углу, за посудой и прочими кухонными причиндалами, он прятал свои сбережения, деньги, которые копил для оплаты квартиры. Впрочем, денег явно не хватало, и копить предстояло еще немалое время. Антон вернулся в спальню, наклонился к тумбочке, сунул в карман пальто кредитку и загранпаспорт. Юпитер уже сидел в гостинной, в мягком кресле. Антон протянул ему двадцать баксов.

— Ты чего не раздеваешься? Что-нибудь случилось? — Голос Юпитера все еще оставался сонным.

— Нет, ничего не случилось. Ты точно не видел мой мобильник?

Антон подсел к телефону, набрал номер своего мобильного. Нет, в квартире мобильного явно не было. Антон пошарил в комнатах, на полу, под кроватью. Но этот оперативный поиск ничего не дал.

— Много выиграл? — Юпитер обиженно покосился на двадцатку.

— Не имеет значения.

— Призовой фонд разыгрывали?

— Нет.

Юпитер лениво потянулся в кресле.

— Ну, пока, — простился с ним Антон. — Не скучай. Буду вечером.

Стоя на площадке в ожидании лифта, Антон и предположить не мог, что делает сейчас Юпитер. А тот сбегал в ванную, наспех сполоснул лицо, бегом вернулся в гостиную и плотно уселся у телефона, быстро набирая какой-то номер. В это время Антон уже стоял в подъезде, поглядывая на почтовые ящики. Он разглядел белую бумажку, щелкнул ключиком и схватил повестку.

Сцена пятнадцатая

В машине Антон проверил, на месте ли пистолет. Лампочка осветила вороненую сталь оружия. Надо бы избавиться от этой улики. Машинально Антон поставил переключатель скоростей в нейтральную позицию. «Ягуар» зарычал, не двигаясь с места. Антон опомнился.

Автомобиль выехал со двора. Теперь Антон был уверен, что никто за ним не следит, никто не преследует. Когда-то на месте элитного дома шумели лесные заросли, но теперь от прежнего леса оставалось только нечто вроде жиденькой рощицы. Под голыми высокими березами притулился заброшенный дачный домишко. Проемы окон и дверей смотрели черными прямоугольниками. Антон выскочил из машины, снова оглянулся по сторонам и вбежал в дом. Там он сунул пистолет в полуразвалившуюся печь и присыпал холодной золой. Пусть теперь

это оружие найдут бомжи и залапают грязными пальцами.

Антон не мог понять, что задумали в милиции. Почему менты не устроили засаду, почему не замели его? Почему вызывают повесткой? А если бы он не жил по месту прописки? Или все-таки за ним следят? Молодой человек лихорадочно размышлял. Бежать за границу? Нет. Да ведь теперь могут и за границей достать. Что же делать? Что делать? В конце концов Антон принял отчаянное решение: он поедет в театр и там попытается разыскать телефон. А пока что он купил в салоне связи новый мобильник. Теперь он попробует названивать, чтобы найти старый мобильник. Может быть, повезет. Все равно ведь у следствия никаких доказательств нет. Никто не видел, как он убил мать. На всякий случай Антон зарегистрировал новый телефон на Юпитера.

И все же Антону было страшно. Он понимал, что надо принимать меры предосторожности. Машину поставил не у театра, а возле сквера, на госдумовскую разметку. Надел темные тонированные очки, быстро прошел мимо ЦУМа, остановился возле театрального киоска. Здесь вполне можно было сойти за любопытствующего театрала, присматриваю-

щего билет на спектакль. Антон заметил грузовик со стройматериалами. Ворота открылись. Грузовик въехал. Несколько мужиков принялись выгружать доски, крепежи, большие банки с краской. Пока ворота были открыты, Антон успел прошмыгнуть во двор. К счастью, никто не остановил его. Подняв ворот пальто, он шагнул через подвальное помещение. Именно здесь роковая балка вскоре раскроила череп директору Скромному.

Уже на выходе из подвала Антон вдруг увидел отца. Тот о чем-то болтал с охранником. Лица у обоих были унылые, оба грустно покачивали головами. Наверно, речь шла все о том же, об исчезновении солистки Томской. Антон сейчас вовсе не хотел сталкиваться с отцом нос к носу. Молодой человек знал, что где-то здесь находится дверца в каморку, где обычно хранились ведра и швабры. Он присел на корточки среди душных запахов, обхватил руками колени. В щелку видно было отца и охранника. Антон вдруг почувствовал себя нашкодившим мальчишкой, который прячется от наказания. Внезапно дверца распахнулась. Антон сжался в комок. Уборщица, не заходя в каморку, схватила ведро и швабру и захлопнула дверцу. Повезло! Антон за-

метил, как охранник сунул отцу небольшой полиэтиленовый пакет, который отец тут же спрятал за пазуху, под пальто. Охранник ушел куда-то. Отец направился в театр. Антон выбрался из своего убежища и теперь крался за отцом.

Отец поднялся в зрительный зал, прошелся по сцене, заглянул в партер, осмотрел балконы и ложи, а в директорской даже задержался. Антону показалось, будто отец что-то ищет. Отец боязливо озирался, избегал парадных лестниц, а когда ему попался вдруг администратор, раскланялся преувеличенно вежливо. Антон неотступно следовал за ним. Вдруг походка отца явно переменялась, он зашагал пружинисто и бодро. Такую отцовскую походку Антон видел в детстве.

И все-таки Антон побаивался, как бы его не заметили, то есть, как бы отец не заметил. И тут — снова повезло. На широком подоконнике валялась заляпанная белой краской куртка маляра. Антон поспешно накинул ее на плечи, поверх пальто. Тут же, на подоконнике, притулилась сделанная наспех из газеты треуголка. Антон водрузил ее на голову. Теперь его, хотя и с некоторой натяжкой, можно было принять за маляра.

Поднимаясь к уборной матери, Антон

занервничал. Вот так же он шел в тот роковой вечер. Бумажки с надписью «Опечатано» на двери не оказалось. Значит, сюда уже заходили. Зачем? Антон взялся за ручку двери. Дверь растворилась с легким стуком.

Светлый зимний полдень. Яркие прямоугольники света падали из окон на пол. Это дневное освещение, это солнце раздражало Антона. Ему уже мерещились шаги за спиной. Вот кушетка. Тогда, в тот вечер, пекинес матери затыкал на него из-под этой кушетки. Вот кресло. В этом кресле мать сидела, разговаривая с ним. Антону вдруг почудилось, будто он снова слышит резкие звуки. Выстрел. Нет, надо бежать, бежать отсюда. Антон набрал номер старого мобильного. Нет, не отзывается. Если бы менты забрали, кто-нибудь сейчас отозвался бы. Наверно, просто разрядился. Антон вышел из уборной, сделал несколько шагов, затем вернулся и аккуратно протер ручку двери носовым платком.

Очутившись снова в коридоре, Антон почти машинально еще раз набрал номер старого мобильного. И вдруг раздался серебристый звонок. Внизу, этажом ниже. Антон подбежал к боковой лестнице, свесил голову. По ступенькам спускалась

женщина в театральном костюме Снегурочки. Что-то знакомое было в ее фигуре. Антон попытался успокоить себя. Это всего лишь кто-то из певиц направляется на очередную репетицию. Но тут же подумал, что обычно репетиции проводят без костюмов. От внезапного приступа страха Антон даже вспотел. Ведь в тот страшный вечер мать пела Снегурочку! И с сыном она говорила, одетая в сарафан Снегурочки. Да, это она, мать. Это она сейчас спускается по лестнице. И где-то под сарафаном, в кармане, спрятан мобильник, его мобильник!

Антон прижался к стене. Он осознал, как нелепо выглядит в этой куртке на плечах, в этой шапке, сделанной из старой газеты. «Мама», — невольно прошептали побелевшие губы. Значит, она жива? Он уже ничего не понимал, не в состоянии был ни обрадоваться, ни испугаться еще больше.

Вдруг Антону захотелось, чтобы мать ничего не помнила о случившемся. Подбежать к ней, помириться, уговорить... Надо отвезти ее в больницу. Она бросит пить, она даст ему денег, ей займут.

Антон пригляделся. Да, мать изменилась. После пережитого она уже не та, не прежняя. Она как будто похудела, стала

выше ростом. Он видел ее профиль, щека матово блестела, была неестественно белой. Антон чуть не вскрикнул от охватившего его ужаса. Ему вдруг показалось, что та белая кожа сейчас отвалится, как штукатурка, и обнажится красная мясистая плоть или — еще хуже! — кости черепа.

И вдруг Антон все понял! Перед ним привидение. Да, существо, уже не принадлежащее этому миру. Или... Это всего лишь циничный маскарад. Но маскарад, конечно же, затеян не для него, не для Антона. Кто-то притворяется певицей Галиной Томской.

«Мама!» — снова прошептал Антон. Призрак наклонил голову. Ну да, она смотрит на высветившийся номер, в ее приподнятой руке мобильник. Антон выключил свой новый телефон. Чуткое привидение, кажется, расслышало едва уловимый шорох, Антон вжался в стену. Женщина явно направлялась в сторону директорского кабинета.

Антон кинулся к парадной лестнице, резко повернул и по боковым ступенькам спустился в зрительный зал. Здесь царила темнота, хоть глаз выколи. Из фойе доносились частые шаги, гудел

лифт. Возможно, эти шумы были как-то связаны с явлением призрака.

И вдруг Антон, замерший в темноте, услышал душераздирающий вопль. Антон не мог догадаться, в чем дело. А это на голову бедняги Скромного обрушилась роковая балка. Антон успел разглядеть, как на сцене мелькнула чья-то тень. Или показалось? И где призрак? Или... где женщина, которая притворяется его матерью?

Хаос тревожных мыслей обрушился на Антона. Теперь он уже сомневался в том, что убил мать. А если она жива? Если она решила мстить и нарочно притворяется призраком, чтобы наказать истинных виновников своей смерти? Но одно ясно: она не ищет сына. И что же теперь делать? Заняться собственным расследованием?

Сцена шестнадцатая

Степанов и его коллега-друг Андрей Алексеевич разбирали бумаги, готовя дело об исчезновении певицы Томской к закрытию. Щелкал степлер.

— Ну мне-то ты можешь признаться, кого подозреваешь? — спросил Андрей, лукаво улыбнувшись.

— Да я что! Я — как начальство... — уклончиво ответил Степанов.

— Ну а все-таки? Напал на след?

— Да ее мог убить кто угодно, — раздосадованно произнес Василий Никитич. — Например, Байков, отставной любовник. Или тот же Скромный. Томская замучила директора, постоянно вмешивалась в репертуарную политику театра, продвигая на роли своих людей.

— Но ведь и Скромный погиб.

— Андрей, это не аргумент. Вот, кстати, еще одна возможная подозреваемая. Ланина, главный бухгалтер и родная тет-

ка Томской. Они постоянно грызлись из-за денег. Тоже мотив для убийства. А вот солистка Величаева. Она часто подменяла Томскую, жаждала петь ее партии.

— Мотив сильный.

— А вот тебе баритон Тимошенко. Между прочим, председатель театрального профкома. Ничего толком не говорит, явно что-то скрывает. Он тоже вполне мог ненавидеть Томскую.

— Но ведь он и поднял бучу, кричал о ее смерти.

— Да ведь это классический способ замести следы преступления, отвести от себя подозрения.

— И все-таки закрываем дело. По указанию сверху? — Андрей поднял глаза к потолку.

— Как раз балерина Молочкова и певица Грушева мечтали — каждая — покорить сердце одного из представителей этих самых верхов. И Молочкова уже, кажется, преуспела. Произошел беспрецедентный случай. В опере Римского-Корсакова «Снегурочка» есть такой персонаж — Весна, мать главной героини. Эту роль должна исполнять певица. И вдруг... В нынешней постановке Большого роль Весны исполняет балерина Молочкова. То есть, согласно воле композитора, Вес-

на должна петь, а она танцует! Понимаешь, что это такое! И Томская против этого возражала.

— Кажется, понимаю.

— Молочкова грозилась отравить Томскую.

— Да ну! Бабы бредни.

— Бабы-то бабы, а Томская исчезла, и Скромный мертв. Да еще и эта Грушева. Тихая такая мышка, а сама умирает от зависти к Молочковой. Кстати, исчезновение Томской многое меняет в театре. И для большинства эти перемены — к лучшему. А теперь в театре развернулась новая интрига: пока не ясно, кто же займет директорское кресло вместо Скромного. Соревнуются как минимум трое: главный режиссер Артемий Ефимович Царедворский, главный дирижер Борис Семенович Грибаков и недавно назначенный председатель Попечительского совета, твой недавний клиент, бывший банкир, Григорий Александрович Овчинников. Да, и он тоже.

— Откуда ты знаешь?

— Сарафанное радио.

— Эх, зря я тогда не посадил Овчинникова, — Андрей Алексеевич усмехнулся.

— А было за что?

— Было.

— Звонок сверху?

Андрей Алексеевич пожал плечами.

— Значит, ты слишком далеко зашел в своем расследовании, и потому тебя и перевели из «экономистов» к нам в «криминал»?

Лицо Андрея Алексеевича побагровело. Он отлично понимал, что имеет в виду Степанов. Сотрудники отдела экономической преступности с легкой руки журналистов прозвали «экономистами». И сейчас Андрей Алексеевич обиделся.

— Слушай, Вася, а ты сам-то как думаешь, жива еще Томская?

— Скорее мертва.

— Ну, и кто убийца? Колись, наконец.

— Наверное, сын или бывший муж.

— Логично. Большинство преступлений совершается на почве бытовухи. Давай, развивай свои подозрения.

— Сыну мать не давала денег, он приобрел в рассрочку дорогую квартиру, полагал, что деньги у матери имеются, злился на нее.

— Откуда тебе все это известно?

— Ну, я же провел несколько допросов. И потом, в вечер исчезновения Томской я и сам был в театре и, когда уже садился в машину, заметил «Ягуар». Потом выяснилось, что это транспортное сред-

ство Антона Томского. Я также видел снизу, как в уборной Томской боролись мужчина и женщина. И жена моя это видела.

— Но ты ведь не вмешался.

— Да неохота было ввязываться в семейную разборку.

— Откуда ты мог знать, что это семейная разборка?

— Ну, не муж с женой, так любовники! Все равно не хотелось принимать в этом участие: двое дерутся, третий не приставай.

— А что ты думаешь о Сафьянове?

— Ох, не надо о Сафьянове.

Андрей и Василий рассмеялись.

— И все-таки я тебе, Васька, не верю. Хочешь меня, стреляного воробья, вокруг пальца обвести? Если ты подозреваешь сына и бывшего мужа, почему же до сих пор не допросил их?

— Им высланы повестки. Но Антон так и не явился. А Томского я еще не успел допросить. Все пошло наперекосяк. Меня срочно вызвали в Управление. Кстати, Грушеву и Молочкову я тоже не успел допросить.

— Ой, не верю. Наверняка ты не подозреваешь в смерти Галины Томской ни ее сына, ни бывшего мужа.

— Погоди, Андрей. Пока речь идет все-таки не о смерти, а об исчезновении.

— Но все равно ни бывшего мужа, ни сына Томской ты не подозреваешь. Иначе ты бы уже их по всей Москве с собаками разыскивал.

— Хорошо, признаюсь тебе. У меня есть сведения о том, что в тот вечер в уборной Томской видели нескольких человек, и, значит, версия бытового убийства отпадает. И бывший муж, и сын Томской действовали бы в одиночку. Кроме того, одна из сотрудниц театра якобы видела призрак Томской. Вот. — Степанов показал Андрею Александровичу бумажный листок. Тот пробежал глазами по записке и решительно произнес:

— Ну нет. Это ты к делу не приобщай. Мистика какая-то. Курам на смех.

Степанов поторопился сменить тему разговора.

— На выходные-то куда?

— Как обычно зимой. Подледный лов. — Битнев улыбнулся.

Они еще немного поболтали о том о сем. Степанов окончательно уверился в том, что откровенничать с Битневым не следует. Андрея Алексеевича явно приставили к Степанову специально для то-

го, чтобы вытянуть из Василия Никитича побольше сведений.

Домой Степанов возвращался пешком. Ему вдруг показалось, что за ним кто-то неотступно следует в толпе прохожих. Степанов несколько раз оборачивался, пытался разглядеть преследователя в стеклах витрин, но взгляд его наталкивался лишь на равнодушные лица продрогших пешеходов.

Степанов едва успел переступить порог квартиры, как зазвонил телефон.

— Василий Никитич? — произнес мягкий баритон Сафьянова.

— Да, я.

— Ну, как дела?

— Дела таковы, что закрываем дело об исчезновении Галины Томской.

— Понимаю, понимаю. Всего вам доброго.

В трубке раздались частые гудки. Степанов даже немного загордился. Все-таки не каждый день премьер-министр звонит простому следователю.

Маша предложила ему погулять с Чу-мариком.

— Нет, не проси. Я умираю от голода.

— У меня все готово, только салат осталось нарезать. Ты пока пройдишь не-

много с песиком, аппетит нагуляешь, а я салат нарежу.

Степанову ничего не оставалось, как согласиться. Он взял Чумарика на поводок и спустился во двор.

У детской площадки следователя кое-кто поджидал. Это оказался Книгин, помощник отоларинголога Грубера. Парень прятал лицо в поднятом вороте зимней куртки, как будто хотел скрыться от каких-то неведомых врагов.

Степанов спустил собачку с поводка и приблизился к молодому медику.

— Здравствуйте, — приветствовал тот следователя. — Вот, жду вас наудачу. Очень хочу побеседовать.

— Да, да, хорошо. Я и сам искал вас в поликлинике, но не застал.

— Я был, но ушел.

— Вы хотите сообщить мне нечто важное?

Книгин молчал, словно собираясь с силами. Он отступил под дерево. Степанов невольно последовал за ним.

— Все началось с Грубера, — тихо начал Книгин.

— А не с неисправного ларингоскопа?

— Так вы уже все знаете? — Книгин вздрогнул.

— Я опытный следователь и умею придавать значение мелочам.

— Так вы знаете, что этот наконечник повредил связки певице Величаевой?

— И пришлось срочно проводить операцию? Трахеотомию, да?

Книгин испуганно замахал руками:

— Слава богу, до этого не дошло. Я все время толковал Борису Вениаминовичу, что необходимо обновить оборудование. А он еще и меня ругал, когда что-нибудь ломалось.

— Понимаю.

— Ну вот. Борис Вениаминович вытащил наконечник ларингоскопа щипцами и нечаянно повредил правую связку. Вы поняли, да? — Книгин уставился на следователя.

— Это было плановое обследование?

— Нет, Величаева обратилась по поводу легкого ларингита.

— Когда?

— Утром, в тот самый день. Ну, в тот день, когда это случилось, когда Томская пропала.

— В тот же день, — задумчиво проговорил Степанов, поглядывая на весело перебегающего с места на место Чумарика. — Как вы думаете, это случайное совпадение?

Налетевший ветер взвил снежок, легкими хлопьями разлетевшийся по двору. Книгин придвинулся к следователю и горячо зашептал.

— Я совсем случайно знаю... — Ветер заглушал его слова.

— Вы видели, как Томская заплатила Груберу?

— Да.

— Чтобы он повредил связи Величаевой?

Книгин смущенно молчал, но это молчание говорило Степанову больше, чем самые откровенные признания.

— И что же потом? Величаева сильно пострадала?

— К счастью, нет. Но у нее сделался истерический спазм. Хотя, возможно, Томская и Грубер на это и рассчитывали. Видите ли, для певца голос — самое важное в жизни. Голос — рабочий инструмент. Каждый певец бережет голос как зеницу ока. Особенно в нашем театре, ведь у нас никогда не поют под фонограмму. Во время вечерних спектаклей отоларинголог специально дежурит в поликлинике на случай непредвиденных обстоятельств. В результате неисправности ларингоскопа возникла очень выгодная для Томской ситуация, то есть травма

была совсем не опасной, и в то же время Величаева вследствие своего истерического спазма не могла петь, ей казалось, что она потеряла голос.

— И долго может продлиться такое состояние?

— До тех пор, пока она не возьмет себя в руки.

— Значит, если бы Томская не смогла в тот вечер петь, Величаева не сумела бы ее подменить?

— Выходит, что так.

— Значит, Томская осталась единственной и неповторимой?

— Да, никто не мог заменить ее.

— Значит, она могла сорвать спектакль?

— И не один. Да и гастролы могли не состояться. Но кто думает о театре в таких случаях?!

— Странно. Получается, что, в сущности, ни Величаевой, ни Томской не было выгодно то, что произошло. А кому же это могло быть выгодно? Кто мог бы все-таки петь ведущие партии, если бы вышли из строя обе — и Томская, и Величаева?

По двору проехала машина. В свете фар Степанов заметил напряженное лицо Книгина.

— Кто? Пожалуй, Ирина Грушева.

Степанов мгновенно припомнил Грушеву. «Вот она, серенькая мышка!» — молнией промелькнуло в мозгу. Подбежал Чумарик, затыкал жалобно. Должно быть, замерз. Степанов взял собачку на руки.

— Скажите, Книгин, а другие артисты, то есть певцы, тоже платили Груберу?

— Конечно. Платили, дарили подарки.

— А вам в подобных случаях ничего не перепало?

Книгин на короткое время замкнулся, затем произнес:

— Борис Вениаминович не хотел обновлять оборудование.

— Допустим. Но какими же мотивами могла руководствоваться Томская?

— Величаева пела лучше, об этом все знали. У нас, в Москве, это не имело значения, но за границей... В газетах могли открыто хвалить Величаеву, могли предложить Величаевой выгодный контракт. Дирекции пришлось бы с этим считаться. А в последнее время Галина Николаевна сильно сдала, была не в форме. А тут как раз гастроли на носу... Все нервничают.

— То есть кто нервничает?

— Ну, все, — Книгин замылся. — Вы знаете, я ведь информирую вас добровольно, потому что меня совесть мучит.

А мог ведь и промолчать, как Тимошенко, например.

«Все он знает», — подумал Степанов. Но он вовсе не собирался говорить Книгину о том, что Тимошенко уже отказался от своего заявления. О закрытии дела следователь также предпочел умолчать.

— Все-таки было бы неплохо, если бы вы более подробно рассказали мне о том, что вам известно, — сказал Степанов.

Книгин вздохнул и заговорил:

— Значит, по вечерам в поликлинике дежурит отоларинголог. И как раз в тот вечер было мое дежурство. Я сидел, смотрел телевизор. Вдруг дверь распахнулась с такой силой, что штукатурка на пол посыпалась.

— Вы сидели в кабинете?

— Да. Но не в самом кабинете, а в процедурной.

— И что же произошло?

— Вдруг охранники в форме втащили какую-то женщину. Это была Томская. Следом вбежал Сафьянов. Я понял, что это его охрана. Сафьянов обычно такой мягкий, деликатный, хотя ему палец в рот не клади. А тут я его с трудом узнал. Лицо искаженное. И кричит отчаянно, прямо-таки вопит: «Воскресите ее! Воскресите ее!» А что я могу сделать? Я все-

го лишь отоларинголог. Надо было «неотложку» вызывать. Томскую волокли под мышки. Ее, наверно, несли через подземный переход. Ведь театр и поликлинику соединяет подземный переход. Я думаю, что сначала она еще своими ногами шла. Потому что ведь это дико: тащить ведущую певицу Большого, будто какой-то мешок. Хотя с них станется!

— И что же с ней приключилось?

— Черепно-мозговая травма. Вид у нее был еще тот. Язык вывалился изо рта, сама задыхается. Лицо и грудь залиты кровью. Охрана Сафьянова и Тимошенков суетились, не зная, как быть.

— А Тимошенков как очутился там?

— Я думаю, не случайно. Наверное, он Томскую и нашел. Или... сам и убил. Тоже весь в крови. Ужас! Ну, я говорю, что сейчас «неотложку» вызову, что ее в реанимацию надо. А Сафьянов возражает, нет, мол, окажите ей помощь вы! Ну, я позвонил Груберу. Он живет на Тверской. А я уже весь дрожал, тоже растерялся. Ищу ключи от шкафа с лекарствами, еле нашел. Ввел ей кофеин подкожно. Я вообще-то покойников боюсь.

— Томская уже была мертва?

— Не знаю. Тут Грубер примчался, и меня попросили выйти. Я только заме-

тил, что Сафьянов о чем-то совещается с Грубером и Скромным.

— Как? И Скромный там был?

— Ну да. В конце концов они все-таки решили вызвать «неотложку». Но не хотели называть фамилию Томской. Еще бы. Такое пятно на репутации Большого театра, а заодно и на премьер-министре. Газетчики слетелись бы, как мухи на мед. Ну, и «неотложка» приезжает, надо сказать, удивительно быстро. Сафьянов тут же поднялся на второй этаж, чтобы зря не светиться. А о Галине Николаевне мы сказали, что не знаем, кто это. Услышали, мол, шум на улице, выбежали и видим женщину с проломленным черепом.

— А как же костюм Снегурочки?

— Нет, она была в обычном платье, без пальто.

— А в больнице не могли опознать ее?

— Да нет, у нее лицо было в таком состоянии...

— А если она очнется?

— Ну, не знаю. Это не моя забота.

— И как по-вашему, кто ее так?..

— Не знаю. Может быть, сам Сафьянов.

Приревновал, например.

— А если я допрошу Грубера?

— Он вам ничего не скажет.

— Тогда вы мне сейчас скажите: если

Грубера не будет в поликлинике, ну, уйдет на пенсию, уволят, мало ли что может случиться, так вот, кто в таком случае займет его место?

— Это не я решаю. В любом случае новый врач должен заменить оборудование.

— Понятно. А куда же увезли Томскую?

— В Склифосовского, конечно. Слушайте, а мне ничего не будет? Я же вроде как на самого премьера бочку качу.

— Нет, ничего не будет. Даже орден дадут.

— Не шутите. Я серьезно спрашиваю.

— А я вам серьезно отвечаю. Законам ведь все обязаны подчиняться. — Степанов иронически усмехнулся.

Книгина эта усмешка, кажется, покоробила. Но тут Степанов увидел сына. Николай с несколькими приятелями возвращался из института.

— Коля, — окликнул следователь.

Сын подошел.

— Скажи Юре, что вы оба мне сейчас понадобятся.

Николай поспешно кивнул и, в свою очередь, подозвал Юру. Ребята остановились поодаль. Остальные студенты прошли вперед.

— Письменно я ничего подтверждать

не буду, — тотчас заявил Книгин. — Галина Николаевна всегда хорошо ко мне относилась.

Степанов уже знал, что характер Томской отличался, как это часто бывает у артистов, противоречивостью и взбалмошностью. Она могла отказать родному сыну и тут же одолжить деньги постороннему молодому человеку, который к тому же мог не спешить с возвратом долга.

— Послушай, Коля, — обратился Степанов к сыну. — Вы с Юрой сейчас будете понятыми. Но сначала сбегай-ка домой, отнеси матери Чумарика.

Николай взял собачку и помчался наверх. Вскоре он вернулся, запыхавшись:

— Мама сказала, что обед стынет и салат готов.

— Ничего не поделаешь, обедать будем потом.

Степанов вывел из гаража машину, и все четверо поехали в «Склиф». Следователь пытался по мобильнику добраться до начальства в лице Даниила Евгеньевича, но безрезультатно.

Сцена семнадцатая

Удостоверение сотрудника Управления открыло Степанову дорогу в реанимацию. Выяснилось, что Томская в больницу не поступала. Значит, она была зарегистрирована под другой фамилией, но под какой, пока не было известно. Книгин тоже не знал. Он казался нервным и взволнованным, то и дело наклонялся к уху Степанова и шепотом спрашивал, верны ли слухи о скорой отставке Сафьянова.

В реанимационном отделении Василий Никитич заметил, что возле одной из палат дежурит человек в штатском, но явно подозрительный. Следователь пригляделся и узнал одного из охранников Сафьянова. Степанов подошел к двери в палату и попросил разрешения войти. Охранник в штатском отказал. Степанов попытался обратиться к нему по-дружески:

— Да пропусти...

— Не положено. — Лицо охранника сделалось грубым и непроницаемым.

Степанов помахал заветной книжечкой прямо перед носом противника. Охранник по-прежнему преграждал ему путь. В конце концов следователь схватился за ручку двери и дернул. Дверь приоткрылась. Степанов разглядел лежащих больных. Это были две пожилые женщины, головы их были забинтованы. Рука той, что лежала справа, хорошо была видна Степанову. На пальце поблескивало обручальное кольцо. Из капельниц струилась бесцветная жидкость. Степанов резко оттолкнул охранника и прорвался в палату. Над кроватями укреплены были таблички с именами и фамилиями больных. Одну из женщин звали Людмилой Сергеевной Петровой, другую — Мари-ной Игоревной Лазаревой. Обе женщины явно были без сознания. Но вот одна из них как будто попыталась шевельнуться. Обостренным чутьем больного человека она ощутила знакомый запах, исходивший от одежды вбежавшего в палату Степанова. Запахло собакой, родным маленьким Чумариком! Но Степанов, конечно, не мог обратить внимание на едва приметное шевеление на кровати. Как раз в этот момент охранник схватил его за рукав,

сердито повторяя: «Запрещено! Запрещено!», и вывел следователя в коридор. Там они принялись названивать по мобильникам своему начальству. Собрались врачи и медсестры. Степанову принесли белый халат.

Даниил Евгеньевич по-прежнему не отвечал. Степанов отошел к окну, чтобы улучшить связь. Охранник, поняв, что по мобильнику дозвониться не удастся, побежал к телефону на посту дежурной медсестры. Степанов нервничал. В коридоре показались Николай, Юра и Книгин в белых халатах, наброшенных на плечи. Книгин раздасадованно доказывал молодым медикам, что все они влипли в скверную историю. Степанов наконец дозвонился до кабинета Даниила Евгеньевича и передал трубку подошедшему охраннику. Но для того Даниил Евгеньевич отнюдь не являлся авторитетом. Охранник ждал команды Сафьянова. Однако премьер не отвечал. Тогда Даниил Евгеньевич пообещал лично связаться с Сафьяновым.

Около четверти часа все нервно расхаживали по коридору. Наконец зазвонил мобильник Степанова. По-прежнему мягкий, но с нотками нетерпения голос Сафьянова настоятельно порекомендо-

вал следователю покинуть больницу. Степанов отвечал напряженно: «Да... да...», затем перезвонил Даниилу Евгеньевичу, который даже удивился, зачем подчиненный ему звонит:

— Вы должны подчиняться приказу!

Значит, спокойные слова Сафьянова являлись не чем иным, как приказом.

Книгин явно был раздосадован. Он был уверен, что в сложившейся ситуации его сочтут тем самым «стрелочником», который всегда оказывается виноват.

Степанову, Книгину и ребятам, Коле и Юре, пришлось уйти ни с чем. Василию Никитичу было неловко. Что подумает о нем сын?

Дома молчали, уткнувшись в тарелки. Только Маша робко заметила, что суп, наверно, не такой вкусный, потому что слишком долго кипел. Да и салат, потомившийся немалое время в холодильнике, оказался совсем не таким, как обычно. Однако все это уже не имело значения.

На другой день Степанова срочно вызвали к Даниилу Евгеньевичу. Тот объявил, что в больнице вчера ночью скончалась Томская.

— Обширное кровоизлияние! Тело в морге, в холодильнике.

— Но которая из них? — осмелился спросить Степанов.

— То есть как это — которая?

— Ну! — Следователь замялся. — В палате было две женщины. Я даже запомнил имена: Людмила и Марина. Которая же из них оказалась Томской?

— Это не имеет значения! — с нажимом произнес Даниил Евгеньевич.

Кажется, теперь слишком многое уже не имело значения.

Сцена восемнадцатая

Подготовка к гастрольному турне шла полным ходом. Обязанности Скромного временно исполнял Царедворский. Сольную партию в ближайшем спектакле должна была исполнять Величаева. Степанову предстояло вновь слушать «Снегурочку».

— Ты станешь настоящим меломаном! — подшучивала над мужем Маша. И тут же добавляла серьезно: — Это очень полезно: слушать одно и то же произведение в разном исполнении.

Степанову оставалось только соглашаться с женой. Сафьянов не объявлялся. Зато объявился Овчинников и сказал, что также собирается на спектакль. За пару дней до посещения Большого Маша вдруг спросила, нельзя ли попросить еще один билет:

— Понимаешь, Вася, для Коленьки. Мальчик растет совершенным дикарем. — Да какой он мальчик, он — му-

жик! — буркнул Степанов, но контрамарку у Царедворского взял.

В фойе семейству Степановых тотчас попался на глаза Тимошенков. Маша и Коля смотрели на него с любопытством.

— Вы не поете сегодня? — поинтересовался следователь. И вправду как заправский меломан!

— Пою, — ответил Тимошенков. — Сейчас иду гримироваться. — Он отозвал Степанова в сторону и громко прошептал ему на ухо:

— Скончалась Томская! Ее обнаружили в больнице и уже не смогли спасти. Говорят, лицо сильно обезображено. Наверное, будут хоронить в закрытом гробу.

Степанов кивал невпопад, но сам не произносил ни слова, опасался сказать что-нибудь лишнее.

Не успел Василий Никитич избавиться от Тимошенкова, как натолкнулся на Овчинникова. Бывший банкир сиял белозубой улыбкой.

— Становитесь завзятым театралом? — Овчинников крепко пожал руку следователю. Степанов не ударил в грязь лицом:

— Я знаю, что Царедворский сорок раз слушал «Тоску» в разных театрах!

— То-то его постановка в Большом — точная копия постановки в миланском Ла Скала! — Овчинников хмыкнул.

Рядом с председателем Попечительского совета потрясающим нарядом сверкала его Амалия. Волосы красотки отливали ярчайшей медью. Смотрелась она сногшибательно. Девушке, несомненно, пришлось потрудиться над своим новым имиджем, ведь она хотела во что бы то ни стало удержать Григория Александровича, несмотря на то что он теперь сделался едва ли не хозяином целого гарема певиц и балерин!

— Здесь Андрей Алексеевич, — светски заметил Овчинников.

Степанов оглянулся. Битнев помахал ему. Коллега явно направлялся в буфет. Степанов заметил, что лицо Овчинникова на миг приняло озабоченное выражение. Но тотчас Григорий Александрович заговорил с воодушевлением:

— А вы с Андреем Алексеевичем — молодцы! Пионеры! Пора, пора нашим защитникам приобщаться к культуре!

Юный Николай зевнул. Маша невольно разглядывала платье Амалии. От этого платья и вправду нельзя было оторвать глаз!

Зазвучала увертюра. После исчезно-

вения занавеса зрители увидели царство сказочного царя Берендея. Синева небес, совершенно натуральная, заставила всех собравшихся в зале громко зааплодировать. Да, декоратор поработал на славу! Костюмы тоже были прекрасны. Кокошники женщин блистали жемчугом и бирюзой. Сарафаны и косоворотки туго облегли мощные тела поселян. Степанов подумал, что в прошлый раз многого не заметил. Музыка показалась ему и знакомой, и незнакомой одновременно. Он даже стал различать довольно тонкие оттенки мелодий. Теперь он пристально следил и за движениями танцоров, и за взмахами дирижерской палочки. И ведь все это было связано: пение, танцы, декорации.

Глаза Маши сияли. Николай улыбался. Степанов быстро оглядел галерку, балконы, ложи, партер.

На сцене появилась Величаева. Зал замер. Впервые Величаева не дублировала Томскую, а солировала открыто. Степанов припомнил, что у нее невроз. Может быть, она не сможет петь? Словно что-то вдруг почувствовав, следовательно быстро обернулся. Из-за бордюра первого яруса выглянули головы Грубера и Книгина. Медики мирно сидели рядом.

Ага, значит, Грубер ничего не знает о предательстве своего помощника.

Величаева запела. Голос зазвучал сильно и легко. Грубер и Книгин переглянулись и вдруг разом поднялись и выбрались из зала. Степанов слушал. Да, Величаева пела лучше Томской. Можно было сказать, что она не настолько артистична, но Величаева делала в своем исполнении ставку не на артистизм, а на безукоризненное пение. Следовательно невольно подумал о несправедливости театрального начальства: как могло оно столь долго скрывать такой талант, не давать этому таланту развернуться, позволяя лишь дублировать капризную, взбалмошную алкоголичку!

Появилась Молочкова. Степанов теперь понимал, что публика и вправду может составлять единое целое. Все в едином порыве следили за грациозными движениями балерины. Длинные ноги ее с легкостью взлетали чрезвычайно высоко. Могло показаться, будто она летит, вздымается из сугробов, неся весеннее тепло. Ее красный костюм полыхал ярким пламенем. Зрители уже не задавались вопросом, почему Весна не поет, а танцует. Все оценили молодость и талант балерины. И вдруг снова что-то будто толкнуло Сте-

Панова, заставило поднять голову. На галерке он увидел бледного молодого человека с видеокамерой. Следователю показалось, что молодой человек появился совсем недавно. Нельзя было не заметить выражения ужаса на его анемичном лице. Камера ходуном ходила в его дрожащих руках. Повернувшись, Степанов нечаянно задел локтем Николая. Сын быстро оглянулся и проследил взгляд юноши.

— Папка! В директорской ложе — труп! — громко прошептал Коля.

— Ш-ш! — невольно прошипел Степанов. — Молчи, молчи! — Он крепко сжал руку сына.

Но на директорскую ложу никто не обращал внимания. Звучала музыка, пел хор птиц, спутниц Весны. Остекленевшие глаза мертвеца уставились в зал, подбородок его покоился на бархате ограждения ложи. Парнишка с камерой исчез.

Труп внезапно покачнулся. Степанов подумал, что наверняка убийство произошло недавно. Он узнал убитого. Это был Антон, сын Томской!

— Пойдем, Коля! — скомандовал Степанов.

Василий Никитич и Николай заспешили к выходу. Маша досадливо покачала головой. В публике зашикали. Степа-

нов и Николай пробрались к Андрею Алексеевичу Битневу. Тот с любопытством разглядывал в бинокль балерин. Степанов дернул его за рукав. Битнев оглянулся и сразу понял по выражению лица коллеги, что в театре произошло нечто из ряда вон выходящее!

Сцена девятнадцатая

Фантастические идеи теснились в мозгу Антона. Он понимал, что невольно очутился в эпицентре водоворота страшных и таинственных интриг. В сравнении с этими интригами его собственные планы и действия могли показаться мелкими и ребяческими. Наверное, именно поэтому Антоном до сих пор не заинтересовалась ни милиция, ни те таинственные субъекты, которые всю эту кашу заварили. Да, кому-то было выгодно исчезновение певицы Томской, и вот его мать пропала! Возможно, хотели подставить его, но не вышло. Однако операция была разработана столь тщательно, имела столько степеней защиты, что неудача с Антоном никак не отразилась на ее исходе. Впрочем, наверное, это просто было случайное совпадение, то есть то, что Антон стрелял в мать как раз в тот вечер, когда она должна была исчезнуть. Его поведение было даже на руку таинственным исполнителям настоя-

щего преступления. Теперь Антон начинал понимать, что певицу Томскую хотели выжить из театра, выжить любым способом, даже посредством убийства. Бесплодные загадки мучили Антона.

Но ведь кто-то должен был знать всю правду. Подумав, Антон решил, что таким человеком, наверное, является Михаил Михайлович Сафьянов, друг матери. Но был ли он в тот вечер в театре? Должно быть, все-таки сидел в ложе. А если даже и не был, все равно он должен знать. Ему, конечно же, доложили. И теперь Антону вовсе не обязательно идти в милицию, а надо направиться напрямик к премьеру, в его кабинет, в Кремль. Но как туда попасть?

Антон знал о существовании подземного хода, проложенного еще при Сталине, чтобы вождь всех времен и народов мог проходить в Большой, не искушая уличные толпы своим явлением. Однажды Антон и сам очутился в этом туннеле. В тот вечер в Кремле должен был состояться торжественный прием. Дед Антона, тогда директор Большого, сопровождал на прием лучших представителей труппы, и в их числе и мать Антона, молодую перспективную вокалистку. Прием готовился пышный, с участием иностранных делегаций.

Вдоль стен тоннеля мягко блестели лампы. Воронье авто медленно продвигались по широкому шоссе. Шины шуршали по асфальту. Кабели под лампами казались нескончаемыми, это зрелище завораживало Антона. По этим кабелям бежала секретная информация, оберегающая страну. Слышен был звук электричек метро, странный, пульсирующий, доносившийся издалека.

Тогда отец и мать еще были вместе. Отец, победитель всесоюзного конкурса вокалистов, бережно держал жену под руку. Ничто не предвещало несчастья.

Машины въехали в накопитель, где, вытянувшись, застыли солдаты, а серьезный милиционер проверял документы. Поднялись в зал, одни на лифте, другие — по лестнице с бордовым ковром. В огромном зале стояли накрытые столы. Множество присутствующих замерли в ожидании. Наконец вошли грузные пожилые люди. Тихий шепот смолк. Во главу стола провели усталого человека, он поднял искрящуюся хрустальную рюмку и невнятно заговорил о каких-то важных перспективах. Антон не совсем понимал, о чем шла речь. Мужчины в строгих костюмах, увешанные орденами

и медалями, завороженно внимали выступавшему. Зазвучали аплодисменты и здравицы. Шампанское нечаянно брызнуло на светлое платье певицы Томской. Какой-то высокопоставленный старец приблизился к молодой женщине и принялся старательно тереть ее грудь бумажной салфеткой. «Но там ведь уже не мокро!» — простодушно воскликнул Антон. Действительно, шампанское впиталось в ткань. Старик потрепал мальчика по голове. Отец был равнодушен, а мать смотрела на старика с таким вниманием, что Антону стало неловко. Глаза матери сияли. Казалось, она была готова на все ради этого человека. И вдруг из-за плеча начальственного старца выглянул молодой Сафьянов. Выправка офицера роты почетного караула, обаятельная улыбка успешного баритона. Сначала Антону показалось, что это какой-то незнакомый ему певец. Позже он узнал, что Сафьянов и вправду когда-то пел в хоре. В глазах молодого Сафьянова Антон прочел явственное желание стать таким же влиятельным, как все эти орденосные старики. На обратном пути артисты устали. Мать подремывала на плече отца. Отец что-то шептал ей на ухо. Антон сидел у деда на коленях. Вот и все, что сохрани-

лось в памяти. Но зато Антон помнил, как попасть в заветный тоннель. Он спустился из фойе в подвал. Вход в тоннель перекрывала массивная дверь с запыленной ручкой. Этой тайной дорогой давно уже не пользовались. Правительственные кортежи открыто проезжали через город. Антон дернул ручку, дверь не поддавалась. Он не знал, как ее открыть.

Антон оглянувшись, заметил на стене запломбированный щит. Вот она, тайна запертой наглухо двери. Но он все же не решился сорвать пломбу. Он понимал, что нужно быть осторожным.

— Иди сюда, — вдруг окрикнул его хриплый голос.

Антон присмотрелся. Перед ним стоял театральный охранник.

— Ты куда? — спросил охранник с напускной строгостью. Антон молчал.

— Здесь всюду камеры, — предупредил охранник. — Снимают.

Внезапно Антон решился и спросил:

— Вы ничего не знаете о Томской?

— А ты куда? — произнес охранник вместо ответа. — К Михал Михалычу, к Сафьянову? Он тут ни при чем.

Но Антон был уверен, что как раз-таки при чем.

— Вы ведь знаете меня, — сказал он.

— Знаю, ты сын Галины Николаевны.

— А вас как зовут?

— Алексей Григорьевич. Если хочешь, покажу, как здесь дверь открывается. Но это тебе не поможет.

Антон подошел поближе:

— А что мне поможет, Алексей Григорьевич? Что? Неужели оставить все как есть? Ведь у меня мать пропала! Может быть, ее убили!

— Да не лезь ты ко мне! — окрысился охранник. — Все вы тут первостатейные мерзавцы, только и думаете, как бы унижить подчиненного человека. А о матери забудь.

— Вы что-то знаете?

— Может быть, и знаю, да не скажу. Я не такой дурак.

— Но я хочу знать, жива моя мать или нет! — воскликнул Антон. Теперь он страстно желал спасти мать.

— Да пусти ты! — Охранник оттолкнул молодого человека. — Жива твоя мать или мертва, кому это интересно!

— Как это?

— Да так. В театре ей больше не дадут появиться. Волчица она, твоя мать. Только на каждого волка свой охотник найдется.

— Что за загадки? Какие волки, какие охотники?

Охранник презрительно хмыкнул:

— Я попросту говорю, без всяких загадок. Это тебе, сыну, интересно знать, жива твоя мать или нет. А тем, которые решили убрать ее, одно только и нужно: чтобы ноги ее в Большом не было. Понял? А к Сафьянову можешь, конечно, пройти. — Охранник указал на ручку, которую следовало повернуть. Затем ловко снял при помощи плоскогубцев пломбу. — Иди к Сафьянову.

— Но... он знает?

— Знает, знает. Иди.

Тяжелая дверь медленно открылась. Антон увидел серые своды тоннеля, тусклые лампы. Входить сюда не особенно хотелось.

— Иди. Вот дорога.

Антон медлил.

— Ну и пойду. Не стану я обращаться к его секретарям.

— Но ведь он рано или поздно приедет в театр, — заметил Алексей Григорьевич.

— Я не могу ждать, — Антон шагнул в тоннель.

Охранник смотрел ему вслед:

— Ишь, какой смелый. Горячий, в мать. Иди, иди. Прямо в кабинет попадешь.

Антон шагал вперед, разглядывая тусклые лампы и кабели вдоль стен. Он уже побаивался. Кто знает, что может здесь с ним произойти. Мысли о карьере солиста балета, о деньгах, которые следовало выплатить за квартиру, показались мелочными. Антон тряхнул головой. Пусть даже в конце тоннеля его ждет следователь, все равно. Ведь он виноват, он стрелял в мать. Антон представил себя в тюрьме, как он отбивается от блатных. Зря он не уделял должного внимания спорту. Антон по-боксерски выставил кулаки вперед, сделал несколько выпадов.

Но теперь Томский уже сомневался в том, что премьер поможет ему. Он раздумывал: не повернуть ли назад. Но все-таки не повернул.

А на мониторе кремлевского дежурного Антон уже давно был виден. Тот, в свою очередь, позвал офицера, и теперь они гадали, глядя на экран, не террорист ли перед ними. Ведь тоннелем давно не пользовались. Растерянность дежурного поста позволила Антону беспрепятственно дойти до кнопки звонка. Он надавил на нее. Раздался оглушительный звон.

За дверью немного помешка ли, затем

дверь открылась. Антон увидел направленные на него автоматы.

Его сразу же обыскали и увели в караульное помещение, разрешили сесть на стул. Антон машинально оглядывался по сторонам, ожидая решения своей участи. Появился майор, начался допрос.

Антон сказал, что хочет во что бы то ни стало встретиться с премьер-министром Сафьяновым. Майор подозрительно оглядел Антона и приказал обыскать повторно. Однако и на этот раз ничего подозрительного не нашли.

— И все-таки, парень, — грозно заговорил майор. — Ты вторгся на территорию особо охраняемого объекта. Теперь у тебя только два выхода: тюрьма или психушка.

Антон объяснил, что он сын Галины Томской, солистки Большого театра, и умолял сообщить премьеру о его приходе. Молодой человек даже решился на заведомую ложь.

— Понимаете, я его родственник, — бормотал он.

Вскоре явился подполковник. Майор и подполковник вышли в коридор. Там они о чем-то разговаривали. Один из солдат-охранников вынул опасливо из ящика стола журнал и принялся разга-

дывать кроссворд. Другой играл на компьютере в покер. Из коридора донеслись удаляющиеся шаги подполковника и майора. Вольным шагом прошел караул, возвращающийся от могилы Неизвестного солдата в Александровском саду. Затем майор вернулся и приказал Антону следовать за ним.

Антон вели по коридору с толстыми стенами, обшитыми деревянными панелями. Над головой покачивались старомодные фонари. В проходах дежурили солдаты кремлевского полка. При приближении майора они вытягивались и отдавали честь.

Антон подвели к высоким белым дверям. Сбоку за письменным столом расположилась пожилая секретарша. Она окинула молодого человека быстрым взглядом невыразительных глаз. Створки дверей кабинета неожиданно отворились. Стремительно вышел Сафьянов. Секретарша поднялась.

— Я уезжаю, — бросил на ходу премьер.

Тут Михаил Михайлович заметил Антона. На лице премьера заиграла мягкая улыбка. Он обнял молодого человека за плечи, повел по зеленой с красными полосками ковровой дорожке. Из боко-

вой дверцы выскочили охранники. Один из них нес плечики с выглаженным костюмом премьера.

— Ты бы ко мне еще на воздушном шаре прилетел или самолет у самого Кремля посадил, как Руст! — пошутил Сафьянов.

Вскоре Антон уже сидел на заднем сиденье «Мерседеса». Вплотную к «Мерседесу» ехал похожий на куб джип. Мелькнули Царь-пушка и спрятанный среди елок бюст Ленина. Машины выехали из Кремля и понеслись по разделительной полосе к Кутузовскому проспекту. Сафьянов то и дело прикладывал к уху мобильный телефон, откликаясь на мелодичный звонок. Премьер поглядывал на Антона грустновато-иронически.

Машины подъехали к дому, обнесенному трехметровым забором. Антон заметил видеокамеру, контролировавшую площадку у ворот. Из будки высунулся охранник. Ворота задребезжали, раздвигаясь, Сафьянов вышел из машины. Антон последовал за ним.

Они зашли в дом. Сафьянов приказал охранникам уйти.

— Костюм оставьте в прихожей, — велел он им.

Антон увидел роскошные помеще-

ния, отделанные в новорусском стиле, с колоннами, арочными проемами, розовым искусственным камином. В гостиной в уютных креслах расположились Молочкова и Грушева. На каминной полке Антон заметил черно-белый фотопортрет своей матери. Рядом красовался макет Большого.

— Я сейчас вернусь, — предупредил Сафьянов и скрылся в коридоре.

При виде растерянного Антона Грушева хмыкнула. Молочкова вызывающе положила ноги на край журнального столика и защелкала кнопками пульта, переключая программы домашнего кинотеатра. Грушева вынула из кармана платья мобильник и тоже принялась нажимать кнопки; должно быть, играла в какую-то игру. Кажется, все испытывали чувство неловкости.

— Ну, и как же нам теперь быть? — спросила вдруг Молочкова.

На экране появилась сцена из балета «Дон-Кихот». Балерина встала и сделала несколько быстрых пируэтов, прицеливая пальцами, словно кастаньетами. Грушева скорчила гримаску и принялась распеваться. В комнату вошла какая-то женщина, видно было, что из обслуги.

Она спросила, не надо ли чего. Антон попросил зеленого чая.

Явился премьер, уже переодетый в домашний тренировочный костюм.

Сафьянов бросил взгляд на большие круглые настенные часы и пробурчал что-то нечленораздельное. Затем взял у балерины пульт и нашел программу «Новости». Минуты три он внимательно смотрел и слушал. Вероятно, появившийся на экране сюжет имел к нему непосредственное отношение. Речь шла о бюджетниках. «Может быть, он хотел бы все-таки улучшить положение бюджетников», — подумал Антон.

Сафьянов поманил Антона за собой. Вскоре они очутились в крошечной комнатухе с единственным окошком. Премьер грузно опустился на диван. Над столом висела картина художника-абстракциониста. Антону было негде присесть.

Сафьянов вытер платком вспотевшее лицо. Его пристальный взгляд показался Антону взглядом опытного игрока, для которого главное — во что бы то ни стало выиграть партию.

— Я хотел поговорить с вами о моей матери, — начал Антон не очень решительно.

— Да, исчезновение Галины — боль-

шое несчастье для всех нас. — Лицо Сафьянова приняло сочувственное выражение.

— Но, может быть, вы знаете...

Премьер замахал руками:

— В данном случае я знаю не больше, чем ты. — Из гостиной донеслось пение Грушевой. — Мне очень жаль, но кажется, надо готовиться к худшему.

— Но я хочу знать, жива она или нет, — Антон прикусил губу.

— Не советую узнавать.

— Но мне было бы легче, если бы я знал.

— Надеюсь, ты не причастен к ее исчезновению? — Премьер пристально посмотрел на Антона.

— Нет, — с трудом произнес Антон.

— Я так и думал. Тебе повестка не приходила?

— Нет. — Антон сам не знал, зачем солгал.

— Ну так вот... — Сафьянов расправил плечи. — Это я велел, чтобы тебя не трогали. Но ведь ты действительно не виноват?

— Абсолютно.

— Смотри, не подведи меня.

Теперь Антон уже не спрашивал, а от-

вечал. Ему надо было подумать о собственной безопасности.

— У тебя деньги есть? — спросил премьер.

Антон что-то промямлил в ответ.

— Я от Галины слышал, что у тебя проблемы с квартирой. Не можешь расплатиться. Надо бы помочь тебе. У матери были сбережения?

— Не знаю.

Сафьянов бросил на молодого человека быстрый пристальный взгляд. Затем они перешли в просторную кухню. Сафьянов выпил стакан минеральной воды. Небольшой стол накрыт был на три персоны, стояли бутылки вина.

— А у отца есть деньги? — спросил премьер.

— Ничего у него нет.

Сафьянов наклонился к уху Антона:

— Твоя мать была одна из самых лучших женщин на свете. Она и моя покойная жена. Женщины с большой буквы. А эти девчонки там, в гостиной, гроша ломаного не стоят. Ты ведь знаешь, что моя жена тяжело болела?

— Знаю.

— Твоя мать ухаживала за ней до последнего часа, — голос Михаила Михайловича дрогнул.

Они вернулись в гостиную. Молочкова и Грушева по-прежнему сидели в креслах. На столике исходил ароматным паром так и не выпитый Антоном чай.

— Можешь идти, тебя не тронут, — сказал премьер.

Антон сделал несколько шагов к двери, но вдруг устался на мобильник в руке Грушевой. Антон решительно шагнул к ней:

— Это мой телефон.

— Да? — Грушева вопросительно посмотрела на Молочкову.

Антон взял у Грушевой телефон, та не сопротивлялась.

— Точно, мой. Видите, панелька надколота? Я еще хотел поменять.

— Ты ошибаешься, Антон, — сказала Молочкова. — Это мой телефон. Я дала Ире поиграть.

— Позвони с него на любой другой телефон, высветится мой номер, — настаивал Антон.

— Позвони, — Сафьянов кивнул Молочковой и вынул свой мобильник.

Молочкова набрала номер, но сразу же воскликнула раздраженно:

— Ничего не получается. Батарейка села.

— Но как же Ира только что играла? — спросила Сафьянов.

— Вот когда я играла, тогда батарейка и села, — Грушева быстро посмотрела на подругу.

— Подключите телефон к зарядному устройству и позвоните, — настаивал Антон.

— У меня нет с собой зарядного устройства, — парировала Молочкова.

— Но можно ведь воспользоваться зарядным устройством телефона Михал Михалыча, у него точно такой же мобильник, — упрямылся Антон.

Премьер замаялся, затем сказал решительно:

— Экспериментировать будем в следующий раз. Теперь я тороплюсь в посольство. — Он нажал на кнопку в стене. Дверь открылась, вошел охранник. — Проводи, Игорь.

Теперь Антон должен был уйти. Другого выхода не было. Антон шагал нарочно медленно и успел расслышать капризный голос Молочковой:

— Хочу еще пирожных, — она разыгрывала маленькую девочку.

— Ты их получишь, если откажешься от своих штучек.

— Что ты имеешь в виду, Миша?

— Ты сама прекрасно понимаешь, дорогая.

— Хорошо, папочка.

Почему-то Антон догадался, что Сафьянов никуда сейчас не поедет, а просто-напросто усядется вместе с Молочковой и Грушевой за столик в кухне.

Сцена двадцатая

Степанов посмотрел на мертвое лицо.

— Нет, это не Антон. Я обознался.

— Галлюцинации от усталости на работе,
— неуклюже пошутил Битнев, который уже успел доложить о случившемся по мобильному Даниилу Евгеньевичу.

Николай, стоявший рядом с отцом, тоже всмотрелся в лицо погибшего. Оно было искажено предсмертными судорогами.

— Но это же Юрка, Юрка! — внезапно вскрикнул Коля.

— Какой еще Юрка? — раздраженно спросил Андрей Алексеевич.

— Товарищ моего сына, сокурсник, — ответил Степанов, побледнев.

Николай сбивчиво говорил, глотая слезы:

— Он за мной в театр увязался. На спор. Из чисто спортивного интереса. Пройду, мол, без билета и усядусь на любое свободное место. Вот и прошел.

Тут Степанов заметил в ложе круглый столик, на котором стояла бутылка минеральной воды, а рядом — тарелка с пирожными. Один из эклеров был надкушен.

— Что это? — спросил Степанов.

В ложу вбежали дрожащие женщины, администраторша и билетерша, та самая, которая якобы видела привидение.

— Это для Михаила Михайловича, — бормотала администраторша, — мы всегда ставим. Он любит эклеры и миндальные.

— Значит, Сафьянов должен был сидеть в этой ложе? — Степанов строго посмотрел на растерянную администраторшу.

— Да, но он не приехал. Может быть, позвать буфетчицу, которая пирожные отпускала?

Андрей Алексеевич наклонился низко к пирожным, едва не уткнувшись в тарелку носом:

— Эге! Миндалем пахнет. Похоже на синильную кислоту.

Степанов, отвернувшись, рассматривал зал и сцену. Оперное действие продолжалось. Он заметил Овчинникова и его Амалию, потом — довольную Машу. Никто в зале не подозревал о происшедшей трагедии. Никто не обращал внима-

ния на директорскую ложу. Грушева пела партию Купавы.

Внезапно в ложу вошел Царедворский. Он уже обо всем знал.

— Надо немедленно убрать труп, — принялся распоряжаться он. — Это просто какой-то рок!

— Нет, ничего нельзя трогать до приезда следственной бригады, — осадил его Битнев.

Царедворский закивал, растерянно и покорно.

— Эх, Юрка, Юрка, — вздыхал Степанов. И, повернувшись к сыну, проговорил нравоучительно: — Никогда не бери того, что тебе не положено.

Спектакль так и не был прерван. В директорской ложе задернули занавески. Прибывшие криминалисты пробрались в ложу осторожно и передвигались пригнувшись. Нежная музыка Римского-Корсакова звучала раздражающе.

Публика так ничего и не заметила до самого окончания спектакля. Раздались финальные аплодисменты. Величаеву многократно вызывали. Степанову показалось, что она имеет больший успех, нежели Томская в прошлое его посещение Большого. Аплодировали и Молочковой и Грушевой. Последнюю принимали как

восходящую звезду. Из мужчин-певцов больше всего аплодисментов снискал Тимошенков — Мизгирь.

Занавес пополз, закрывая от зрителей сцену. Некоторое время они еще продолжали хлопать. Степанов заметил растерянную Машу, озирающуюся в поисках мужа и сына. Двинулся к выходу и Овчинников в сопровождении своей Амалии, ее платье продолжало вызывать неподдельный интерес у женщин. Степанов вышел из ложи в коридор и столкнулся нос к носу с Мизгирем — Тимошенковым. Степанов загородил вход в ложу.

— Ну как? — поинтересовался Тимошенков, еще не снявший театральный костюм. Он имел в виду, конечно, постановку оперы.

— Замечательно, — сухо похвалил следователь.

— А мне вот не понравилось, — возразил Тимошенков. — Томская пела лучше. А что Михал Михалыч думает? — Тимошенков попытался заглянуть в ложу, но это ему не удалось.

— По-моему, ему тоже понравилось. Потом спросите у него.

— А сейчас нельзя?

— Нельзя.

И вдруг появился Сафьянов в сопро-

вождении своих приближенных. Премьер явно нервничал.

— Что же это? — обратился он к Степанову, а затем и к Даниилу Евгеньевичу, приехавшему вместе со следственной бригадой. — Сначала Томская, потом директор, а теперь вот и сын Томской.

— Это не сын Томской, — возразил Степанов.

— Как? — Лицо Сафьянова выразило удивление.

— Это не Антон Томский. Это студент, случайно проникший в ложу, сокурсник моего сына, — объяснил Степанов.

— Сокурсник сына, — повторил Сафьянов.

Степанов испугался. Пожалуй, он вполне мог превратиться из следователя в подозреваемого.

Знакомый охранник приблизился к Царедворскому и проинформировал:

— Артемий Ефимович, она опять ходит.

Мгновенно наступила тишина.

— Кто? — машинально спросил Царедворский.

— Да вот моя жена уже говорила следователю. Моя жена здесь билетершей работает. Томская ходит.

— Бред! — воскликнули все чуть не хором.
Компания двинулась за кулисы.

— Вон там, — охранник показал в гущу креплений декораций.

— Никого, — констатировал Царедворский.

— А вы что здесь делали? — строго обратился Сафьянов к охраннику.

— Шел свет выключить.

И тут свет внезапно погас, и все ощутились почти в полной темноте. Степанов вытянул руку и задел чью-то щеку. Должно быть, это была щека Даниила Евгеньевича. Степанов услышал, как Даниил Евгеньевич чертыхнулся. Затем пальцы Степанова уткнулись во что-то металлическое. Наверное, в пистолет одного из охранников премьеры.

Глаза растерянных людей различили слабое свечение. Это светились огоньки искусственного костра, в котором, по замыслу драматурга Островского и композитора Римского-Корсакова, погибала Снегурочка.

Степанов увидел еще одну руку, прямо перед его носом проплыл пистолет. Все невольно двинулись к искусственному свету костра. Театральный охранник и Битнев двигались по сцене, вытянув руки. Кажет-

ся, оба искали рубильник, но охранник знал, где тот находится, а Андрей Алексеевич — нет. Степанов разглядел силуэт Сафьянова, вальяжный и даже несколько грузноватый. Раздался чей-то громкий вздох. По авансцене пронеслась человеческая тень, прыгнула в искусственный костер и исчезла. В тот же миг прозвучал выстрел и в ответ — отчаянный вопль.

Зажегся свет. У рубильника застыл театральный охранник. Битнев упал на доски сцены.

— Она там! — крикнул Даниил Евгеньевич, указывая на качнувшийся занавес.

Степанов кинулся к занавесу вслед за ним. Рослый охранник Сафьянова приостановился, вскинув оружие.

— Помогите раненому! — крикнул Сафьянов.

Степанов и Даниил Евгеньевич забежали за занавес. Там обнаружилась дверца, которую они поспешно распахнули. Оба разом шагнули на узкую площадку. Крутая металлическая лестница вела вниз. Лампы светили тускло. Сафьянов, наклонившись, разглядел мелькнувший подол яркого платья. Сарафана Снегурочки?

Раздался новый щелчок. Лестница

погрузилась в темноту. Несомненно, свет выключило преследуемое существо. Оно отлично ориентировалось в театре.

Чей-то голос проговорил над ухом Степанова:

— Вася, у тебя оружие есть?

— Нет. Я же пришел просто оперу послушать.

— У меня тоже нет, — прошептал Даниил Евгеньевич.

— Тише! — Степанов сжал руку начальника.

В темноте кто-то крался. Степанов наконец нащупал выключатель и зажег свет. Он и Даниил Евгеньевич невольно зажмурились. Но Степанов сразу же открыл глаза и увидел женскую фигуру в сарафане Снегурочки, конечно же. Следователь бросился за ней, прыгая через две ступеньки. Пробегая мимо какой-то двери, Степанов почувствовал чей-то взгляд. Степанов ринулся на дверь, намереваясь выбить ее тренированным плечом. Однако промахнулся и ударился о косяк. Тут же раздался звук задвигаемого засова. Теперь следователь напрасно бился о дверь, она была накрепко закрыта.

— Ты что? — подбежал Даниил Евгеньевич.

Степанов ничего не ответил и про-

должил преследование. На нижней площадке он чуть не споткнулся о кокошник Снегурочки. Четыре двери вели в разные помещения. Степанов принялся распахивать их поочередно. Две двери вели в какие-то коридоры. Третья — во внутренний двор, слабо освещенный фонарями. Четвертая открывалась прямо в подсобку, где хранились швабры, ведра и прочее. Совсем недавно здесь прятался Антон. Степанов заметил в углу следы его ботинок. Следы эти походили на следы театральной обуви, обнаруженные на лесах, откуда рухнула балка на голову директора Скромного.

— Ну? — подбежал Даниил Евгеньевич.

— Никого.

— Жаль, я без оружия.

— А вы заметили, что вторая Снегурочка — ниже ростом, чем первая?

— А разве их было две?

— Я заметил двоих. Первая пропала в костре.

— То есть выбралась наружу через подземный ход.

— А есть подземный ход?

— Конечно, под сценой.

— Нет, она не могла так быстро выбраться.

— А почему ты задержался на площадке?

— Мне показалось, кто-то наблюдает в щель.

— Кто бы это мог быть?

— Я думаю, вторая Снегурочка. Кажется, я разглядел кокошник.

Степанов и Даниил Евгеньевич вернулись к остальным. Они сразу же услышали стоны Битнева. Один из охранников наспех перевязывал его плечо.

— Надо позвонить в театральную поликлинику, — повторял Сафьянов. И добавил: — Невольно поверишь в сверхъестественное, когда увидишь, как человек исчезает в костре.

— Это не так сложно, — начал вежливо объяснять Степанов. — Мне, в сущности, знаком этот эффект. Все дело в нескольких прожекторах. Зажигаются прожекторы, вспыхивает яркий свет, и зрители не замечают, как Снегурочка спускается под сцену.

— Значит, и сейчас действовали какие-то помощники, — заметил премьер.

Все с подозрением посмотрели на театрального охранника. Он принялся оправдываться.

— В декорацию вмонтирован фото-элемент, — вмешался Тимошенко. — Он

может сработать автоматически, как только человек войдет в этот искусственный костер.

— Интересно, — проговорил Сафьянов и обратился к Тимошенкову: — А вы могли бы попытаться исчезнуть таким образом?

Тимошенков неохотно направился к бумажным лентам, имитирующим пламя. Но тут раздался новый щелчок. Свет вновь погас. И снова все оказались в полнейшей тьме. Степанов заметил, что кто-то движется на них из кулис. Разом прогремели два выстрела. Таинственная фигура дернулась и сложилась пополам. Голова падающего задела ногу Степанова. По сцене пронесся светлым пятном призрак в сарафане Снегурочки. Тут же загремели беспорядочные выстрелы. С треском разлетались лампы прожекторов. Со всех сторон слышались шаги. На сцене все испуганно прижимались друг к другу. Старший охранник Сафьянова опомнился первым и включил мобильник. Засветившийся прямоугольничек экрана должен был теперь сыграть роль фонарика. Остальные последовали примеру охранника. Степанов вглядывался в лицо лежащего. Он узнал его. Это был

охранник театра. Следователь схватил его за руку. Пульс прощупывался.

Сафьянов обеспокоенно спрашивал, кто стрелял. Его охранники смущенно объясняли, что стреляли они, потому что не было иного выхода.

— Он на нас напал!

Потом все снова притихли. Никто не знал, как включить свет.

— Неужели это покушение? — про-
бормотал Сафьянов.

Тимошенко наконец нашел рубильник и включил свет. Сразу же прогремели новые выстрелы. Вдруг раздвинулся занавес. Зрительный зал, конечно, был пуст. Только в директорской ложе все еще возились с трупом.

— Нет, это все-таки безобразие, — громко произнес приятный баритон Сафьянова. — Почему МВД не обеспечивает безопасность театра?

Степанов снова наклонился к лежавшему навзничь театральному охраннику. На этот раз следователю показалось, что пульса нет.

— Скончался, — произнес Степанов, распрямляясь.

— Грустно, грустно, — тотчас откликнулся Сафьянов. — Надо бы сообщить

его супруге. Она, кажется, тоже здесь работает, билетерша.

Степанова поразила осведомленность премьера.

— Так вы сообщите... — Премьер повернулся к Царедворскому.

— Да, да, конечно, — тот преувеличенно вежливо закивал.

Сафьянов и сопровождающие его лица явно вознамерились покинуть театр.

Даниил Евгеньевич подбежал:

— Михаил Михайлович, так что же, открываем дело?

Сафьянов тяжело вздохнул:

— Приезжайте ко мне завтра утром. В десять. Нет, лучше в половине одиннадцатого.

— Не быть мне художественным руководителем, — печально сказал Царедворский.

Битнев стонал.

Осведомленные о случившемся криминалисты перебрались из директорской ложи на сцену, где их поджидал очередной труп. Степанов обыскал карманы убитого. Охранник явно отличался старомодными вкусами. Вместо зажигалки он держал при себе коробок спичек, курил простые сигареты «Астра». Но при этом нашелся дорогой плеер с наушника-

ми, соединенный с диктофоном. Следователь переложил плеер из кармана охранника в свой собственный.

— Почему Сафьянов так интересуется вашим театром? — спросил он у Царедворского.

— Не знаю, — Царедворский пожал плечами. — Мецената разыгрывает. А сам распоряжается государственными средствами. Свои деньги поберег бы. Да все дело в Галине Томской. Приучила она Сафьянова к Большому. Ох уж эти богатые покровители! Думают, что сами имеют право назначать на главные роли кого пожелают. А если пресса и публика — против, значит, мы, администрация театра, виноваты. Вот и летят головы режиссеров, директора.

— Многое изменилось после исчезновения Томской?

— И еще изменится. После смерти Сталина тоже не в один день все переменялось.

Степанов понял, что Царедворский не расположен сейчас к откровенности. Даниил Евгеньевич отвел Степанова в сторону.

— А ведь это ты, Вася, во всем виноват. Ты всю эту кашу заварил.

— При чем тут я? Я только слушался

вас. Вы велели закрыть дело Томской, вы велели Битневу контролировать мои действия.

— Ты не вали с больной головы на здоровую. Ты кашу заварил, напутал, ты теперь сам и выпутывайся.

— Снова дело открывать? — поморщился Степанов.

— Не спеши. Вот я завтра съезжу к премьеру, потом будем знать, что делать.

— И почему все решили, будто Сафьянов тут главный?

— А вот это, Василий, тебя не касается.

— А если нити поведут к самому Сафьянову?

— Не сходи, друг, с ума. К Сафьянову нити повести не могут, не могут — и все! Ты не записывай Сафьянова в подозреваемые. Он что, сам себя хотел пирожными отравить? Он стрелял в Битневу? Он убил охранника?

— А дело Томской?

— Дело Томской пока отложи. То, что сегодня произошло, возьми в отдельное производство, если ФСБ не определит как покушение на госчиновника и не перехватит. Завтра решим. И запомни: Сафьянов в огласке не заинтересован. Он был связан с Томской. У него не все

так гладко наверху, как нам снизу кажется. Ты газеты читаешь?

— Иногда.

— То-то, иногда. А на Сафьянова бочку катят, хотят обвинить в махинациях с иностранными долгами, которые проводились через банк Овчинникова. Болтают о нецелевом использовании средств. Здесь надо догадаться, на кого стрелки переведут. Может, и на Сафьянова. В бедной стране премьеров надо периодически менять, чтобы было на кого списать нищету населения. А может, и на Овчинникова. И в том, и в другом случае — скандал вокруг Большого. Ведь Овчинников недавно Попечительский совет возглавил.

— Но ведь, наверно, с подачи Сафьянова?

— Конечно. Они-то оба отмажутся, а ты Овчинникова тоже — ни-ни.

— А я и не собирался, у меня на него ничего нет.

Даниил Евгеньевич отошел в сторону.

«Ну и влип же я, — думал Степанов. — На что бы я ни решился, все может быть истолковано в дурную сторону. Влип».

Пошатываясь, подошел Битнев.

— Ну как ты, Андрей Алексеевич? Оклемаешься? — участливо поинтересовался Степанов.

— Кажется. А ведь чуть не убили, шакалы!

Степанов понял, что речь идет об охранниках премьеры. Внезапно кто-то дернул следователя за рукав. Он оглянулся, увидел Николая. Но Василий Никитич даже не успел удивиться, потому что на сцену ворвалась билетерша.

— Убили! Убили! — рыдала она. И налетев на Степанова, принялась колотить его кулачками.

— Это не я убил его, — крикнул Василий Никитич.

Николай пытался оттащить вдову от отца. На помощь поспешили два администратора. Женщина отчаянно рыдала, припадая к телу мужа. Степанов посмотрел на нее с досадой и жалостью.

Сцена двадцать первая

Николай потащил отца на лестничную площадку второго этажа, огражденную мраморным парапетом. Отсюда открывался вид на фойе.

— Слушай, батя, тут две тетки болтают про этого, про Сафьянова. Тебе, наверно, интересно.

Степанов нагнулся. Внизу остановились Грушева и Молочкова в накинутых на плечи норковых шубках.

— Ну, — Степанов улыбнулся, — это не тетки. Это молодые красавицы, балерина и певица.

— Им же за тридцатник, — протянул сын.

— Разве это много?

— Еще бы. Старухи!

— Ну, это только для тебя.

Степанов прислушался. И вправду было прекрасно слышно: акустика была, как в зрительном зале.

— Какой он сентиментальный, этот Сафьянов, — звонко проговорила Молочкова.

— Никак не может забыть свою покойную жену, — подхватила Грушева.

— И как Томская это терпела?

— Ну, она терпела не даром!

— Ты имеешь в виду деньги?

— А что же еще!

— А ты заметила фото Томской на камине?

— А в спальне — фото покойной супруги.

— Послушай, у тебя с ним серьезно?

— Что может быть серьезного у премьера с балериной?

— А почему бы и нет?

— Ты представляешь, какой шум поднялся бы? А Мих-Мих шума не любит. И потом, если бы он сделался моим официальным мужем, он уже не мог бы продвигать меня.

— Почему?

— Ну, знаешь.

— Лучше так?

— Конечно, лучше не раздражать общественное мнение. А слухи мне безразличны.

— Покурим?

Закадычные подружки отошли к по-

доконнику и закурили. Степанов оглянулся на сына. Бедный мальчик. Сколько разочарований для него.

— Не знал, что балерины курят, — прошептал Коля.

— Бывает, — дипломатично заметил отец. Задумчивый женский разговор между тем продолжался.

— Как ты на него вышла?

— Уметь надо.

— Галка не простила бы тебе.

— Ты уверена, что старуха померла?

Собеседница промолчала.

— Надо бы успокоить Мих-Миха, пусть не убивается так.

Подружки прыснули.

— Я-то его успокою. Но как бы мое посмертное фото не пополнило его коллекцию.

— Он твой портрет на кухне повесит. В комнатах уже нет места.

— Завидуешь?

— Он умеет любить. Я хотела бы, чтобы меня так любили.

— Пока я жива, и не надейся.

— Не дуйся. Я пошутила.

— У него ведь всего две памятные фотки: жены и Томской.

— Тебя на гастроли берут?

- Глупый вопрос.
- Поможешь мне?
- А что, есть проблемы?
- Царедворского побаиваюсь.
- Не бери в голову. Его скоро устрелят.

Мих-Мих сказал.

- Ой, как здорово! Дай я тебя поцелую.

И... вот тебе.

- Серьги? Зачем?
- Просто так.
- Дорогушие.
- Не имеет значения.
- Ты только не подумай, что меня надо

будет подкупать, как Томскую.

Николай поскользнулся и ухватился за балюстраду. Женщины разом подняли головы. Степанов и Николай уже спускались вниз.

— Прячетесь, господин сыщик, — сыронизировала Молочкова.

- Напротив, рад вас видеть.
- Желаете обыскать? Мне раздеться?
- А вот этого не надо, — следователь

покраснел.

— Ах да, здесь дети, — балерина кивнула в сторону Николая. Тот посмотрел сердито.

Молочкова приблизилась к Степанову почти вплотную. В ее дыхании смести-

вались запахи губной помады, сигарет и дорогого шоколада.

— Скоро ли обнаружится еще один труп? — спросила Молочкова с вызовом.

— Для того чтобы количество трупов не увеличивалось, надо помогать следствию, — наставительно проговорил Степанов.

— Если вы на меня намекаете, то я всегда готова помочь лично вам.

Молочкова кивнула Грушевой и, подхватив Степанова под руку, углубилась с ним в фойе.

— Ирка! Я ему сейчас всю правду открою, — крикнула балерина подруге, на мгновение обернувшись.

— Я вас слушаю, — сказал Степанов.

— Я знаю все. И все в театре знают. Да и вы ведь знаете больше, чем начальство позволяет.

Степанов сунул руку в карман и незаметно включил плеер, обнаруженный у убитого охранника. Теперь диалог Молочковой и следователя записывался на диктофон.

— Если, по-вашему, я все знаю, тогда что же вы хотите мне открыть? — полюбопытствовал Степанов.

— Я вижу, вы мною интересуетесь, —

начала балерина. — Так вот, Мих-Мих сказал, что дело по-любому закроют. А вам с нами еще работать и работать, если, конечно, вас не снимут. Я хочу кое-что прояснить для вас.

— Вы говорите загадками. Как это я буду с вами работать? Я ведь не дирижер и не директор Большого.

— Нет, будете работать, в ближайшие пять лет или, может быть, в ближайшие три года.

— Почему именно такой срок?

— Потому что именно столько лет я буду королевой театра.

— Ну, допустим. А почему так недолго?

— Галина Николаевна правила четыре года до Сафьянова и три года с ним. Я столько не протяну. Лет пять или года три. А там посмотрим. Интуиция редко подводит меня.

— В вашей интуиции вы, как и Галина Николаевна, полагаетесь, разумеется, на кого-то... — Степанов помнил о включенном диктофоне и потому вместо слов только поднял глаза к потолку.

— Ошибаетесь, господин следователь.

— Меня, между прочим, зовут Василий Никитич.

— Это все равно. Дело не в том, кто те-

бя поддерживает наверху, дело в собственных волевых качествах. Вы что-нибудь слышали о Кшесинской?

— Слышал.

— Невысокого полета балерина была, но благодаря покровительству Николая II, а затем великих князей целых десять лет распоряжалась в театре, как у себя дома. А Дункан, Айседора? Танцевала голая, ни кожи ни рожи, а собирала аншлаги.

— Неужели тоже благодаря чьему-то покровительству?

— Может быть.

— Допустим. И что же вы хотели мне сказать?

И балерина рассказала кое-что любопытное.

В тот вечер, когда исчезла Томская, Молочкова и Грушева задержались в театре. Они сидели в уборной Грушевой и болтали. Грушева примеряла новые туфли, обсуждали спектакль. Обе понимали, что Томская пела скверно, обе досадовали на публику, которая, как назло, ничего не смыслила в оперном искусстве. «Идиоты. Хлопают не хуже клакеров, как будто им заплатили», — сердилась Ирина Грушева. Она говорила, что ни она сама, ни Величаева никогда не смогут сделать карьеру в этом дурацком театре. Можно

было бы перейти в Мариинку, но и там глухо, и там старые певицы правят бал. Потом речь зашла о зарубежных гастролях. «Если будут хорошие предложения, я останусь. В Россию не вернусь», — говорила Грушева. Молочкова вспомнила, что совсем недавно повздорила с Томской и наговорила глупостей. Теперь стоило помириться. Молочкова отправилась в уборную примы. Дверь была приоткрыта, явственно доносились голоса Томской и Антона. Мать и сын ссорились. Антон просил денег, мать не давала. Балерина подумала злорадно, что так и надо этой Томской, пусть помается с непутевым сыночком. Молочкова знала и Юпитера, любовника Антона, она уверяла следователя, что тот вымогал у Антона деньги.

— А кто он, этот Юпитер? Как его зовут по-настоящему?

— Понятия не имею.

— Он учится в балетном училище? — Да.

— Его родители работают в Большом?

— Думаю, нет. Если бы работали, я бы знала.

Молочкова рассказала Степанову,

что Томская явно недолюбливала Юпитера.

— И вдруг я слышу выстрел, — говорила Молочкова. — Потом вижу — Антон бежит. Я испугалась и спряталась. На четвертом этаже не так много помещений. Вдруг смотрю: еще один сюрприз — Виталик, бывший муж Галины. Прокрался в уборную. Они уже давно разошлись. Когда-то Виталик слыл неплохим певцом, а его отец занимал важный пост в Министерстве культуры. Потом отец умер, Виталик спился. Может, он на бывшую жену и затаил, ручаться не могу. Так вот, крадется он в уборную к бывшей жене, и, конечно, оттуда вскоре раздаются дикие вопли. Я все же узнала голос Томской. Значит, Антон не убил ее. А что с ней творил Виталик, я не могла понять. Только слышала какие-то глухие удары. Я побежала за Ирой. Мы вместе поднялись на четвертый этаж, но там уже было тихо. И все-таки мы решили подождать. Вдруг открывается дверь уборной Томской, и выходит Мих-Мих. Пока дверь была открыта, мы успели разглядеть, что Томская лежит на полу, вся в крови. Похоже, Виталик ее о стенки колотил. Мы с Ирой успели даже разглядеть, что у нее с лицом. Совершенно разбитое лицо. Ни-

какие пластические операции не помогут. С таким лицом уже на сцене делать нечего. Потом я расслышала, как Мих-Мих звонил этим олухам из поликлиники, Груберу и Книгину, племяннику Грубера.

— Книгин — племянник Грубера? — Да.

— А что дальше было, вы знаете?

— Виталика отпустили домой. А Томскую в конце концов доставили в больницу.

— Я должен допросить вашу подругу Грушеву.

— Не имеет смысла. Она скажет то же, что и я.

— А откуда у вас эти идеи насчет вашего царствования в театре?

— А вот я вам подарю иллюстрированную историю Большого, тогда и узнаете откуда.

— Вы достаточно внятно изложили вполне определенную версию. Но в эту версию не укладываются убийства Скромного, театрального охранника и случайная смерть одного из зрителей, студента-медика.

— Но бывают ведь на свете несчастные случаи.

— Бывают, но в вашем театре такое

происходит в последнее время слишком часто.

В кармане шубки балерины зазвонил мобильник.

— Я перезвоню, Антон, — бодро сказала она невидимому собеседнику и с вызовом посмотрела на следователя.

Сцена двадцать вторая

Усталые Василий Никитич и Николай возвращались домой поздно ночью.

— Попадет нам от матери, — говорил Степанов. — Ей ведь пришлось одной добираться на метро.

— А ты знаешь, батян, мне певица глазки строила, пока ты с балериной лясы точил.

— Да ну. Взрослеешь. И о чем шла у вас речь?

— Про спектакли рассказывала. Интересно.

— Так и поднаберешься культурки. — Юру жалко.

Входя в квартиру, они попытались не шуметь, но это им не удалось. Чумарик затывкали и разбудил Машу.

А на другой день выяснилось, что Даниил Евгеньевич не был у премьеры.

Не побывал Даниил Евгеньевич у премьеры и в следующие дни.

Так прошло полтора месяца. Началась весна. По телевизору толковали о возможной смене кабинета министров. О трагических происшествиях в театре никто не говорил и не писал. Наконец премьер назначил встречу.

Утром того самого дня в кабинет Степанова ворвался Даниил Евгеньевич и приказал срочно собираться на захват или ликвидацию террористов. Василий Никитич так и знал, что когда-нибудь его пошлют на такое опасное задание. В порядке наказания. Это уже были не шутки. По коридорам вихрем носились сотрудники, гремела решетка «оружейки». Люди хватали оружие с полок, поспешно застегивали ремешки касок.

А случилось вот что: ночью у Триумфальной арки патруль ГИБДД приказал остановиться джипу. Джип не остановился. Его номера сообщили по радиации милицейским постам. Началась погоня.

На очередном перекрестке Можайки джип нырнул под мост и остановился у бензоколонки, чтобы заправиться. Тут-то его и догнали. Нарушителям велели выйти из машины и лечь на асфальт. В ответ прозвучали выстрелы. Два милиционера были ранены. Джип рванул в

горку, по нему резанули пули. Зашипело пробитое колесо.

Пассажиры джипа бросили машину, выскочили, побежали и засели в полуразрушенном доме на пустыре. И тут снова произошло случайное совпадение. Это был тот самый дом, где Антон Томский спрятал свой пистолет. Преступников взяли в кольцо. Но они не хотели сдаваться и отстреливались. Прибыли подразделения ОМОНа и «Альфы».

Неподалеку от бензоколонки прогуливались Степанов и Битнев, оба в бронежилетах и защитных касках. Битнев еще не вполне оправился от своего ранения.

— Зачем ты поехал? Выслуживаешься? — спрашивал Степанов.

— Да не выслуживаюсь я! — оправдывался Андрей Алексеевич. — Но ведь у меня семья большая, мне надо в определенные моменты держаться поближе к начальству. Где Даниил?

— Думаю, поехал к Сафьянову.

— Да, Михаил Михайлович важная персона. Лучше, чтобы он остался нашим союзником. Ведь его ребята и убить могут.

— Передадут мое дело тебе, займешься.

— Ну нет.

— Да, да. Ты покладистый.

— Ты посмотри, что происходит, — вдруг воскликнул Битнев.

Бойцы «Альфы» устанавливали миномет.

— Но ведь в городских условиях нельзя! — закричал Степанов и кинулся звонить Даниилу Евгеньевичу. Но начальник находился вне сферы досягаемости.

Прибывший генерал-майор ФСБ объявил Степанову, что в доме точно засели террористы. Он даже предполагал, кто именно. Бандитов вели не один день, а неосмотрительные действия сотрудников ГИБДД спугнули их. Заложников террористы не брали. Стало быть, можно было спокойно уничтожить террористов, не подвергая никого излишнему риску. Генерал гарантировал, что взрыв мины накроет только убежище террористов, а соседние многоэтажки не пострадают. Степанов возражал, говорил, что должен связаться с Даниилом Евгеньевичем как представителем МВД. Ждать пришлось более получаса. Бандиты успели ранить еще четверых сотрудников правоохранительных органов, причем двоих — тяжело.

Ухнул миномет. Засвистели разлетающиеся кирпичи. Запахло гарью. Из

дома уже не стреляли. Альфовцы короткими пробежками двинулись к развороченным стенам.

Вдруг из развалин полетела автоматная очередь. Спецназовцы отпрянули, затаились. Старший послал группу в обход. Рванули гранаты. Наступила тишина.

Среди кирпичей и бревен появились две фигуры. Альфовцы хотели было открыть огонь, но поняли, что это всего лишь бомжи. На бойцов двигались растрепанные мужчина и женщина, оба тащили хозяйственные сумки со своими нехитрыми пожитками. Оказалось, что бомжи отсиживались в подвале, а террористы ничего о них не знали. И хорошо! Если бы знали и взяли в заложники, операция затянулась бы, приехали бы журналисты с камерами и диктофонами.

Бомжи предъявили замусоленные паспорта. У мужчины не оказалось московской регистрации. Появился еще один бомж. Полная женщина прикрывала лицо платком. Кажется, она что-то хотела сказать, но изо рта вылетали одни лишь нечленораздельные звуки. Всех троих затолкали в автозак и повезли в приемник.

В джипе нашли двадцать пять килограммов пластита. Если бы рядом рвану-

ла граната, бензоколонку вместе с людьми стерло бы с лица земли.

Можно было считать, что операция прошла успешно. Спецназовцы и эмвэдэшники поздравляли друг друга.

Наконец позвонил Даниил Евгеньевич собственной персоной.

— Как дела? — Голос был веселый. Значит, встреча с Сафьяновым прошла удачно. Ну и слава богу. Степанов вздохнул с облегчением. Это было для него важнее, чем ликвидация террористов. Степанов с улыбкой бросил Битневу ключи от джипа:

— Держи. Будешь хранителем взрывчатки.

— Да почему же я?

— Ты же раненый, больше ни на что не годишься.

Генерал ФСБ порекомендовал вести машину осторожно. Пресса так и не появилась, и это обстоятельство радовало Степанова и всех остальных.

А Даниил Евгеньевич и Сафьянов решили все-таки сделать смерть певицы Томской достоянием общественности. Теперь уже не было смысла скрывать ее кончину. Степанову и Битневу велено было разработать следующую версию: известная вокалистка Галина Томская

после вечернего спектакля внезапно почувствовала себя плохо. Тотчас вызвали «неотложку». В «Склифе» поставили роковой диагноз: нарушение мозгового кровообращения. Врачи долго боролись за ее жизнь, но Томская все же скончалась от инсульта. Степанов и Битнев, да и Даниил Евгеньевич были совершенно уверены в том, что врачи их не подведут и все тайны сохранят. За молчание Грубера и Книгина также можно было ручаться. Тимошенков свое заявление забрал. Видеокассеты были так обработаны, что ни о чем уже свидетельствовать не могли. Правда, оставался еще известный только Степанову микро-план, но веским доказательством эти кадры служить не могли, скорее лишь слабой путеводной нитью. О привидении вообще речи не было. Антон не объявлялся, его и не искали. Юпитер был уверен, что сын Томской все-таки появится на ее похоронах. Большой театр с честью прошел испытания. Газеты скорбели о безвременной кончине солистки.

Вскоре состоялось официальное прощание с Томской. Гроб был установлен в ритуальном зале ЦКБ, где обычно проходили траурные VIP-церемонии. Труп привезли из больницы. Почти никто,

кроме нескольких заинтересованных лиц, не знал, что какое-то время известная певица числилась Людмилой Федоровной Петровой. Лицо умершей было тщательно загримировано, щеки задрапированы шарфом. После официального прощания толпа переместилась на Ваганьковское кладбище. Все было как обычно: речи, венки. Царедворский перечислял заслуги певицы, говорил о ее роли в современной российской культуре. В толпе шептались, злорадно припоминая, что при жизни примадонна не жаловала Царедворского, относилась к нему насмешливо, а порою даже и грубо. Говорили, что Томская намеревалась попросту выжить из Большого Скромного и Царедворского.

Сафьянов сказал о доброжелательности певицы, о ее щедрости и бескорыстии. Его выступление также сопровождалось шушуканьем, судачили о его возможной отставке.

Величаева непрерывно вытирала глаза уголком носового платка. Тимошенков тоже плакал, и, кажется, искренне. Что же касается Байкова, Грушевой и Молочковой, то они, конечно, притворялись огорченными. Грубер и Книгин застыли с постными лицами.

Грибанов молчал. Бухгалтер Елена Ланина рыдала, причитала, бросалась на гроб. Виталик был совершенно пьян, подошел было к гробу, но пошатнулся, махнул рукой и пропал в толпе. Антон не появлялся.

К Степанову подошел Овчинников под руку с неразлучной Амалией.

— Завидую, — начал бывший банкир, — завидую Галине Николаевне. Меня-то уж ни за какие деньги не похоронят ни на Ваганьковском, ни на Новодевичьем.

— Кто знает, может, еще и заслужите, — загадочно отвечал следователь.

— Где там! — Овчинников махнул беспечно рукой. Затем, подхватив под руку свою Амалию, направился к гробу.

Степанов также принялся пробираться в толпе, протискиваться поближе. Вдруг что-то словно бы ударило Василия Никитича в грудь, прямо в сердце. Он почувствовал, что среди притворного горя находится чье-то искреннее отчаяние. Следователь оглянулся и увидел Антона, едва сдерживающего рыдания. Юпитер придерживал друга за локоть и казался растерянным. Антон остановился у гроба и замер, не отрывая отчаянного взгляда от лица мертвой.

— Вы... вы никогда не любили, — повторял он сквозь слезы. — Вы всегда ввали, вы и сейчас врите, врите! А я... я... Я — такой же, как мама, я умею любить и ненавидеть. — Он наклонился к мертвой матери и хотел поцеловать покойницу в лоб, но внезапно резко отшатнулся. Впрочем, никто не обратил внимания на замешательство молодого человека.

Гроб понесли. Ланина и Виталик взяли Антона под руки. Овчинников и Степанов снова оказались рядом.

— Ну вот, теперь Антон — богач, — произнес бывший банкир с неуместной игривостью.

— И что, много ему достанется? — спросил следователь хмуро, досадуя на себя за то, что уподобляется Овчинникову.

— За квартиру расплатится, — уверенно ответил Григорий Александрович, — если, конечно, не проиграет деньги.

Между тем сына Томской окружили дотошные журналисты. Но Антон явно не желал говорить. Степанов подошел к нему и тихо и участливо произнес:

— Пойдемте со мной, они оставят вас в покое.

Антон и Юпитер покорно последовали за Степановым. Он представился молодым людям. Юпитер показался ему нервным и каким-то слишком растерянным. Степанов пригласил Антона в свою машину. Конечно, воспользоваться милицейским транспортом было нельзя, это вызвало бы среди собравшейся публики неуместный интерес. Тем не менее кто-то из журналистов успел сфотографировать садящегося в машину следователя сына Томской. Вдруг торопливо прошел Сафьянов, как всегда сопровождаемый свитой.

Степанов взялся за руль. Машина тронулась. Антон сидел рядом со следователем, по-детски положив руки на колени.

— Примите мои соболезнования, — начал Степанов.

Антон всхлипнул.

— Я бы вам посоветовал рассказать мне все, — следователь старался, чтобы голос его звучал помягче.

— Вам, наверно, Вера Молочкова говорила... — В голосе молодого человека все еще звучали слезы.

— Допустим.

— Я не хотел убивать мать. Я всего

лишь хотел поугаить ее. Оружие купил мой приятель, Юпитер. Я потренировался. Мне нужны были деньги, требовалось внести взнос за квартиру.

— А у своего товарища вы не могли попросить?

— У Юпитера? Это бесполезно, у него вообще нет денег.

— Значит, деньги за квартиру вносили только вы?

— Нет, вначале и он тоже. Но он ведь сирота. Пока жив был его дядя, Юпитер получал от него кое-какие средства, но когда дядя умер, парень остался на бобах. Теперь он фактически живет за мой счет. Но он все же славный.

— А могут ли у него еще появиться деньги?

— Вполне возможно. Он ведь очень перспективный балетный танцор.

Степанов подумал, что Антон так же, в сущности, доверчив и непрактичен, как и его покойная мать. Следователь припомнил, как Юпитер снимал с помощью камеры спектакль, после которого и произошло убийство.

— Ну, и каким же образом вы намеревались испугать мать?

— Я сначала вовсе не хотел пугать ее.

Но она сказала, что денег ни за что не даст. Я разозлился и стал упрекать ее в пьянстве. Слово за слово, я выстрелил. Но я уверен, что оба моих выстрела были холостыми.

— Действительно уверены?

— Да, конечно.

— Вы посмотрели, где стояла метка на барабанах? Вдруг кто-то перевернул барабан или барабан случайно сам перевернулся и потому оба выстрела получились боевыми?

— Нет, нет, мать упала просто от страха. Она не была ранена.

— Да, какое-то время после вашего нападения Галина Николаевна была жива, но при падении она сильно ушиблась, а кроме того, ваш поступок спровоцировал кое-кого... — Степанов не договорил. Антон смотрел на него во все глаза. Следователю было жаль парнишку. Вдруг зазвонил мобильник Василия Никитича.

— Извините, — сказал Степанов Антону. Звонил Даниил Евгеньевич.

— Антона нужно оставить в покое. И вернись на кладбище. И еще вот что: к тебе будет деликатное поручение.

Степанов досадовал. Кто успел донести? Битнев? Овчинников? Неужели красотка Амалия? Кто-то из работников

театра? Молочкова? Грушева? Кто-нибудь из людей Сафьянова?

Собравшиеся на похороны уже начали расходиться. Степанов увидел Виталика и подружек, Молочкову и Грушеву. Антон вытер глаза мятым носовым платком. И вдруг спросил почти задиристо:

— Что вы сделали с матерью? Зачем кольцо сняли?

— Какое кольцо?

— Когда отец и мать поженились, купили обручальные кольца. Мама свое никогда не снимала, а отец свое кольцо где-то посеял, в каком-то санатории. Потом они развелись. Я слышал, что потерять обручальное кольцо — дурная примета.

Вот оно что! Но Степанов не помнил, было ли кольцо на пальце у одной из женщин в палате реанимации. А все Даниил Евгеньевич виноват: то терзает звонками, то приказывает, то отменяет собственные приказы, то какие-то непонятные деликатные поручения выдумывает...

— Антон, а тогда, в театре, кольцо было на пальце матери?

— Я же говорил: мать кольцо никогда не снимала. Она даже в шутку называла себя окольцованной птицей. Кто снял кольцо?

— Такое бывает. Некоторые санитары в моргах...

— Я убил бы этого санитаря!

— Ну остынь, остынь. Матери уже ничем не поможешь. И послушай: где твое оружие?

— Выбросил.

— Куда?

— Не помню.

— К сожалению, тебе придется все же побывать в милиции. Твои показания надо запротоколировать. И вот еще что, пошли мне своего приятеля, этого самого Юпитера.

Антон выбрался из машины, оглянулся по сторонам, заметил Юпитера, подбежал к нему и принялся о чем-то с ним говорить. Степанов высунулся из машины и уже собирался поторопить молодых людей, когда увидел Тимошенкова и Величаеву.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался он. — А я вас на кладбище не заметил.

— Мы выбрались из толкучки и стояли поодаль. Насте стало нехорошо. Такое горе! — Следователь не мог не заметить, как Тимошенков и Величаева окинули Юпитера беглыми взглядами. Антон кивнул им, затем окликнул Юпитера:

— Я буду тебя ждать!

Антон нашел свою машину, сел и включил музыку. Юпитер подошел испуганно к машине Степанова. Молодой человек послушно рассказал, где приобрел оружие, признался, что купил пистолет из-под полы, обещал опознать продавца.

— Вы только не доводите дело до директора балетного училища! Ведь меня могут исключить...

В принципе, с Антоном все было ясно. Источником его конфликта с матерью, конечно же, являлись денежные проблемы.

— Но вы понимали, что совершаете противозаконное действие, когда покупали незарегистрированное оружие?

Юпитер испуганно закивал.

— А зачем вы снимали спектакль?

— Но я же будущий работник театра, когда-нибудь буду тоже вступать, хотя бы в кордебалете. Меня интересовали в спектаклях именно танцы.

— А кассеты у вас сохранились?

— Да, конечно, то есть наверно. Я поищу.

— Что вы-то думаете обо всех этих убийствах в Большом?

Ответ Юпитера оказался неожиданным:

— Знаете, я вообще-то мистик. Я думаю, что все эти смерти не случайны. Над театром навис какой-то рок.

«Рок или не рок, — размышлял следователь, — но, конечно же, убийства и вправду не могут являться случайностью. И самое главное: кому же они могут быть выгодны?»

Степанов отпустил Юпитера и вдруг подумал: а не может ли и этот мальчик попасть в разряд подозреваемых?

Сцена двадцать третья

Даниил Евгеньевич заявил, что не имеет никакого смысла объединять все происшедшие в Большом убийства в одно дело.

— Конечно, все это совершенно разные дела, — уверял он, — но все эти дела, по моему, должен вести один следователь — Василий Никитич Степанов!

Даниил Евгеньевич тут же предложил Степанову свою помощь. Эта помощь пока заключалась в том, что начальник выдвинул несколько собственных версий и настоятельно просил Василия Никитича принять эти версии к сведению. Версии Даниила Евгеньевича были следующие: Скромный погиб вследствие халатности строителей-ремонтников, студент Юрий — пищевого отравления, пирожные оказались не совсем свежими, а охранник просто-напросто имел несчастье неосторожно обращаться с оружием.

— Со своим собственным оружием? — попробовал иронически уточнить Степанов.

— Разумеется, — Даниил Евгеньевич будто и не заметил иронии в голосе своего подчиненного.

— А что, театральные охранники вооружены огнестрельным оружием?

— Почему бы и нет!

— А о каком деликатном поручении вы мне тогда начали говорить по мобильнику?

— Я хотел бы, чтобы вы— ты, Вася, и Битнев — занялись бы привидением.

— Мы должны задержать привидение, то есть арестовать? Я правильно понял?

— Не валяй дурака. Ты же сам гнал за этим привидением.

— А что, оно, то есть она, Снегурочка, опять бродит по театру?

— Билетерша, вдова этого охранника несчастного, все время уверяет, будто видела... Так что вы с Битневым расследуйте.

— Да почему же мы? Пошлите наряд милиции, пусть они эту Снегурку задержат.

— А вот учить меня не надо.

Степанов понял, что и вправду не надо. Оставалось только одно: выполнять поручение начальства.

Степанов и Битнев уже знали, что привидение Томской в костюме Снегурочки обычно появляется после окончания спектакля. Время было. Сунув руки в карманы пальто, Степанов и Битнев прогуливались не спеша. Но все же надо было ехать, надо было выполнять приказ. Степанов предположил, что здесь опять-таки не обошлось без Сафьянова. В машине он спросил у Битнева:

— А что, Андрей Алексеевич, и вправду стоило посадить Овчинникова?

— Еще как стоило.

— Почему же все-таки не посадил?

— Потому что в дело вмешались.

— Сафьянов?

— Да.

— А речь в деле шла о мошенничестве?

— Да. Во-первых, об операциях с госдолгами. Но здесь трудно что-то найти. Специалистов почти нет по этим делам. Во-вторых, о нецелевом использовании полученных денежных средств. Расхищались иностранные кредиты, предназначенные для строительства больницы. Зарабатывали на стройке. Иностранцы, конечно, не понимали, в чем тут дело, но пришло заявление. Там, видишь ли, с начальником горздрава не поделились. Короче, скандал назрел.

— И что в итоге?

— Да ничего. Начальник горздрава умер, ну, тот, который заявление прислал.

— Понятно. А? Овчинников?

— Деньги проходили через его банк. Я провел с Овчинниковым несколько бесед. Жаль, это были не официальные допросы, потому ничего и не записывалось. Но в общем Овчинников сдавал Сафьянова, признавался, что все делал, как велел премьер.

— Да что толку. Вот если бы он все это сказал на официальном допросе.

— Он не сказал. Вот Сафьянов и отблагодарил его, предоставил выгодную должность в Попечительском совете.

— У них такие хорошие отношения?

— Они побаиваются друг друга. Но Сафьянов — отыгранная карта, его скоро попросят из правительства, а вот Овчинников, наоборот, связан с людьми, которые в правительство еще только придут. Газеты читать надо.

— Понимаю. Значит, Овчинников возможно, даже заинтересован в том, чтобы в Большом произошел скандал. А Сафьянов, напротив, скандала ни в коем случае не хочет. Ведь всем известно, что пока что Сафьянов — настоящий хозяин театра. А нам, бедным ментам, при-

холится лавировать между этими двумя большими гадами, между Сафьяновым и Овчинниковым.

— Но мне Овчинников показался более рациональным субъектом.

Некоторое время ехали молча, потом Степанов, полистав записную книжку, обратился к Битневу:

— Послушай, Андрей, мне тут надо кое-куда заскочить, в Большой еще успеем.

Но вскоре они застряли в пробке. Битнев предлагал включить сирену с мигалкой, но Степанов не разрешал:

— Все равно выберемся. Часдва роли не играют. А к этому человечку мне обязательно следует заскочить.

Наконец они очутились на одной из московских окраин, где проживал отец Антона, Виталик. Позвонили в дверь. Никто не отозвался. Они заметили, что дверь не заперта. От легкого толчка она открылась. Бедняга Виталик растянулся возле кухонного стола. На губах — пена, полы пиджака разметались по полу. Виталик явно был мертв. На столе стояла литровая бутылка водки, почти выпитая, рядом — раскрошенный батон, две рюмки, аптечная склянка, шприц. К бутылке прислонена была давняя фотография Га-

лины Томской с мужем, оба молодые, веселые. На склянке виднелась приклеенная бумажка с четкой надписью: «Синильная кислота».

Битнев и Степанов поняли, что попали сюда вовремя. Конечно, оба знали, что руками здесь ничего трогать нельзя. Василий Никитич осторожно обернул носовым платком трубку черного старомодного телефонного аппарата, стал набирать Управление. Послышались гудки. Между тем Битнев заметил на подоконнике, выкрашенном белой краской, местами облупившейся, тетрадный листок. На листке размашистым почерком было начертано: «Развращающее влияние Сафьянова...»

— Слушаю, — дежурный в Управлении наконец-то снял трубку.

Степанов попросил срочно прислать оперативную группу.

— Эх! Если бы не застряли в пробке, мы бы могли его еще живым застать, — подсадовал Андрей Алексеевич.

— Нет, не могли бы. Видишь, уже трупное окоченение началось. Хорошо бы узнать, с кем он здесь выпивал.

Оба одновременно подумали, что уж не с Сафьяновым точно.

Коллеги разглядывали неказистое

жилье Виталика. На полу в комнате разбросаны были книги, в основном сочинения философов и биографии великих певцов. Возможно, подобное чтение как-то утешало неудачника. Битнев предположил, что тот, кто помог Виталику умереть, пытался инсценировать ограбление.

— Но зачем? — Степанов пожал плечами.
— Что он мог здесь искать?

Степанов снова набрал Управление. На этот раз ему сказали, что бригада уже выехала. Василий Никитич обрадовался, узнав, что в группе — Дока, один из самых опытных криминалистов Управления. Пейзаж за окном выглядел достаточно уныло. Интересно, каков процент самоубийств здесь, ну, скажем, за год?

Андрей Алексеевич тем временем, оглядывая квартиру, наткнулся на потрепанный альбом с фотографиями. Степанов принялся осторожно перелистывать страницы. Сразу бросалось в глаза, что часть фотографий вынута. Возможно, эти фотографии вынул именно убийца.

Бригада вскоре прибыла, и вместе с ней легендарный Дока.

— Вот что, — сразу начал Василий Никитич, — ведь того студента, однокурсника моего сына, отравили синиль-

ной кислотой. И вот, — он указал на аптечную склянку.

— Нет, — Дока покачал головой, — я выяснил, что молодого человека отравили цианистым калием. А вот посмотрите, что мы обнаружили в помещении, предназначенном для театральных охранников, там они обычно чай пьют.

На протянутой Степанову фотографии оказался запечатлен пистолет. Это была современная модель, то есть оружие не было старинным. Пистолет оказался заряженным. Степанов не сомневался в том, что убийства будут продолжаться. Но почему? И за кем идет охота? За родственниками Томской? Тогда опасность угрожает прежде всего Антону. Но как тогда защитить его? А если, напротив, Антон не будущая жертва, а настоящий убийца? И ведь Скромный и охранник — не родственники Галины Николаевны.

Вечером Степанов и Битнев приехали в театр. Они попали к самому концу спектакля. За кулисами, в лабиринте коридоров, им встретила та самая билетерша, вдова погибшего охранника. Следователи вежливо поздоровались с женщиной. Затем из своего кабинета выбежал Царедворский. Он предавался весь-

ма странному занятию: ловил попугая, того самого, с которым Василий Никитич свел знакомство еще при жизни Скромного. Наконец Царедворский поймал птицу и торжественно понес в кабинет. Степанов заметил, что временный директор успел досадливо взглянуть на бедную билетершу. Следователи раскланялись с Царедворским.

— Будь настороже, — шепнул Степанов Битневу. — Начальство в театре просто так не засиживается.

Царедворский и вправду явно не собирался покидать театр. Он прогуливался по фойе. Зачем появились Даниил Евгеньевич и Сафьянов. Даниил Евгеньевич внимательно смотрел на премьера, как будто ожидал, что тот сейчас раскроет ему все тайны, расскажет о том, какие перемены грядут в Управлении на Петровке, а также что ожидает Газетный переулок и Калужскую площадь. То и дело звонили мобильники. Спустя четверть часа Сафьянов вышел на улицу.

— Уехал? — спросил Степанов.

— Будет дожидаться в машине у подъезда. Проводите операцию, — распорядился Даниил Евгеньевич.

— То есть? — Битнев успешно притворился непонимающим.

— Задержите того или тех, кто разыгрывает это представление с призраком.

— Значит, будем дожидаться полуночи? — уточнил Битнев.

— Глупые шутки, — сухо произнес Даниил Евгеньевич. — Кстати, Михаил Михайлович предполагает, что призрак Снегурочки по очереди изображают артистки Молочкова и Грушева. Шутят. И конечно, сегодня, зная, что в театре Михаил Михайлович, кто-нибудь из них непременно рискнет пошутить таким образом. Надо эти забавы прекратить. Заигрались девушки. Михаил Михайлович очень заинтересован в том, чтобы с этим покончить. Ведь это пятнает Большой театр. А имя Михаила Михайловича тесно связано с Большим театром.

Битнев и Степанов все эти слова хорошо уяснили. Но особенно Степанову запомнилось брошенное вскользь замечание Царедворского о злосчастной билетерше, которая совершенно сошла с ума, без конца толкует о призраках, и потому следует ее уволить.

Полночь между тем миновала. Начинаясь новый день. Битнев и Степанов бродили за кулисами. У Битнева ныла еще не зажившая рука. В здоровой руке он держал купленную в уличном киоске

газету, посвященную охоте и рыбалке. Степанову ничего не оставалось, как слушать пересказ статей о труднодоступных озерах Псковщины и прудах Подмосковья, так и кишущих ценной рыбой. Потом снова явился Даниил Евгеньевич.

— Что, уехал Сафьянов? — спросил Андрей Алексеевич.

— Михаил Михайлович останется до конца, пока все не выяснится.

— А девушки, то есть Молочкова и Грушева? — любопытствовал Битнев. — Они-то уехали?

— В том-то и фокус, что уехали, — Даниил Евгеньевич тоже все понимал. — Но ведь могут же вернуться, пройти через служебный вход.

— Но ведь служебный вход заперт, и видеочамера там работает.

— Значит, это не единственная возможность проникнуть в здание Большого ночью, — Даниил Евгеньевич усмехнулся.

Но Степанов решил продемонстрировать свою дотошность и извлек из кармана пиджака план театра.

— Вот. Все входы и выходы. Но все они сейчас как следует заперты и контролируются видеочамерами.

— Дай-ка мне план, — попросил стро-

го Даниил Евгеньевич. Степанову ничего не оставалось, как вручить план начальнику. Даниил Евгеньевич удалился с планом в руке.

— Василий, а ты в привидения веришь? — любопытствовал Битнев.

— Нет, не верю.

— А говорят, встречается такое.

— Говорят, что кур доят.

— А вдруг сейчас и появится? — Битнев лукаво поглядывал на коллегу.

— Да ну тебя, — Степанов замерз и пытался согреться, притоптывая.

— Эх! Жаль, не взяли поесть, и хорошо бы еще термос с горячим кофе.

Они вновь и вновь обходили закулисье. Потрескивала парусина. Донимали сквозняки. Тускло светили фонари. В ногах катался какой-то серый свалевшийся пух, должно быть, остатки искусственного снега. Вдруг сделалось особенно холодно ногам. Кажется, где-то открыли дверь. Ходуном заходила сценическая аппаратура. Что-то лязгнуло, хлопнуло.

— Глянь, воробьи, — удивился Битнев.

И вправду на сцену слетело несколько птичек. Какой корм они надеялись тут найти? Наверху снова что-то лязгнуло. Это была задняя крышка прожектора.

Тут зазвонил мобильник Степанова. Звонил Николай.

— Папка, ты где?

— На задании. А ты чего не спишь?

— Так, не спится.

— А как мама?

— Весь вечер смотрела телевизор в обнимку с Чумариком. Слушай, папа, а эта псина у нас навсегда поселилась?

— А тебе-то что?

— Да так, надоело... — загадочно ответил сын.

Степанов понял, что парню скучно и немного обидно, потому что совсем еще недавно любовь Маши принадлежала целиком и без остатка только милым Васе и Коленьке, а теперь к ним присоединился еще и пекинес Чумарик. Степанов еще немного поболтал с сыном, но вскоре разговор пришлось прекратить, поскольку внезапно зашевелилась правая кулиса. Было ясно, что кто-то осторожно эту кулису приподымает.

Сцена двадцать четвертая

Антон Томский твердо решил понять, что же все-таки произошло с его матерью. В свое время он увлекался детективными романами и теперь поступил, как любимый герой Агаты Кристи Эркюль Пуаро, то есть аккуратно записал на отдельных листках имена всех действующих лиц, то есть тех, кого он подозревал в причастности к смерти Галины Томской. Кому же могла быть выгодна ее смерть? Конечно, прежде всего Анастасии Макаровне Величаевой. Теперь эта дама без возраста заняла в Большом внезапно освободившееся место примадонны. Но откуда Величаева могла узнать, что Антон придет с пистолетом? А если?.. А если здесь замешан Юпитер? Откуда он вообще взялся? Да, кажется, они познакомились в балетном училище, куда Антон поступил как сын известной певицы, а Юпитер — на общих основаниях.

И кто он, таинственный дядя Юпитера, насколько он был влиятелен в театральном мире? Как соперника в будущей балетной карьере Антон Юпитера никогда не воспринимал. Рядом с красивым, стройным Томским Юпитер мог показаться настоящим замухрышкой. И все-таки они подружились. Но как же все-таки произошло их знакомство? Антон, кажется, припомнил. В компании он предложил поехать в казино. Поехал с ним только Юпитер. Но денег у Юпитера не оказалось. В казино Антон ссудил новому приятелю небольшую денежную сумму, которую тот немедленно проиграл. После этого вечера Юпитер будто прилип к Антону. Галина Николаевна прекрасно понимала, что теперь принуждена содержать не только единственного сына, но и его назойливого друга. Это, разумеется, ужасно злило певицу. Однажды Юпитер объявил Антону, что дядя скончался. Затем скончалась и тетя, жена дяди. Таким образом, Юпитеру вдруг досталась квартира по наследству. Антон даже подумал, что Юпитеру следует эту квартиру продать, тогда Антон продаст квартиру матери. На полученные деньги они выкупят элитное жилье на Можайке. И вдруг Антон с беспощадной ясностью

понял, что Юпитер больше не нужен ему. В последнее время он привык обходиться без Юпитера. Он не чувствовал потребности делиться с другом своими мыслями и чувствами. «И почему «Юпитер»? — вдруг пришло в голову Антону. — Разве этот замухрышка похож на могучего древнеримского бога, самого главного из всех римских богов? Нет, Юпитера стоило бы назвать Ганимедом!» Антон усмехнулся. Он имел в виду красивого юношу, возлюбленного Юпитера.

И вдруг Антона будто кипятком окатило. Кому могла быть выгодна смерть его матери? Да ведь прежде всего ему самому. Теперь он богат, теперь он разделается с долгами.

Антон сам не понимал, почему он все больше и больше сердится на Юпитера. Потом предположил, что, должно быть, потому, что теперь начинается новая жизнь, а Юпитер — он из той, из прежней, которая была до гибели матери.

Антон разорвал листки, на которых были записаны фамилии. Так, кто у нас еще остался? Чье поведение стоит рассмотреть?

Да, покойный Скромный. Ведь и он не любил Галину Томскую. И вовсе не случайно его попугай орал: «Дура! Ду-

ра!» Все в театре знали, кто имеется в виду. Может быть, все дело в Скромном? Ведь охранник и студент не могли мешать Величаевой. И тем более не мог ей мешать Сафьянов, если, конечно, допустить, что отравка предназначалась ему. Величаева ведь не была в ссоре с Мих-Михом. Даже наоборот, после смерти Томской Анастасия Макаровна вполне могла хотя бы отчасти сблизиться с премьером. Нет, это не Величаева и не Юпитер-Ганимед сняли с пальца умершей Томской обручальное кольцо.

Антон снова и снова переключал бумажные полоски. Нет, нет, нет. А если съездить и посоветоваться к отцу? И вдруг Антона осенило. Он даже удивился, как это он раньше не догадывался. Ведь все четыре смерти могли быть выгодны именно отцу. Например, мать он убил из ревности. А Скромный? Но ведь Скромный не давал Виталику ролей. А Сафьянов? Как же, Сафьянов был любовником Галины. А студент? Но тут все понятно, студент просто съел то, что не ему предназначалось. А охранник? Что же, и здесь прослеживается логика. Охранник мог быть случайным свидетелем или даже соучастником, который потом не поладил с отцом. И вот Виталик нарочно толкает

его под пули. Молочкова все рассказала Антону, нарочно позвонив ему. А откуда Вера все знает? Потому что она — любовница Сафьянова? Но Сафьянову то зачем делиться с балериной щекотливой информацией? Нет, это не Сафьянов проинформировал Молочкову. А кто? После смерти Томской формальной королевой Большого сделалась, конечно, примадонна Величаева, а вот фактической, разумеется, Молочкова, ведь все-таки она любовница премьера, а не Величаева. А что, если убийца не отец и убийства продолжатся? Тогда следующими жертвами должны стать Величаева и Молочкова, то есть или та, или другая. Нет, сначала надо съездить к отцу. Антон самонадеянно решил, что выведает у отца все, что следует.

Антон сел в машину. Вдруг ему пришло в голову, что надо взять спрятанный пистолет и бросить в реку. Да, так надежнее. Но дом на пустыре выглядел так, будто в него попала бомба. По иронии судьбы, только печка торчала одиноко. Антон сунул руку в топку. Получается, что за ним следили. Он напряженно оглянулся. Мимо «Ягуара» проезжали редкие автомобили. Было пустынно. Кто же тогда следил за ним? Тогда, когда он прятал пистолет. А если это и был убийца? И

теперь он будет убивать оружием, принадлежащим Антону. А трупы повесят на Антона.

Да, времени оставалось не так много. Антон взбежал по ступенькам. Позвонил. Никто не откликнулся. Антон толкнул дверь. Дверь подалась. Она не была заперта. Антон громко позвал отца. Никто не откликнулся. Антон заметил, что кто-то рылся в отцовских книгах, швыряя их как попало на пол. Антон побежал на кухню. Отец навалился грудью на стол. Рядом — склянка с синильной кислотой.

— Папа! — крикнул Антон.

Отец с трудом поднял голову и посмотрел на сына мутным взглядом. Ему явно было трудно говорить, но он все-таки произнес:

— Ты... Ты видел его?

Не обращая внимания на эти слова, Антон схватил отца под мышки и потащил в ванную, где сунул под холодный душ.

— Ты что, утопить меня хочешь? — хрипел Виталик.

Антон энергично растер лицо отца махровым полотенцем, вытер ему голову. Спустя несколько минут Виталик уже снова сидел в кухне на стуле у стола.

— Ты видел? Видел? — спрашивал он

сына. — Бедная моя, отмучилась. А этого Сафьянова я убью.

Антон понял, что отец говорит о матери. Отец вдруг поднялся, вынул из-под стола пыльную бутылку водки, а из буфета достал сало.

— Отец, не надо больше пить.

— Пусти! — Виталик быстро выпил прямо из горлышка и закусил салом.

Отец принялся многословно рассуждать о любовниках матери. Он успел назвать множество имен и фамилий, часть из которых не была знакома Антону. Но особенно, конечно же, досталось Сафьянову и Тимошенкову. За этого последнего Антон попробовал заступиться:

— Тимошенков относился к матери бескорыстно. Он не был ее любовником. На него можно положиться.

— Да ну, — отец снова выпил. — Упокой, господи, душу грешной рабы твоей Галины.

Отец перекрестился. Антону внезапно почудилось, будто кто-то подкрадывается к двери. Кто-то потоптался у порога и быстро ушел. Антон бросился на лестничную площадку. Никого не было.

На кухне отец снова бессмысленно повторял:

— Ты видел его? Видел?

Антон решил, что эти слова — бред пьяного и отчаявшегося человека.

— Папа, ляг, тебе надо отдохнуть.

Антон снова подхватил отца подмышки, потащил в комнату, взгромоздил на софу, стащил с отяжелевших ног ботинки. Отцовские носки пахли отвратительно. Виталик совершенно не следил за собой.

Антон вернулся на кухню, вылил остатки водки в раковину, бросил в мусорное ведро пустые бутылки. Только сейчас он заметил на столе рассыпанные веером фотографии. Антон пригляделся. На каждой фотографии запечатлена была мать с каким-нибудь мужчиной.

Антон прикрыл дверь и побежал по лестнице. У подъезда он поднял голову. За стеклом кухонного окна виден был человек, но это был не отец!

Антон кинулся наверх. Отец снова сидел за кухонным столом. Он был один.

— Почему ты встал? — спросил Антон.

Отец ничего не ответил и лег головой на стол.

Антон снова очутился внизу. Но «Ягуар» никак не хотел заводиться. Антон крутил ключ зажигания и в итоге окончательно посадил аккумулятор. На-

верно, надо было вызывать эвакуатор. Антон позвонил в сервисную службу. Ему посоветовали отыскать ближайший автомагазин и попробовать поменять аккумулятор самостоятельно. Антон немного побаивался, как бы подобная процедура не оказалась смертельной для иномарки. Но все же он осведомился у нескольких прохожих, где здесь ближайшая автолавка. Ему объяснили. Время было позднее, стоило поспешить. В автолавке он купил аккумулятор и потащил к своей машине. У подъезда стоял милицейский «уазик». Антон насторожился. Не был ли связан приезд милиции с отцом?

Антон подошел к своей машине, поднял капот, снял защитный чехол и менял аккумулятор. Потом снова посмотрел на окна отцовской квартиры. Занавесок не было, отчетливо были видны фигуры расхаживающих по комнате и кухне людей. Антон решил не уезжать, подождать, как будут развиваться события. Ждать пришлось довольно долго. Только через полчаса подъехал милицейский «РАФ». Группа, вышедшая из «РАФа», также оказалась в квартире Виталика. Затем появилась «Скорая». У подъезда приостановились две женщи-

ны, должно быть, местные жительницы, и зашептались. Прибывшие медики вынесли на носилках прикрытое белым тело и погрузили в машину. Вскоре начался разъезд. Сначала — «Скорая», за ней — «уазик» и «РАФ». Антон решительно вошел в подъезд и поднялся к двери отцовской квартиры. Так и есть! Опечатано. Антон уже повернулся к лестнице, когда ему показалось, что он слышит чьи-то крадущиеся шаги. Он приблизился к перилам, глянул в лестничный пролет. Теперь молодому человеку казалось, будто кто-то смотрит прямо на него.

Антон вихрем промчался по ступенькам, прыгнул в «Ягуар», резко повернул ключ зажигания. Машина мгновенно завелась, но на дисплее бешено заплясали цифры. Электроника иномарки явно не хотела принимать новый аккумулятор. Антон вдруг передумал ехать. Он прождал некоторое время. Наконец из подъезда вышла мужская фигура. Машина Антона тронулась с места, хотя он вовсе не был уверен, что преследует именно того человека, который прятался возле квартиры отца. Когда «Ягуар» отъехал достаточно далеко, можно было увидеть брошенный на снегу фирменный аккумулятор.

Прошло не так много времени, и Антон уже снова звонил в дверь. На этот раз в дверь квартиры своей двоюродной бабки, Елены Ланиной. Она вышла к нему в халате. Был уже поздний вечер, дело шло к ночи.

— Антоша! — главный бухгалтер Большого театра удивилась. — Что с тобой? Случилось что-нибудь? Проходи.

Но Антону не показалось, что она очень уж рада его приходу. Ее муж, главный бутафор, уже спал. Ланина усадила внучатого племянника за стол на кухне, налила в пиалу зеленого чая.

— Да, ушла наша Галя, — Ланина всхлипнула, затем начала осторожно: — Я вот что хотела спросить у тебя, Антоша, хотя понимаю, что сейчас это и не очень уместно: как ты надумал распорядиться Галиной квартирой?

— Нет, почему же неуместно? Нормально. — Антон сделал глоток. — Я собираюсь продать мамину квартиру и расплатиться за свою новую.

— Но ты бы мог сохранить мамину квартиру, а деньги попросить у Сафьянова.

— Он не даст.

— А ты пробовал просить?

— Нет. Но я думаю, он откажет.

— Да-да... — протянула Ланина.

— Бабушка, а я вот что хотел спросить. Помнишь, ты говорила, будто на какой-то вечеринке Молочкова грозила отравить маму толченым стеклом?

— Помню. Но то была не вечеринка, а юбилей покойного Скромного.

— Неужели она так и сказала при всех, вслух?

— Знаешь, Антон, я думаю, что она ничего не говорила. Если честно, то я не слышала. Даже не помню, кто мне это рассказал. Говорили еще, будто Галя сказала, вы, мол, все ненавидите меня, но вам без меня не жить.

— Значит, Вера не оскорбляла маму?

— Что ты! Молочкова вообще существо безобидное. И в театре у нее не было протекции. Она очень следила за своими словами. И с твоей мамой была в хороших отношениях. Тем более что балерина и певица — не соперницы. Галя даже продвигала ее. Вот это новшество, чтобы в «Снегурочке» Весна не пела, а танцевала, это ведь Галя предложила. Ну, Царедворский и уступил. Галя сказала, пусть Вера станцует...

— А кто вообще-то должен был петь партию Весны?

— Даже не помню точно. Кажется, Ве-

личаева. А может быть, Грушева, Ира. И еще...
Какая-то Амалия! Она сейчас с Овчинниковым.

— Вот как. Я и не подозревал, что она певица.

— Да какая она певица! Попсу поет под фонограмму. Овчинников оплачивает ее вокальные подвиги. Но я тебе вот что скажу: последнее время мама была не в форме, не хотела, чтобы Величаева или Грушева пели Весну. А то ведь могли бы и сравнить, кто лучше исполняет: Весна или Снегурочка! А так — Снегурочка поет, Весна танцует, сравнение исключено.

— Ты уверена, что Молочкова не угрожала маме?

— Уверена. Никто Гале не угрожал. И смерть ее — загадка, трагическая загадка.

Антон вспомнил, что ведь Молочкова сама говорила... Значит, нарочно оговаривала себя? Зачем? Он был в смятении.

Однако дома Антона ждал еще один сюрприз. Юпитер поспешно собирал вещи. Он явно намеревался улизнуть еще до прихода Антона.

— Что за новости? — спросил Антон, еще не успев снять пальто.

— Вот. Ухожу.

— Только не говори, что навсегда.

Юпитер молча заталкивал в сумку пестрые майки и модные джинсы. Наконец он все-таки соизволил заговорить:

— Тут к тебе бомжи приходили.

— Какие бомжи? — удивился Антон.

— Самые настоящие!

— Да что ты несешь? Кто бы таких пропустил?

Антон перехватил взгляд Юпитера. Парень поглядел трусовато и хитро. Он явно что-то скрывал.

— Что им надо было, тем, которые приходили? — спросил Антон.

— А я откуда знаю? Два дядьки и тетка. Тебя спрашивали. — И вдруг Юпитер заговорил нервно, раздраженно: — Нам надо расстаться. Я больше не хочу зависеть от тебя.

— То есть ты меня бросаешь и я должен буду платить за эту квартиру один?

— Ты получил наследство, ты теперь сможешь расплатиться.

— По закону я получу наследство только через полгода.

Юпитер поднял с пола сумку, но, будто передумав, снова бросил ее на пол.

— Теперь тебе в связи с семейными обстоятельствами дадут отсрочку. А через полгода ты все заплатишь. И еще: верни мне деньги, которые платил я.

— Верну, не сомневайся.

— Все, прощай. — С сумкой в руке Юпитер направился к двери.

— Да какая вожжа тебе под хвост попала? — раздасадованно воскликнул Антон. Теперь он вдруг почувствовал, что этот парнишка нужен ему, играет какую-то роль в его жизни. — погоди, Юпитер, я подвезу тебя. Давай сумку... И объясни мне все-таки, почему ты так решил...

Обмениваясь несвязными репликами, они приехали в клуб. Антон почти серьезно предложил сыграть в рулетку.

— Если выпадет красное, я ни о чем тебя не спрашиваю больше, если черное, ты мне все рассказываешь.

— Не стоит, — холодно отвечал Юпитер. — Я вообще не люблю играть, а сейчас и вовсе неохота.

Антон был удивлен. Прежде Юпитер казался ему личностью не особенно-то волевой. Но все же Антон решил не уступать:

— Не хочешь, я за тебя поставлю.

Юпитер ничего не ответил. Выпало черное.

— Будешь говорить? — спросил Антон.

— Твоя мать умерла... — неохотно начал Юпитер.

— Это всем известно. Ты что же, думаешь, будто я ее убил? Но я ведь говорил со следователем. Я — вне подозрений.

— Откуда мне знать. Вера сказала, чтобы я держался от тебя подальше. Сказала, что общаться с тобой опасно, что у тебя плохая репутация.

— Ах репутация! А то, что ты жил на мои деньги, то, что ты за квартиру почти ничего не вносил, то, что я оплачиваю все тусовки, об этом она тебе не сказала?

— Я никогда не любил тусоваться. И в казино мне совсем не нравится. А Молочкова теперь в театре — сила.

Антон невольно сжал кулаки. Так вот оно что. Значит, Юпитер дружил с Антоном, потому что Антон был сыном всеильной Томской. А теперь, после смерти матери, Антон, конечно, будет богат, но за его спиной уже не будет маячить королева Большого Галина Николаевна Томская. И поэтому Юпитер уходит, бежит, как трусливая крыса с тонущего корабля. И значит, сейчас в театре Молочкова — это сила такая же, какую совсем еще недавно была Томская. И теперь Молочкова будет решать, кого сделать солистом — Антона или того же Юпитера. Теперь все будет зависеть от Молочковой.

— И вообще, я танцую лучше тебя, — этими словами Юпитер добил Антона.

Антону вспомнилась мертвая мать, рука, палец со снятым кольцом. Что же случилось? Может быть, надо настаивать на эксгумации, то есть на том, чтобы вырыть из могилы труп, осмотреть, повторно вскрыть...

— Что с тобой? — Юпитер наконец заметил состояние Антона.

— Ничего. Не оставляй меня. Мне плохо. Я ведь все-таки потерял мать.

Эта ночь закончилась для Юпитера скверно. Он все-таки увлекся игрой и проиграл Антону квартиру покойного дяди, да еще и остался тому же Антону должен крупную сумму.

Сцена двадцать пятая

Степанов и Битнев кинулись к шевелящемуся занавесу. Но их ждало разочарование. Перед ними оказалась всего лишь птица, попугай покойного Скромного. Крупная птица, вяло подпрыгивая, направилась к центру сцены.

— Ну вот, а я уж подумал: нечистая сила.
— Битнев вздохнул с облегчением.

— Томская — дура! — заорал попугай. И как это только удавалось ему!

Вдруг откуда ни возьмись выскочила билетерша и ловко схватила говорящую птицу. Логично было предположить, что женщина скрывалась где-то поблизости, но Битнев и Степанов заметили ее только что. Билетерша гладила попугая по голове, приговаривая ласковые словечки. Он вертелся в ее руках, поблескивал глазками, топорщил разноцветные перышки.

— Вот, — билетерша обратилась к Битневу и Степанову. — Птица покойно-

го Скромного. Царедворскому она оказалась не ко двору. Я и взяла попугая себе. А вы, должно быть, устали. Здесь есть помещение, где можно отдохнуть, выпить чая. Пойдемте, я напою вас. А мне не хочется домой после смерти мужа. — На глаза ее навернулись слезы.

Битнев и Степанов переглянулись.

— Что ж, пойдемте, — решил Битнев.

Они последовали за пожилой женщиной. На плече ее удобно устроился попугай. Это шествие, пожалуй, представляло собой забавное зрелище.

— Я думаю, сегодня нас оставили здесь вовсе не для того, чтобы мы подкарауливали призрак Томской, — шепнул Битнев Степанову.

— Да, должно быть, у Сафьянова свои планы, — согласился тот.

Билетерша, как будто услышав их диалог, внезапно оглянулась и произнесла:

— Она сегодня не придет.

Было ясно, что речь идет о привидении, то есть о человеке, который это привидение изображает.

В помещении, куда их привела билетерша, было довольно уютно. На столе пыхтел электрический самовар, одну стену занимал пузатый старомодный комод.

Степанову и Битневу одновременно пришла в голову мысль, что самовар пыхтит не случайно. Кого-то ждали к чаю. Их?

Билетерша усадила попугая в клетку на комод. Теперь прямо над его пестрой головкой располагались на стене фотографии артистов Большого. Птица задремала. Женщина указала на фотографии:

— Это муж любит смотреть.

«В этой комнатке и нашли оружие», — подумал Степанов.

Женщина заваривала чай.

— Вы любите чаевничать? — спросила она светски. — Я... Мы с Алешей любили... — Она говорила о своем покойном муже, охраннике.

Степанов пристально посмотрел на нее и вдруг удивился. И как это они с Битневым не заметили сразу. А ведь было на что посмотреть. Ногти у женщины были длинные, выкрашенные ярко-красным, но кое-где облупившимся лаком. На голове криво сидел светло-каштановый парик. Лицо также было обильно, почти кричаще накрашено. Ну и ну, безутешная вдова!

Помещение было тесным, втроем они еле уместились за столом.

— А ведь и мы с мужем когда-то были

артистами, — заговорила билетерша. — Я даже Лемешева видела.

Степанов не отличил бы Лемешева от Шаляпина, но на всякий случай сделал вид, будто все понимает.

— Вы танцевали в кордебалете? — спросил Василий Никитич, чувствуя себя серьезным театроведом.

Оказалось, что он попал в самую точку. Пожилая дама начала говорить о своей любви к театру, о том, как трудно жить без привычной театральной атмосферы:

— Мы были готовы работать здесь кем угодно, билетершей — так билетершей, охранником — так охранником.

— Ну, охранник — должность опасная, — проронил Битнев.

— Да вот, так оказалось, — она вынула из кармана носовой платок и вытерла глаза.

Степанову показалось, что в коридоре раздались чьи-то шаги.

— Кто там ходит в коридоре? — спросил он непринужденно, однако на самом деле насторожился.

Битнев поставил на стол недопитую пиалу.

— Некому здесь ходить, — заметила билетерша.

Степанов выглянул в коридор, но ни-

кого не заметил. Но ведь действительно расслышал шаги, да и чья-то тень, кажется, мелькнула и даже, кажется, отразилась в зеркале, стоящем на комод. Степанов вернулся за стол.

— Ну что? — спросил Битнев.

— Ничего нет, — ответил Василий Никитич.

Они снова принялись за чай.

Битнев заметил опять же на комод проржавевший рыболовный крючок. Заядлый рыболов, Андрей Алексеевич взял крючок и принялся ощупывать и вертеть, пытаясь угадать, для ловли какой рыбы крючок предназначен.

— Мой муж с Сахалина эту штуку привез, — сказала билетерша.

— И для какой же это рыбы?

— Не помню. Кажется, для тунца. А хотите посмотреть катакомбы? — вдруг оживилась она.

— У вас тут катакомбы есть? — удивился Битнев.

— Это мы подземный ход так называем. Подземный ход в Кремль. По приказу самого Сталина был сделан. Вождь любил искусство. Ага. Вот и ключ. Так что же, хотите посмотреть?

— Пожалуй, — заметил Битнев.

— Тогда договоритесь с Царедвор-

ским — и пожалуйста! Говорят, если в каком-то театре идти, надо сначала ФСО в известность поставить.

Андрей Алексеевич перевел разговор на другую тему, спросив у билетерши:

— Вы остаетесь работать в театре?

— Конечно. Что мне делать дома. Тоска одной.

— Неприятная история вышла с вашим мужем. Жаль.

— Да что уж теперь говорить. Я вот что вам скажу: покойный Скромный был дурной человек. Нас, простых служителей, обижал, а перед начальством всех мастей заискивал.

— Я все-таки полагаю, что вас не оставят в Большом, — заметил Битнев.

— Наверно, — глаза билетерши недобро блеснули. — Но я вам еще вот что должна сказать: я несколько дней тому назад видела в театре сына покойной Томской.

— Да? И чем же он здесь занимался?

— Прятался, не пойму от кого. У нас ведь ремонт. И не только я его заметила. Он под маляра маскировался...

— А точно не помните, когда это было? — хотел уточнить Степанов.

— Когда на Скромного балка упала. Да, кажется, тогда.

Но тут в коридоре послышался явственный шум. Поперхнувшись чаем, Степанов снова кинулся в коридор. Теперь он услышал голос, обрывок фразы. Перепрыгивая через три ступеньки, он бросился в фойе. Нет, тихо. Значит, он бежал не в том направлении? Хрустнуло разбитое стекло. Подбежал Битнев.

— Погоди, — остановил его Степанов. — Я уверен: это в уборной Томской. Я уже слышал нечто подобное.

Они рванулись к уборной покойной солистки. Так и есть: разорванная бумажка трепетала на сквозняке. Степанов забыл, что в таком виде бумага пребывает уже не первый день. Теперь следователю казалось, что бумажку разорвали только что. Он влетел в комнату.

Стекло было разбито. В уборной было холодно. Степанов попытался вспомнить: когда же могли разбить стекло? Только что? Или уже давно? Тогда! И до сих пор не вставили? На эти вопросы не было ответов. Степанов выглянул наружу. Так, машины премьерского кортежа. Вдруг что-то словно толкнуло следователя. Прямо под окнами, на карнизе, четко вырисовывалась человеческая фигура. Человек прижимался к стене. Ему явно грозила опасность сорваться вниз с вы-

соты почти четвертого этажа. Возле машин появились Сафьянов, Царедворский и Даниил Евгеньевич. Кажется, они и не подозревали о том, что творилось прямо у них над головами.

— Эй! — крикнул Степанов.

Сафьянов запрокинул голову, пытаясь разглядеть, кто кричит. Подскочили телохранители. Все они заметили Степанова, но заметили и человека, стоявшего на карнизе. Человек, кажется, впал в отчаяние. Подняв правую руку, он ударил локтем в стекло близкого к нему окна. На его счастье, стекло разбилось, а окно оказалось достаточно широким. Он сумел впрыгнуть в комнату. Охрана Сафьянова бросилась в театр. Степанов, в свою очередь, побежал туда, где, как ему казалось, должен был скрываться человек, только что замиравший на карнизе. Но человек опередил Степанова и теперь летел по боковой лестнице. Степанов только поравнялся с дверью комнаты, откуда выскользнул беглец, но тут люминесцентные лампы на потолке замигали, издавая противный жужжащий звук. Степанов проскочил приоткрытую дверь и почти успел добежать до лестницы, когда вдруг услышал за спиной вопль изумления и ужаса.

Следователь обернулся. Он заметил кокошник Снегурочки. Какие-то две тени стремительно приближались к остановившемуся поодаль Битневу.

Снегурочка и ее неведомые спутники промчались мимо Андрея Алексеевича.

— За ними! — крикнул Степанов.

Битнев развернулся и выхватил табельный пистолет. Степанов продолжал преследовать беглецов. Но на успех он уже больше не надеялся. Он даже не совсем теперь понимал, за кем же он гонится. Он слышал за спиной топот ног Битнева и телохранителей Сафьянова.

Степанов повернул в подвал и столкнулся с билетершей.

— Это Антон! — кричала она. — Это сын Томской! — Она показывала, куда надо бежать.

Все последовали в указанном ею направлении. Начальник службы безопасности премьера убеждал Сафьянова остаться:

— Там опасно, опасно!

Но премьер требовал, чтобы его пропустили:

— Если ты сейчас не пропустишь меня, я тебя уволю.

Рослый детина вынужден был уступить.

— У Антона ключ от тоннеля! — кричала билетерша.

Наконец-то подбежали к двери, ведущей в тоннель. Она была открыта, но свет в тоннеле не горел. Наконец разобрались с рубильником и тогда увидели Антона. Он был мертв, его явно застрелили с близкого расстояния, кожа была опалена, модная куртка разодрана.

Подошел Сафьянов и высказал свое мнение:

— Антона убил человек, которому он доверял. Бедный мальчик.

Все, кроме билетерши, наклонились над трупом.

— Он напал на меня, как сумасшедший, — повторила билетерша со страхом. — Видели бы вы его глаза!

— Что за глаза такие? — повернулся к ней Степанов.

— Ужасные глаза, ужасный взгляд. И кричал: давай, мол, ключ! Отнял у меня всю связку ключей...

— Наверно, я за ним гнался, — решил Степанов.

— Нет, по-моему, за ним еще кто-то гнался, — возразила билетерша.

Сафьянов выпрямился и оглядел окружающих.

— А не мог он застрелиться? Антон не

мог застрелиться? — парадоксально предположил премьер.

— Да — согласился Степанов, — пожалуйста, мог. Вон и рука соответствующим образом повернута.

Сафьянов попросил своих охранников повернуть труп.

— Нельзя, нельзя! — крикнул Степанов.

Но, несмотря на его возражения, труп все же перевернули.

— Ни пистолета, ни стреляных гильз нет. Или он не стрелялся, или кто-то успел унести оружие.

— Да нет, так не стреляются.

— Почему же? В состоянии аффекта, например!

Диалог Сафьянова и Степанова прервала тревожная реплика Битнева:

— Она меня задела рукой, ледяной рукой!

— Кто? Кто задел?

— Снегурочка ваша!

— И ты упустил ее?

— Да ведь их трое, вы знаете. И может, они еще в театре.

Сафьянов распорядился обыскать театр. Его телохранители подчинились без особого энтузиазма. По-видимому, они

не очень любили выполнять задания, не относящиеся к их прямым обязанностям.

Битнев разглядел Снегурочку и ее спутников лучше, чем Степанов. В руках одного из мужчин был довольно солидный сверток. Но непонятно, куда они исчезли.

События возможно было реконструировать следующим образом: из уборной матери Антон перебрался по карнизу к костюмерной, он запрыгнул вовнутрь и своим появлением испугал Снегурочку и ее спутников, очевидно, воров. Кстати, днем выяснилось, что украден костюм Снегурочки. Больше ничего грабители не взяли.

Степанов обратился к результатам видеонаблюдения. Но оказалось, что электричество, как назло, барахлило и потому ничего толком камеры не запечатлели. К обеду появилась еще одна новость. Антона застрелили из пистолета, изъятого у убитого охранника. Но как же такое могло произойти, ведь пистолет давно находился в сейфе в качестве вещественного доказательства?

Даниил Евгеньевич решительно объявил после совещания, что Антон Витальевич Томский покончил с собой.

Степанов решил, что это версия Сафьянова, принятая начальником к сведению.

Степанов и Битнев шли пешком под легким снежком, падавшим с низкого неба редкими хлопьями.

— Сумасшедшие люди эти артисты, — нарушил молчание Андрей Алексеевич.

— Почему ты так решил? — спросил Степанов. Он даже немного обиделся, потому что уже чувствовал себя приобщенным к искусству.

— Вследствие личного общения, — отрубил Битнев.

— Да ты ни с кем особенно близко не общался. Разве что с билетершей.

— А мне хватило.

Они подошли к афише Большого.

— А ты разве не понял? Старуха-билетерша — это воплощенное будущее тех, кто сегодня считается красивым и знаменитым.

— По-моему, мы дождемся еще одного трупа.

— Труп как следствие театральных разборок?

— Вот именно.

— А тебе Даниил Евгеньевич еще не сказал?

— Не сказал что?

— Нам предстоит выслеживать Снегурочку до тех пор, пока мы ее не поймаем.

— Может быть, только ты и будешь караулить?

— Да нет, мы оба.

Дома Степанов поссорился с Машей и наорал на Чумарика. Жена обиженно поджала губы и примолкла.

— Где Николай? — сердито спросил Василий Никитич, устраиваясь на диване с газетой.

Сын услышал и появился из своей комнаты.

— Уроки сделал? — Степанов продолжал сердиться.

— Папа, ты что? Уроки — в школе. А в институте — курсовые и рефераты. А сейчас вообще каникулы.

Пекинес путался под ногами. Маша подхватила собачку на руки и унесла в спальню.

Ужин прошел в неловком молчании. Сын как будто что-то хотел сказать отцу, но не решился. Степанова нервировали отчаянные взгляды, которые Коля то и дело бросал на него. После еды он сам отозвал сына в коридор:

— Говори, что там у тебя стряслось?

— Я скажу, только пойдем ко мне.

Они вошли в комнату Николая и плотно прикрыли за собой дверь. Собравшись с духом, сын спросил в свою очередь:

— Пап, ты уже догадался?

— О чем я должен догадаться? — Степанов искренне недоумевал. Сейчас ему хотелось посмотреть очередную трансляцию хоккейного матча. Он не думал, что сын сообщит ему что-нибудь интересное.

Николай подошел к отцу совсем близко, наклонился к его уху и прошептал:

— Певица Томская жива.

Удивленный Степанов невольно опустился в кресло, мягко освещенное светом торшерной лампы.

— То есть как это жива? — Но он уже и сам понимал, что сын всего лишь прямым текстом озвучил смутные подозрения.

— Ну, предположим, жива...

— А похоронили не ее.

— Кого же?

— Ну, ту тетку, которая на соседней кровати лежала.

— Ты уверен?

— Да.

— Почему?

— Потому что мы с Юркой все это устроили.

— Таблички поменяли?

— Нет, кровати. Они же на колесиках.

— Зачем? Глупо.

— Да мы пошутить хотели. Юрка говорит: «Давай проверим, заметит твой отец подмену или нет, то есть настоящий он следователь или липовый».

— Кто липовый следователь? Я?

— Да нет, ты не думай.

— Хорошенькие шуточки. За такие шуточки надо из института исключать.

— Прости. Я ведь и на похороны приходил. Тайком. Смотрю, у тетки кольца обручального нет.

— Предположим, кольцо украли.

— Тогда бы след на пальце остался. Нет, не ту похоронили. А тут еще это горе с Юркой. Вот я тебе во всем признался, и мне легче стало.

Василий Никитич нервно расхаживал по комнате. Больше всего ему хотелось сейчас разбить компьютер, который он сам же и подарил сыну.

— Ты понимаешь, что вы наделали? Вы обманули общественное мнение. Галина Томская была знаменитой певицей, имела государственные награды. Вот что теперь делать? Что мне с тобой делать? Заявить на тебя в милицию? На родного сына?

В дверь тихонько поскребся пекинес. Затем раздался голос Маши:

— Что у вас там, мальчики? Секретничаете?

— Ничего, мама. Отдыхай, — откликнулся Николай.

Маша, ничего не ответив, отошла от двери вместе с собачкой.

— Ты почему матери грубишь? — сердито спросил Степанов.

— Извини. Но нельзя ведь, чтобы она узнала.

Конечно, сын был прав. Степанов тяжело поднялся с кресла.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделал?

— А что? То есть я понимаю, но...

— Ничего ты не понимаешь. Из-за этой вашей дурацкой шутки Юрку убили, а теперь твоя очередь!

Сцена двадцать шестая

Томская медленно приходила в себя.

Сначала она не могла понять, где же она находится. Но постепенно до нее дошло, что это больничная палата. Сквозь тонкий пододеяльник колкое шерстяное одеяло щекотало подбородок. Галина скосила глаза. Соседнюю кровать занимала женщина одинаковой с ней комплекции. Обе койки отражались в зеркале, укрепленном над белой раковиной. Могло показаться, что в палате лежат не две, а четыре больные.

Галина поняла, что лицо ее забинтовано. Ну что ж, все правильно. Она в больнице, капельницу ей поставили, рядом какую-то бабу положили, а Галинино лицо забинтовали, чтоб никто не мог разглядеть.

Томская попробовала пошевелиться. Тотчас сделалось ужасно больно. Она не имела сил приподняться. Теперь стало понятно: она и вправду жестоко изувечена.

Но что же с ней все-таки произошло? Она мучительно напрягала память. Вот спектакль, ее, кажется, тысячная «Снегурочка». Аплодисменты. Потом она удаляется в свою уборную. Хочется выпить и забыться. Недавно она поссорилась с Сафьяновым. Он уже гораздо меньше интересуется ею, стал заглядываться на молодых и смазливых. Что же делать? Бороться? Мстить? Разыгрывать прежнюю хохотушку, милую Галочку, ту, которую Сафьянов знает уже не первый год и к которой привык? Сколько сил она потратила, ухаживая за умирающей женой Мих-Миха. Но ведь настоящая, подлинная жизнь певицы, примадонны — это театр. Галина Томская по-прежнему хотела исполнять ведущие партии. С возрастом она очень пополнила. Специалисты утверждали, что лишний вес помогает петь, «держат диафрагму», что называется. Но помогал ли ей лишний вес? Вон Величаева и Грушева — почти худышки! И в зарубежных оперных театрах требуют от певцов быстрых движений, прыжков и кувырков. Да, если честно, она никогда и не любила Сафьянова. Просто держалась за него, чтобы не потерять почетное место королевы Большого. А в театре тем временем явно назревал заго-

вор. Бедную одинокую королеву окружали сплошные завистники. Взять хотя бы юбилей Скромного. Он произнес напыщенную речь, уверял ее в своей преданности. А она выпила залпом бокал шампанского и честно сказала, бросила им всем, что, если ее не будет, они перегрызутся, как собаки, уничтожат друг друга, как пауки в банке. Грушева и Молочкова, молодые подхалимки, сразу же поддержали ее: мы, мол, вас любим, Галина Николаевна. Да, она в тот вечер выпила, пожалуй, слишком много. Она им все высказала. Она им прямо сказала, что, если бы дать им волю, они бы ей не шампанского, они бы ее с удовольствием угостили толченым стеклом. А потом, уже на следующий день, пошли слухи, будто храбрая Молочкова посмела оскорбить самую приму, самую Томскую. Глупости. При чем тут Молочкова? Разве балерина может быть соперницей певицы? Но ведь Миша так аплодировал Молочковой, все ладони отбил себе. Да, было о чем подумать. Вот она и хотела посидеть после спектакля в одиночестве, глотнуть спиртного, подумать. А тут появился Антон со своими глупыми претензиями. Привык жить не по средствам. Он, видите ли, хочет выкупить роскошную квар-

тиру. Да она бы на чердаке жила, лишь бы петь, лишь бы слышать аплодисменты, видеть на сцене пышные букеты. Ей всегда не везло в личной жизни. Виталик Томский, пьянчуга несчастный, какой это муж!

Галина с трудом вытащила из-под одеяла руку. Окольцованная птица. И про каждую царапинку на обручальном кольце можно рассказать целую историю. Вот впадинка — прищемила в ванной комнате в «Ритце», когда пригласили в Центр Помпиду. А вот совсем тонкая прерывистая линия — отбивалась в Неаполе, хотели ее увезти к какому-то мафиозному боссу. А вот это — муж ударил. И все-таки они связаны, даже после развода. Ведь он навсегда остался ее единственным законным. Все остальные были только любовниками. Но главным всегда была карьера, карьера примадонны. Кольцо, которое никак не снималось, — знак единственного на всю жизнь брака.

Она снова вспомнила, как Сафьянов хлопал Молочковой. Тогда ей хотелось бежать, спрятаться от людей. А тут мальчишка, Антон, сын. Ссора, раздражение. Странные звуки. Он ударил ее?

Или выстрелил? И — тьма. Ее куда-то несли, везли.

И вот она здесь, в этой палате. Нет сил пошевелиться. Она не может говорить. Что с ней случилось? И неужели это навсегда? В палату входили врачи, медсестры, входили и выходили. Капельница, еще какие-то медицинские приборы. В палату заглядывают еще какие-то люди, но это уже явно не врачи. Ей кажется, она ощущает знакомый запах. Это запах ее песика, Чумарика, исходящий от одежды одного из парнишек, которые бестолково ходят по палате. Потом они зачем-то меняют кровати. Колесики скрипят по полу. Галина все видит. Соседка ее тоже, наверно, все видит. Но они ничего не могут сказать, не могут произнести ни слова. Тяжелые, неповоротливые тела не повинуются им. Галина так и не поняла, что глупая мальчишеская шутка внезапно сделала ее другим чело- веком.

А потом она и соседка снова остались одни в палате. Галина смотрела в зеркало, где отражалось лицо соседки. Томская давно заметила, что губы женщины живо реагируют на окружающее. Женщина то морщила губы, то надувала, то вдруг на ее неподвижном лице появля-

лось подобие улыбки. Если бы Галина Николаевна могла увидеть себя со стороны, то есть если бы она захотела внимательно понаблюдать за собой, то заметила бы точно такие же движения. Но сейчас ей почему-то было неинтересно смотреть на свое лицо, гораздо интереснее наблюдать за другим человеком. И вдруг лицо соседки замерло, как будто окаменело. Только усики над верхней губой шевелились едва приметно. Ага, значит, это шевеление вовсе не зависело от того, жива или мертва женщина. Палату заполнили люди, медсестры, санитары. Вскоре кровать опустела. Галина осталась одна в палате. Ей было тоскливо. Коситься на себя в зеркало не хотелось, ведь там отражалось ужасное забинтованное лицо. Она сознавала, что ее лицо, конечно же, чудовищно изуродовано. Было ясно, что на сцене ей уже больше не бывать.

По утрам бывал обход. Толстый профессор показывал студентам рентгеновские снимки и что-то объяснял. Она догадалась, что не может говорить вследствие травмы головного мозга. Постепенно ею овладевало страстное желание отомстить тому, кто сделал ее калеккой. Мечь — вот единственное, что ей остается-

ся в этой жизни. Она пыталась вспомнить, что же все-таки произошло в тот роковой вечер. Сын? Нет, на Антона она не держала зла. Он всего лишь хотел ее поугагать, чтобы получить наконец деньги. Нет, это не Антон искалечил ее.

Она удивлялась тому, что никто ее не навещал. Ни сын, ни сослуживцы, ни тетка. Еще возможно было понять, почему не приходит Мих-Мих. Зачем ему искалеченная любовница? Но родные! Почему они бросили ее? И сослуживцы. Должны же они хоть раз заглянуть, хотя бы из приличия. Но никто не появлялся. В конце концов она связала отсутствие посетителей с тем самым передвижением кроватей. Да, ее нарочно спрятали. Так она полагала. Но она, назло им всем, выздоровеет и отомстит. В палате она по-прежнему лежала одна. Новой соседки не появилось. Потом профессор сделал новые распоряжения.

Санитарки стали понемногу приподымать ее, теперь она уже могла сидеть, опершись на подушки. Потом ее поставили на ноги. А спустя какое-то время она уже гуляла по коридору, поддерживаемая с обеих сторон. А еще через две недели сердитый профессор громко заявил, что пора выписывать больную. Палата,

оснащенная дорогой аппаратурой, нужна была для кого-то другого.

Галине не хотелось уходить из больницы. Она родилась и выросла в Москве, жизнь вне Садового кольца пугала ее. А тут профессор объявил, что эту больную надо перевести в реабилитационный центр в Бирюлево. Это самое Бирюлево представлялось ей чуть ли не окраиной мира. Никогда она в этом Бирюлеве не была. Но что же будет дальше? Сначала ее увезут в Бирюлево, потом еще дальше в Подмосковье, а потом куда? В Сибирь? Нет, она должна все сказать врачам. Она должна объяснить им, что она — ни кто иная, как знаменитая певица Томская. Она снова попыталась заговорить. Нет, ничего не получалось. Тогда она знаками попросила у санитарки бумагу и карандаш. К счастью, санитарка оказалась доброй женщиной и принесла блокнот и карандаш. Галина написала, кем она является на самом деле, и отдала вырванный из блокнота листок санитарке. На лице женщины отразилось удивление. Галина ожидала, что теперь отношение к ней изменится коренным образом. И действительно, в палату явились двое знакомцев в белых халатах. Ее немного смутили их насмешливые улыбки. Они задавали ей

вопросы, она честно писала на листках ответы. Потом незнакомцы ушли, а ее перевели на первый этаж и сделали болезненный укол. Она заснула, а проснулась уже в машине. Из разговора сопровождавших ее санитаров она поняла, что ее сочли сумасшедшей и все равно везут в Бирюлево.

На новом месте ей стали делать новые уколы и давать таблетки перед едой. Врач-женщина то и дело спрашивала, куда она поедет после выписки. Галина писала на листках, что ей есть где жить. Но она даже не знала в точности, как ее зовут.

Потом она уже гуляла самостоятельно. Территория больницы охранялась плохо. Психически больные и умственно отсталые частенько убегали. Но ловили их легко. Обычно они отправлялись на автобусную остановку, где без денег и документов ждали автобуса. Томская понимала, что так убегать — просто глупо! Оставалось одно — ждать. Она все-таки еще надеялась вспомнить, что же именно с ней произошло. Ее называли Мариной. Она наконец поняла, что занимает место умершей соседки. Эту соседку звали Мариной. Да, конечно, Галина Николаевна

стала жертвой ошибки. Но ошибки или все же злого умысла?

Томская понимала, что доказать, кто она на самом деле, будет очень трудно. Она предполагала, что из Галины Николаевны превратилась в Марину Игоревну, она даже не знала, что успела побывать и Людмилой Сергеевной.

В конце концов она поняла, что лучше всего не настаивать на том, что она — известная певица, солистка Большого театра. Надо было признать себя безвестной Мариной Игоревной, так ее скорее выпустят отсюда. Но куда же она денется потом? Здесь, в Бирюлеве, было много несчастных, нищих или не имевших документов. Они часто нарочно нарушали режим медицинского учреждения и даже притворялись тяжело психически больными. Они хотели подольше пробыть здесь, где их кормили и одевали, предоставляли крышу над головой. Но Галина Николаевна еще не дошла до такого состояния, чтобы ставить крест на своей дальнейшей жизни. Она аккуратно соблюдала все правила и надеялась на выписку. Теперь она признавала, что никакая она не певица Томская.

— Просто я была больна, — говорила она.

Гуляя во дворе, она познакомилась с местным старожилом по имени Валерий. Его уже много раз выписывали, но он всегда возвращался. Здесь ему нравилось. Летом он удил рыбу в речке, осенью собирал грибы в лесу. Ему поставили диагноз: «приступообразная шизофрения». Когда его в очередной раз начинали готовить к выписке, он сейчас же симулировал приступ болезни. Он бегал нагишом и пел петухом. Избавиться от него врачам было невозможно.

Галина почувствовала в склонном к актерству Валерке почти родственную душу. Однажды он угостил ее жареными весенними грибами, вкус которых напомнил певице уже такие давние фуршеты, когда она запивала жюльены шампанским. Конечно, Валерий выглядел весьма непрезентабельно, коренастый, белобрысый, дурно пахнущий. Но она нуждалась в помощниках и положиться теперь могла только на этого человека, пройдоху с бессмысленным взглядом.

Галина невольно сравнивала себя с Эдмоном Дантесом, пока тот еще не стал графом Монте-Кристо. Конечно, больницу в Бирюлеве можно было считать замком Иф, но Валерий мало походил на аббата Фариа и никаких тайн не знал.

Но помощника надо было еще чем-то привлечь и удержать. И вот тут-то Галина Томская поняла, что кое-какими ресурсами все-таки обладает. Ведь она, то есть Марина Игоревна, имела паспорт и какую-никакую прописку. И теперь она исписывала листы обещаниями. Она писала Валерию, что у нее ему будет гораздо лучше, чем в Бирюлеве, она обещала ему все прелести сельской и свободной жизни, и рыбалку, и грибы. Теперь от него требовалось только одно: выписаться одновременно с Томской, то есть с Мариной Игоревной.

Врачи с опаской ожидали от Валерия очередного приступа, но на этот раз он отнесся к предстоящей выписке спокойно и покинул гостеприимное Бирюлево вместе с Мариной Игоревной. Впрочем, кое-кто из медицинского персонала все равно полагал, что рано или поздно Валерка вернется.

А пока выписанные больные отправились дружно на автобусную остановку. В автобусе Валерий уселся на сиденье, крепко держа на коленях плетеную корзину со своим нехитрым скарбом. У него ничего не было, кроме трусов, носков и двух застиранных рубашек. Галина побаивалась своего помощника.

Ведь он в любой момент мог сбежать. Едва ли такие, как он, способны к сильным привязанностям.

При выписке Галине, то есть Марине, и Валерию выдали деньги для того, чтобы они могли добраться до дома, то есть воспользоваться автобусом и электричкой. Адрес, указанный в паспорте, ясно показывал, что Марина Игоревна живет в деревне. Сойдя с электрички и расспросив местных жителей, Томская и ее спутник двинулись в нужном направлении.

Сцена двадцать седьмая

Новое жилище Томской представляло собой кривую хибару, уютившуюся за облупившимся забором. Разумеется, дверь была заперта. Валерий перелез через забор, потом забрался через окно в дом и открыл дверь. К хибарке стали собираться местные жители, преимущественно старухи в бесформенных юбках и вытянутых кофтах, повязанные платочками. Изредка попадались и мужики, тоже по большей части очень немолодые, одетые очень и очень старомодно. Томская замерла, разглядывая аборигенов.

Вокруг загомонили:

— Маринка приехала!

— Ой, и правда она.

— Отпустили, значит.

— Что, Маринка, опять самогон гнать будешь?

— Ой, вы на рожу-то ее гляньте. Томская натянута раскланивалась. Ее новая роль нравилась ей все меньше.

Одетая в платье и грязную куртку Марины Игоревны Лазаревой, она выглядела не очень красиво. К счастью, Томская теперь не могла говорить, иначе непременно сказала бы что-нибудь лишнее. Она ежилась на холодном ветру и слушала реплики местного населения.

— Маринка, что молчишь?

— К сеструхе то не поедешь?

— Гляньте, как Маринка наша пере-менилась.

— А может, это и не она?

Томская на всякий случай нахмурилась, изображая обиду.

Из толпы выдвинулась старуха и протянула ей ключ. Должно быть, настоящая Марина Игоревна договаривалась с ней, когда покидала дом. Томская взяла ключ, разумеется, молча.

— Хоть бы спасибо сказала. Тьфу! — бабка плюнула.

Толпа двинулась в сени.

— Угости в честь приезда, — несло со всех сторон.

— Маринка, ветеринар освободился. Уж он тебе накостыляет за любовника. Ты запирайся.

Томская смотрела на Валерия как на спасителя.

— Пошли, пошли! — Валерка махал руками, прогоняя непрошенных гостей.

Местное население расходилось, удивляясь странному молчанию Маринки и гадая, что это за мужик с ней приехал.

Галина разглядывала между тем избу. Стены были увешаны фотографиями незнакомцев. Пахло кислятиной и водкой. Нет, кажется, напрасно она сюда явилась. Отсидеться здесь, лелея планы мщения, не удастся. Глупо, глупо! Сейчас явится сестра покойной Маринки, за ней — тот самый ветеринар, который, должно быть, и стукнул бедную Маринку по черепушке. Нет, надо отсюда уходить.

Листки в блокноте закончились. Томская огляделась, увидела засаленную газету и написала огрызком карандаша: «Надо уходить». Валерий не спорил. Он уже почти догадался, что его спутница не так проста.

Они переночевали в домишке Марины Игоревны, а едва рассвело, положили ключ под порог и тихонько, по-воровски, сбежали. В электричке Валерий сидел насупившись. А Галина продолжала молчать. Что ей еще оставалось делать?

Галина думала, что Валерий сбежит

от нее, как только они доберутся до столицы, но он остался. Привык, наверное. На станции она купила в киоске новый дешевый блокнотик и новый карандаш. Несколько листочков она исписала отчаянными признаниями. Дескать, никакая она не Марина Лазарева, а известная певица, солистка Большого театра Галина Николаевна Томская. Она жива, а Лазарева, наоборот, мертва и похоронена под именем Томской.

«Я сумею отомстить, я найду тех, кто со мной такое сотворил, — писала она. — Я сильная, я раскрою этот заговор. Я буду безжалостна к врагам. Они хотели обречь меня на смерть, но сами погибнут».

Валерий медленно читал написанное своей спутницей.

«Ты должен мне помочь, — писала Галина-Марина. — Внакладе не останешься. Я с тобой расплачусь».

Валерий задумчиво кивал.

Галина чувствовала себя и вправду сильной, энергичной. О, как она теперь отомстит Величаевой. А потом она вернет себе свое подлинное имя. И с Валеркой она расплатится, да.

Но пока она всю пользовалась его услугами. Ведь и в Москве надо было где-то найти пристанище. Валерий по-

знакомил ее со своими приятелями, бомжами с площади Трех вокзалов. Эти люди ютились в брошенных вагончиках, спали на грязных тюфяках, не имели сменной одежды. И Галина все больше становилась похожей на них. С мытьем возникли проблемы. Теперь Валерий даже укорял Галину, вспоминая деревенскую баньку во дворе домишка Лазаревой. В конце концов можно было бы поладить с сестрой и с ветеринаром. Но о возвращении нечего было и думать. Сообщество бомжей промышляло сдачей бутылок и мелкими кражами. Томской предложили заняться проституцией, но, во-первых, она была для этого промысла слишком непривлекательна, а во-вторых, слишком чистоплотна — даже теперь — для того, чтобы дешево продавать свое тело бог весть кому.

Милиция постоянно устраивала облавы на бомжей. Все как огня боялись спецприемника, потому что те, кого туда забирали, не всегда возвращались назад. Ходили слухи, будто в спецприемниках даже убивают!

Бомжи все время перебирались с места на место, стараясь все-таки держаться поближе к площади Трех вокзалов. Частенько возникали драки, то из-за ночле-

га, то из-за пустых бутылок. В конце концов вышло так, что группа, к которой примкнули Валерий и Томская, очутилась в центре Москвы. Там бомжи преспокойно ночевали в Газетном переулке и у вентиляционных решеток в метро. Теперь бомжи обретались прямо под боком у Следственного управления МВД. Но сотрудники этой важной организации совсем их не замечали.

Томская теперь то и дело проходила мимо помпезного здания Большого. Однажды она даже не отказала себе в удовольствии погрозить кулачком четырем коням, которые высоко возносили древнего бога Аполлона, покровителя всевозможных искусств. Но план мести все еще не складывался, наверное, потому, что она не располагала денежными средствами графа Монте-Кристо. Галина пристально разглядывала театр, пыталась понять, сколько же здесь входов и выходов. Прежде это ее совершенно не интересовало. Она заходила в Большой как королева и так же покидала его.

А вот теперь она могла только издали наблюдать, как Молочкова и Грушева выходили из «Пежо».

Потом явились другие бомжи. Томской, Валерию и их приятелям пришлось

переместиться на Поклонную гору, а оттуда — к Можайскому шоссе. Теперь Томская ютилась совсем близко от дома сына. Компания расположилась в заброшенном доме. Однажды, жаря для своих сотоварищей картошку, Галина наткнулась в топке старой печи на пистолет. К сожалению, это случилось при свидетелях. Бомжи заспорили, решая, как быть с оружием. Большинство, включая Валерия, предлагали выбросить пистолет. Но возглавлявший компанию мужик неопределенного возраста, известный своей гладковыбритой головой и уверявший, что такое бритье предохраняет от вшей, решительно отобрал у Галины пистолет и спрятал за пазухой. Когда-то он преподавал физкультуру и в трезвом виде все еще умел командовать. Он подумал, что теперь группа, во главе которой он волею судьбы стоял, никого не будет бояться.

А на следующее утро Валерий, которого частенько мучила бессонница, увидел, как возле развалюхи остановился джип и какие-то подозрительные типы стали заносить оружие, куда более серьезное, чем случайно найденный пистолет.

— Бежать, бежать надо, — призывал Валерка.

Но бежать уже было поздно, потому что вслед за людьми с оружием явились менты. Бомжам пришлось затаиться в подвале.

Милиционеры оцепили заброшенный дом. Бандиты отстреливались. Перепуганные бомжи дрожали в подвале от ужаса. Прогремевший минометный взрыв бомжам не повредил. Зато ментам потом пришлось оправдываться, почему, мол, не применили, как обычно, гранатомет с «черемухой». Правда, на головы бомжей посыпалась штукатурка, но ни- кто из них не пострадал.

Печка осталась цела. Только пистолета в ней уже не было, что и поразило в дальнейшем Антона. Бомжей забрали в приемник, а потом снова отпустили.

Томская продолжала мечтать о мщении. Но по-прежнему не могла придумать ничего дельного. Как-то раз она подговорила Валерия и главаря, бывшего физкультурника, пойти в дом ее сына. Галина представляла, как ее мальчик все узнает и станет ее верным союзником. Да, она напишет Антону, что простила его. Она знала характер своего сына. Конечно же, он пожалеет мать, увидев ее в

таком жалком виде, потерявшую речь, грязную, растрепанную, отвыкшую от кремов и лосьонов.

Трое бомжей, двое мужчин и женщина, прошмыгнули в подъезд, воспользовавшись временным отсутствием консьержа. Но Антона дома не оказалось. Дома был только Юпитер. Он увидел в «глазок» неопрятную троицу и не открыл дверь. Томская растерялась.

Встречи с сыном не получилось. «Что ж, — подумала Галина, — может быть, это даже к лучшему». Она сдружилась с бывшим физкультурником, открыла ему свою тайну. Похоже, он поверил. Теперь у нее было два сообщника. Так что пистолет теперь находился в ее полном распоряжении. Оставалось только раздобыть костюм Снегурочки. И вот тогда она появится перед торжествующей соперницей в том самом или в таком же точно костюме, какой та надевает, узурпируя ее, Томской, роль!

Сцена двадцать восьмая

По Москве, как известно, очень трудно ездить на собственном автотранспорте из-за пробок. Поэтому Степанов иногда добирался на работу, а потом и домой пешком и на метро. Он любил дойти до Пушкинской площади, а потом спускался к Охотному Ряду. По дороге Василий Никитич частенько заходил в книжный магазин, где, случалось, покупал какие-нибудь нужные для работы книги по юриспруденции.

И сейчас следователь не спеша брел, сунув руки в карманы теплой куртки. У памятника великому поэту толпились молодые бездельники, парни и девчонки, попыхивая сигаретками. Степанов вдруг заметил знакомое лицо. Это оказалась Грушева в модном пальтишке. Она куда-то названивала по мобильнику. Лицо ее было очень выразительным. Казалось, она на что-то надеется, но вот она повернулась к проезжей части и просияла.

«Мерседес», джип и «Хаммер», отчаянно сигнала и сверкая мигалками, подъехали к памятнику. Стекла были тонированы, и не было понятно, кто же скрывается в машинах.

Грушева замахала мобильником и побежала к «Мерседесу». Из «Хаммера» выскочил телохранитель и открыл перед ней дверцу. Она уселась. Машины снова засигналили. Рядовые водители вынуждены были сворачивать со Страстного бульвара на площадь. Из окошек джипа и «Хаммера» высовывались руки с полосатыми палочками. Прочие машины послушно замирали. Кортёж развернулся и понесся вниз по Тверской.

Степанов, конечно же, пошел следом. Возле салона сотовой связи три машины остановились. Охранники перекрыли вход в салон. Они были вооружены короткими автоматами. Через широкие витринные стекла Степанов отчетливо видел «сладкую парочку», Сафьянова и Молочкову, которые, похоже, выбирали мобильник.

— Проходите, проходите, — приказали приостановившемуся Степанову.

Сафьянов и Молочкова между тем рассматривали дорогие телефоны. Продавцы вежливо улыбались.

Степанов жалел, что ни один из юрких журналистов-папарацци, которые вечно толкуются неподалеку от Госдумы, не видит этих двоих. То-то бы обрадовались «желтые» газеты. Степанов оглянулся на «Мерседес». Грушева опустила стекло и курила тонкую белую сигаретку, коротко затягиваясь. Потом она внезапно выскочила из «Мерседеса», пересекла тротуар и нырнула в магазин. Грушева уже издали начала улыбаться Сафьянову и Молочковой. Балерина показывала подруге отобранные для покупки телефонные аппараты. Несколько аппаратов упало на пол. Продавцы кинулись поднимать их. Грушева кокетливо улыбалась и стучала по стеклышку, прикрывавшему циферблат наручных часов. Затем она вышла из магазина, но в «Мерседес» не вернулась, а пошла по улице к Охотному Ряду. Степанов, в свою очередь, поднялся по Георгиевскому переулку.

У фонтана Степанов неожиданно встретил Овчинникова. Бывший банкир также названивал по мобильнику. Это уже становилось забавным. Завидев следователя, Овчинников сунул телефон в карман, и лицо его выразило крайнюю степень дружелюбия.

— Рад, рад видеть, — повторял Григорий Александрович. — Что? Собираетесь снова слушать «Снегурочку»?

— А сегодня дают «Снегурочку»? — растерянно спросил Степанов.

— Да.

— А как прошли гастролы?

— Ах, Василий Никитич, газет вы не читаете. Гастролы прошли блестяще. Вена, Лондон, Париж. Полный триумф!

— А как пела Анастасия Макаровна?

— Великолепно! Настоящий талант.

Овчинников внезапно оглянулся и приветливо позвал:

— Ирина Анатольевна, идите к нам.

Грушева явно намеревалась проскользнуть мимо, но теперь сумела изобразить на лице вежливую улыбку. Овчинников шепнул следователю:

— Царедворского сняли.

— Да ну! И кто же теперь вместо него? Грибаков?

Овчинников присвистнул было, но тут же осекся:

— Нет, нет, банкирам свистеть нельзя. Денег не будет. — Он хохотнул. — Вместо Царедворского — некий Смирнов из Мариинки, — поспешно проговорил Овчинников. Но тут приблизилась Грушева. — Ира! — воскликнул он. — Ты прекрасна,

ты королева Большого. — Он легко наклонился к уху Степанова: — Смирнов — ставленник питерских, ни в чем ничего не понимает.

Личико Грушевой скривилось. Кажется, преувеличенные комплименты Овчинникова вовсе не обрадовали ее. Грушева закурила.

— А вот от сигарет я рекомендовал бы тебе, Ира, воздержаться, — поучал Овчинников. — Надо беречь связки. Это не дело — вторая сигарета за семь минут.

Так, значит, Овчинников каким-то образом проследил маршрут Ирины Грушевой и даже знал обо всех ее действиях.

— Давайте я вас угощу, — произнесла Грушева. — А связки мне скоро не понадобятся. Во всяком случае, для партии Купавы.

— Ты о чем, Ирочка? — Овчинников прикинулся удивленным.

— О чем? Ведь это вы распорядились исключить «Снегурочку» из репертуара Большого?

— Я? Ничего подобного. — Удивление его явно было самым что ни на есть искренним.

— «Снегурочка» сегодня пойдет в последний раз. Говорят, что это инициатива Попечительского совета, который,

кстати, возглавляете вы. Говорят, что классика, дескать, устарела, пора, мол, ставить современные оперы.

— Полнейшая клевета. Я ничего не знаю. Если что-то и сделано, то отнюдь не по моей инициативе. Конечно, театр нуждается в переменах, но я...

— Короче, опера Римского-Корсакова «Снегурочка» снята с репертуара, а вместо нее будет ставиться балет «Снегурочка» на музыку Чайковского Петра Ильича. И главную партию будет танцевать Вера Молочкова. Вот что вы называете осовремениванием репертуара. Впрочем, Мих-Мих мне сказал, что в новом балете останется одна вокальная партия, которую, возможно, доверят мне, если я буду хорошо себя вести. А я просто-напросто не знаю, как же мне себя вести.

— Ирочка! — воскликнул с облегчением Овчинников. — Это еще не самое страшное, поверь мне. — Он чмокнул девушку в гладкую щеку. — И что это у тебя за сережки? Бирюза? Любишь сережки?

— Люблю, — Грушева направилась к зданию театра.

— Красавица ты наша, — громко проговорил Овчинников ей вслед. — А может быть, на афишах нарочно написали последний спектакль», просто так, для

рекламы. И в конце концов, балет — это ведь тоже неплохо.

Грушева скрылась в подъезде.

— Да, — сказал Овчинников Степанову, — а я и вправду ничего не знал.

— То есть Попечительский совет не поставили в известность о переменах в репертуаре? — Следователь сочувственно улыбнулся.

— Обидно. Мы им — деньги, а они...

— Послушайте, Григорий Александрович, — неожиданно начал Степанов, — вот тут у меня в кейсе совсем случайно оказались кое-какие записи и, в частности, один не относящийся к вам монолог. — Степанов извлек аудиоаппарат. — Давайте отойдем. Так... Вот здесь у нас говорит Молочкова. А вот это все-таки касается вас, так мне кажется...

Раздался хриплый голос покойного охранника.

— Так он сидел? — удивился Овчинников. — И как могли бывшего заключенного принять на работу в Большой?!

— Нет, вы слушайте, слушайте дальше.

Дальше охранник жаловался на пренебрежительное отношение к нему начальства, говорил о Скромном, о Царедворском, даже о Сафьянове. Затем последовали невнятные обвинения в адрес

Овчинникова, якобы подговорившего несчастного охранника, соблазнившего совершить какое-то преступление...

— Клеветнические глупости, — резко проговорил Овчинников.

— Неужели?

— Он оговаривает меня.

— Но вы были с ним знакомы?

— Да.

— Странное знакомство для вас. Разве это был человек вашего круга?

— Абсурд. В конце концов, меня назначили главой Попечительского совета.

— То есть Сафьянов, Михаил Михайлович, вас назначил?

— Это не имеет значения, — Овчинников вытер носовым платком внезапно вспотевший лоб. — Естественно, что в качестве главы Попечительского совета я счел своим долгом познакомиться со всеми сотрудниками театра, включая охранников и даже уборщиц. Я даже руки всем пожимал, не то, что некоторые! Вы дурно обо мне думаете.

— А вот здесь покойный охранник проносит «волки позорные» или «волки поганые». Это не вас, в частности, касается?

Беседующие разом оглянулись на шум, который производили подъезжающие машины. Окруженные телохраните-

лями, к центральному подъезду направлялись, весело переговариваясь, Сафьянов и Молочкова. Овчинников отвернулся от занятого зрелища.

— Что тут у вас еще есть, на этой пленке?
— спросил он Степанова, стараясь говорить непринужденно.

— А что бы вы еще хотели услышать?

— Но то, что вы дали мне послушать, — форменная чепуха и ничем мне не угрожает. Какой-то бессвязный бред психически ненормального человека. Этак и я возьму диктофон и наговорю черт знает что.

Между колоннами мелькнула красная курточка Амалии. Ее стройную шейку украшало рыжее боа, но вообще-то она выглядела скромнее обычного. Мужчины прекратили разговор.

— Мы идем, Гриша? — спросила Амалия.

— Послушайте, Григорий Александрович, если сегодня «Снегурочка» идет в последний раз, я хотел бы послушать. Вы проведете меня?

— Конечно, — благосклонно пообещал Овчинников.

Он посадил следователя в первый ряд. «Все ближе и ближе к сцене», — подумал Степанов. В середине партера он

уже сидел раньше. А теперь мог видеть все происходящее на сцене, а также правительственную ложу. Зато весь зал оказался за его спиной.

В правительственной ложе расположился Сафьянов. Казалось, он внимательно слушал музыку и пение. Премьер весело улыбался, хотя Степанов не замечал никаких поводов для веселья. Окружение премьера оживленно комментировало происходящее на сцене. Кажется, они смеялись над Величаевой. Ей много аплодировали, но Сафьянов лишь два лениво хлопнул в ладоши. Над Молочковой, кажется, тоже вдоволь посмеялись, хотя следователь опять же не замечал ничего смешного. Но Сафьянов что-то проговорил, и все в ложе покатались со смеху. Поведение Сафьянова и его окружения можно было бы считать неприличным, если бы расположение ложи и боковой занавес не скрывали их от большинства зрителей, а музыка не заглушала бы слова. Сафьянову принесли блюдо с пирожными. Он предложил попробовать одному из охранников. Тот неловко отломил кусочек эклера. То и дело звонил мобильник премьера, и тому приходилось выходить из ложи, потому что слышимость была неважная.

Степанов заметил, что клакеры особенно усердствуют, когда появляется Молочкова, остальным исполнителям доставалось куда меньше хлопков и криков «браво!». Амалия и Овчинников сидели прямые, напряженные, будто аршин проглотили. Степанов вдруг подумал, что и эта пара совсем не разбирается в классической музыке. Кажется, реакция собравшихся в ложе интересовала Овчинникова и его подругу куда больше, чем спектакль.

Во время третьего действия в правительственную ложу вошли Царедворский и новый директор Смирнов. Степанов припомнил, что в вечер покушения на Томскую директор тоже вошел в ложу. Да, да, кажется, так и было. Только тогда директором был Скромный.

Величаева запела. И внезапно Степанов резко вздрогнул. Ближе к заднику стояла женщина в костюме Снегурочки, таком же, как у Величаевой. Он не понял, что такого странного в ее лице. Кажется, оно было закрыто маской. Или нет? Ее глаза лихорадочно окидывали зал. На кого же она смотрела? На Степанова? На Овчинникова? В ложу? Но вот она, кажется, нашла взглядом того, кого так ста-

рательно искала, и теперь не сводила с него глаз.

Степанов невольно обернулся. Он хотел увидеть человека, который стал объектом пристального внимания второй Снегурочки. Но и саму ее нельзя было упускать из виду. Степанов полагал, что заметит в зале Грубера, Книгина или Юпитера, но их не было. Значит, вторая Снегурочка искала взглядом не кого-то из них. Но надо было внимательно следить за ней. Вот она чуть выдвинулась вперед. Она хочет, чтобы ее заметили? Артисты пели спиной к ней, публика сосредоточилась на солистах. Кто же мог разглядывать задник? Только такой профан в оперном искусстве, как Степанов. Чего же эта ряженая добивалась?

Приближался финал спектакля. Снегурочка должна была войти в костер и раствориться в искусственном пламени. Музыка была прекрасна. Она, казалось, пела о людской несправедливости, о несовершенстве мира. Зал замер. Величаева приближалась к костру. Степанов не сводил глаз со второй Снегурочки, которая сверлила Величаеву ненавидящим взглядом. Вдруг он заметил, что и Сафьянов уставился на «привидение». Степанов встал и, пригнувшись, направился к

выходу. Овчинников и Амалия посмотрели на него с недоумением и тут вдруг тоже заметили вторую Снегурочку. Если она хотела, чтобы ее увидели именно те зрители, которые прямо или косвенно были связаны со всеми несчастьями и переменами, обрушившимися на Большой театр, то ей это удалось. Теперь вторую Снегурочку видели уже многие, но никто не мог понять, что сие явление может означать.

В дверях Степанов налетел на администраторшу.

— Где ход под сцену? — зашипел он.

— Да зачем вам?

Следователь показал ей свое удостоверение. Администраторша побежала с ним к ведущему спектакля. Они поднялись в бельэтаж, где находилась радиорубка. Перед пультом сидели хмурые бородачи. Одному из них ведущий приказал проводить следователя.

Музыка еще звучала. «Еще успею», — лихорадочно думал Степанов. В коридоре толпились охранники Сафьянова. Шеф послал их отыскать вторую Снегурочку, но, похоже, они не знали, что делать, и потому охотно присоединились к Степанову. Шествие замыкали любопытные администраторши.

Открылась крохотная дверца в полу. Помещение под сценой было очень низким, здесь трудно было выпрямиться. Степанов сильно пригнулся, чтобы не удариться головой. На проводе гирляндой болтались лампочки. Световой тоннель вел прямым к костру, бросавшему вниз, на пол, неровное светлое пятно.

Прогрели ударные. Сверху на ступеньке показалась нога в театральной обуви. Это была Величаева. Степанов и один из телохранителей Сафьянова подхватили ее под руки. Она вскрикнула от неожиданности:

— Что это? В чем дело?

А наверху уже обрисовывалась фигура другой Снегурочки.

Степанов замешкался, не зная, что же предпринять, остаться с Величаевой или погнаться за «призраком». Вдруг погас свет. Но теперь охранники проявили благоразумие и стрелять не стали. Величаева не пострадала, и никто не пострадал. Но вторая Снегурочка исчезла.

Сцена двадцать девятая

Весна вступала в свои права. По ночам Степанову не спалось. Он вертелся с боку на бок, считал до тысячи — ничего не помогало. В ту ночь его разбудил подкравшийся потихоньку пекинес. С трудом заснувший Степанов открыл глаза. Кажется, за окном шел дождь. Потом завывала автомобильная сигнализация. К ней присоединилась еще одна и еще. Конечно, вряд ли угонщики стали бы покушаться на машину Степанова. Это ведь не какая-то иномарка. И все-таки. Береженого бог бережет. Степанов не мог понять, заработала ли сигнализация, установленная в его машине. Ее звуки вполне могли затеряться среди гудения и пения сигнальных устройств, установленных на других автомобилях. Степанов не хотел будить Машу и потому на цыпочках прошел на кухню и там высунулся в окно. На макушку капнуло дож-

дем. Степанов пригляделся и увидел рядом со своей машиной фигуру... Снегурочки. На ней был тот самый нарядный светлый костюм, в котором Снегурочка в последнем действии бросается в костер. Женщина в оперном одеянии расхаживала возле машины Степанова явно с агрессивными намерениями. Она что есть силы пинала колеса, а потом, сняв туфлю, застучала по ветровому стеклу.

Степанов вернулся в спальню и быстро, наспех оделся, натянул тренировочные штаны, надел рубашку, в коридоре накинул куртку и обулся в кроссовки. Он закинул на шею ремень кобуры, запахнул полую куртку табельный пистолет и, не дожидаясь лифта, помчался вниз, прыгая через две ступеньки.

Сильный дождь тотчас вымочил его до нитки. Степанов машинально поднял воротник куртки. За шумом дождя женщина не расслышала его шагов. Он подскочил к ней и крепко обхватил со спины. Она дернулась, пытаясь сопротивляться, но следователь уже развернул ее лицом к себе. Перед ним в костюме оперной Снегурочки стояла Грушева. Она отчаянно рыдала и так же, как и Степанов, промокла до нитки.

Степанов, удерживая Грушеву одной

рукой, выключил сигнализацию. В небе блеснула молния.

— Ну вот и грозы начались! — воскликнул Степанов.

— Спасите! Меня хотят убить, — подала голос Грушева.

Степанов поспешно оглянулся. Нет, вокруг не было ни души, никто за ними не следил. Он обнял Грушеву за плечи и повел в подъезд.

В подъезде девушка несколько успокоилась. Степанов сунул руку в карман, нащупал носовой платок и протянул ей. Она послушно вытерла мокрое лицо.

— Пойдемте к вам, — всхлипнула Грушева.

Степанов покачал головой:

— Нет, не стоит. Мои не должны знать слишком много.

Грушева дрожала от холода. Степанов снял куртку и накинул ей на плечи. Они присели на широкий подоконник.

— Рассказывайте, — сказал Степанов.

— Против меня составлен заговор. Меня хотят убить. Во главе этого заговора — Вера Молочкова и Сафьянов. Понимаете, я должна была петь Снегурочку во втором составе, то есть дублировать Величаеву.

— Подождите, а кто же теперь должен был петь вашу партию, партию Купавы?

— Какая-то Амалия!

— Ага! И что же дальше? Вам довелось петь Снегурочку?

— Довелось. И, поверьте, я пела не хуже иных.

— А как же балет? Ведь вместо оперы Римского-Корсакова должен был идти балет Чайковского!

— Да, да, две Снегурочки, опера Римского-Корсакова и балет Чайковского. Но худсовет балет не принял. И, надо сказать, мне это стоило определенных усилий. Но я не могла не выступить против! Понимаете, они хотели совершенно испортить все! Чайковский задумывал совершенно другое. А эти, Грибаков и Царедворский, главным героем сделали царя Берендея, представляете? Его должен был танцевать Саскаридзе. Какой-то гомосексуализм вместо балета. Лель в черном трико, царь Берендей — в белом, Мизгирь — в золотом, а Снегурочка — нежно-голубая. А ставить должен был Жуй, знаете, такой «французик из Бордо», во Франции никому не нужен, а у нас считается авангардистом. Ненавижу!

— Ну, успокойтесь.

Грушева высморкалась.

— Короче, — продолжала она, — той гадостью поганить сцену Большого не будут. Пусть этот дурацкий балет идет на Кремлевской сцене, а мы как пели «Снегурочку» Римского-Корскова, так и будем петь. И вот за мной вдруг стала охотиться Томская или какая-то тетка, похожая на нее. Да что вы глаза вытаращили?

— Удивляюсь. Но как же она проникает в театр?

— Как? Она тридцать пять лет на сцене Большого, знает все ходы и выходы. И у нее, конечно же, помощники. Да и Сафьянов, я думаю, в курсе. Томская жива! Она — ясное дело — решила, что во всех ее несчастьях виновата Величаева. И, может быть, Галина и права. Величаева в ужасе, заперлась у себя в квартире. А меня вот подставили вместо нее. А я вам так скажу: если Томская и вправду жива, то пиши пропало! Она петь свои партии никому не даст, особенно Снегурочку! И вот сегодня, сегодня...

— Вы убедились в том, что Томская действительно воскресла? — Голос следователя прозвучал иронически.

— Очень даже возможно.

— И вы думаете, она проникла в театр в маске?

— Да какая разница! Главное, что она

наверняка встречалась с Сафьяновым. Я даже предполагаю, что он уговаривал ее ничего не предпринимать. Но разве Томскую уговоришь! Ну, так вот, поступило приглашение от Сафьянова: дружеская посиделка после спектакля. Приглашение Сафьянова — это приказ. Стол накрыли в директорском кабинете. Я хотела переодеться, но Молочкова передала, что Мих-Мих хотел бы всех видеть в костюмах и в гриме. Меня усадили в центре, заставили петь. Ланина сидела рядом, усердно подливала мне.

— Кто еще был за столом?

— Кто? Да все, кого вы знаете. Сафьянов, Ланина, Молочкова, Грибанов, медики наши, Грубер и Книгин. Ах да, еще такой парнишка, по прозвищу Юпитер, он должен был Леля танцевать в этом дурацком балете. Представляете, он еще студент балетного училища, а уже уехал в Нижний с сольной программой. Ну, и конечно, новый директор Смирнов. Говорят, он в погонах. Величаевой не было. Я вскоре устала, мне уже хотелось разгримироваться, переодеться. Меня раздражала Молочкова с ее глупыми репликами. Я решила уйти в туалет, на другой этаж, где лампы не забрызганы штукатуркой. Ведь у нас в театре вечный

ремонт. Тимошенков заметил, что я опьянела, предложил проводить. Но я отказалась. Тимошенков — мужик добрый, но и приставать мастер. Ну, я прошла в туалет, все нормально. Но голова все-таки кружится. Выхожу. Смотрю, Величаева стоит в сарафане Снегурочки, в руках какой-то тесак, лицо злое. Ясное дело, убьет! Не знаю, что делать. Думаю, может, она с ума сошла. Начинаю говорить так ласково, как с безумными разговаривают: «Здравствуйте, Анастасия Макаровна...» А сама соображаю, как бы сбежать. И вдруг замечаю, что она вовсе не на меня смотрит. Я скосила глаза. Батюшки! А там еще одна Снегурка. Я потихоньку стала отступать в большой коридор. А мне навстречу — вы не поверите — третья Снегурочка. Идет, качается, будто березка на ветру.

— А сколько всего в театре костюмов Снегурочки?

— Не знаю. Наверно, несколько. Но я дальше вам расскажу. В общем, я назад в туалет бегу, разбиваю в туалете стекло. Невысоко, второй этаж. Я по крыше подсобки так и покатилась, по наклонной плоскости. И что же вы думаете? За мной с криком лезет Величаева и прыгает.

— Может быть, вам показалось? Вы не ошиблись?

— За кого вы меня принимаете! Я ведь от страха совсем протрезвела.

— Ну, хорошо, одна Снегурочка — Величаева, а две другие кто?

— Как я могла разглядеть? Мне не до того было. Я жизнь свою пыталась спасти.

— Вас могли разыграть. Вы сами говорите, что много выпили. Наконец, вам могли что-нибудь такое подлить в бокал.

— Ну, не знаю. Выскочила я на улицу. Уже моросило. Я искала такси. А уже поздно, машин нет. И еще вот что: я когда бежала, услышала выстрел за спиной, и женские голоса кричали, как будто ссорились.

— Вы думаете, это Снегурочки ссорились?

— Да, я так думаю. У вас сигареты есть?

— Я не курю.

— Жаль.

— И вам бы не надо. Это же вредно для голоса.

Грушева с досадой отмахнулась.

— А Величаеву вы потом видели?

— Нет.

Грушева теперь выглядела осунувшейся, усталой. В окно было видно, что

небо посветлело. Степанов подумал, что скоро соседи по подъезду поведут выгуливать собак.

— Я думаю, что это Сафьянов и Молочкова устроили. Больше некому, — произнесла Грушева.

Ее знобило. Она плотнее закуталась в куртку следователя, отвернулась от него и посмотрела в окно.

— Послушайте, возле вашей машины какие-то мужики ходят.

Степанов тоже посмотрел. Нет, певица не ошиблась. Возле машины и вправду ходили какие-то темные фигуры.

— Посмотрите, в кармане нет мобильного? — попросил Степанов.

— Нет. Ничего нет.

Степанов снова посмотрел в окно. Да, какие-то подозрительные типы. И вдруг по лестнице зашуршали чьи-то шаги.

— Вася, Вася, — донесся знакомый голос.

Это была Маша, в халате, босые ноги в шлепанцах, голова повязана пестрой косынкой. Она с неподдельным интересом рассматривала собеседницу мужа.

— Познакомься, Машенька, — начал Степанов, чувствуя комизм ситуации. — Это вот Ирина Анатольевна Грушева, певица, солистка Большого театра.

Женщины сдержанно поздоровались. Выглядели они, конечно, забавно: одна полусонная, в халате, другая — в испорченном дождем оперном костюме.

— Маша, ты мобильник случайно не захватила с собой? — любопытствовал Степанов.

— Представь себе, нет, — в голосе жены послышались насмешливые нотки.

Степанов снова глянул в окно. Неизвестные дергали дверцы его машины. Дальше медлить не имело смысла. Он кинулся вниз по лестнице.

Увидев Степанова, потенциальные угонщики на мгновение замерли. Следователь шагнул им навстречу. В руке одного из злоумышленников блеснул лом. Он держал оружие в левой руке; должно быть, был левшой. Степанов наставил на этого наглеца пистолет.

Внезапно Степанов почувствовал резкую боль в кисти. Второй нападавший ударил его резиновой дубинкой со стальным стержнем. Удар пришелся по пистолету и задел кисть. Пальцы Степанова были разбиты в кровь. Пистолет, гроыхая, проскакал по крышам припаркованных автомобилей.

Нападавшие поспешили воспользоваться короткой растерянностью Васи-

лия Никитича, быстро заломили ему руки за спину, пригнули его к капоту машины, намереваясь ударить головой о капот. Но Степанов недаром был человеком тренированным. Он ухитрился подтянуться, обхватывая руки противников, затем двинул их пятками по ногам. Негодяи невольно ослабили хватку. Тогда Степанов саданул их локтями в подбородки. Теперь он был свободен и побежал.

Бандиты ринулись за ним. Он вскочил на капот своей машины. Сигнализация заработала бешено. Он бил бандитов ногами, в голову, в грудь, куда придется. Вокруг пели и гудели сигнальные устройства автомобилей. Вот-вот должны были проснуться жильцы соседних домов. Но вошедшие в раж бандиты уже не думали о том, что люди могут вызвать милицию. Степанов не мог не заметить, что его противники находятся в отличной физической форме. Бандиты колотили Степанова дубинками там, куда могли дотянуться. Лом валялся неподалеку, резко отброшенный. Нападавшие вскочили на крыши соседних автомобилей, чтобы удобнее было подбираться к жертве. Краем глаза Степанов заметил юркую «А4», мигавшую фарами. Каза-

лось, машинка мигала, призывая громил скорее покончить с ним.

Один из нападавших прыгнул к Степанову. Крыша задребезжала. Но Степанов был начеку. Мощный удар в пах опрокинул громилу. Тот скатился вниз и боковым зеркалом рассек висок. Пытаясь удержаться, он дернул Степанова за рубашку, плотная материя затрещала по швам.

Второй нападавший, увидев печальную судьбу своего сотоварища, угомонился. Он бросил дубинку, подхватил пострадавшего под мышки и потащил. Теперь они должны были добраться до машины, на которой приехали. Из машины вышли водитель и огромный плечистый мужик. Степанов поднял с земли дубинку и погрозил в их сторону. Они сделали шаг назад. Степанов вспомнил о женщинах, оставленных в подъезде, и поторопился вернуться.

На лестничной площадке он никого не обнаружил. В квартире же застал тишь, гладь да божью благодать. Маша и переодетая в одно из ее платьев Грушева дружески пили чай.

— Ну вот, — начала жена, — Ира мне все рассказала. — Чувствовалось, что ей льстит знакомство с артисткой. Но тут

же Маша заметила, как выглядит ее муж. —
Вася! Что с тобой? Немедленно в ванную!

Когда Степанов вернулся на кухню, ему оставалось лишь присоединиться к чаепитию.

— Так что же все-таки случилось? —
спросила Маша.

Грушева смотрела на следователя испытующе.

— Да в общем ничего страшного. Машину хотели угнать.

— О господи!

Но Степанову сейчас не хотелось всех этих охов и вздохов. Поэтому он поспешил переключить внимание жены на что-нибудь другое.

— Маша, а почему мой мобильник красуется посреди стола?

— А это мы с Ирой решили записать ее показания, то есть все, что она мне рассказала.

— Молодцы, — похвалил Степанов.

— Пойдем, Ира, я тебя уложу, ты ведь всю ночь не спала. — И Маша увела Грушеву в гостиную, где обычно ночевали припозднившиеся гости или приезжие родственники.

Сцена тридцатая

Битнев и Степанов направлялись в кабинет Даниила Евгеньевича. Теперь он должен был предстать перед ними не в роли приятеля-коллеги, но в роли грозного начальника.

— Грядет гроза, — Битнев подтолкнул Степанова локтем.

Даниил Евгеньевич выпрыгнул из-за стола на красную ковровую дорожку, которая порою становилась для подчиненных страшной «дорогой смерти».

— Рапорт, Степанов! Где рапорт?

— Да я... — Василий Никитич не мог понять, что же ему грозит: то ли уволить хотят, то ли дело не позволят дальше вести, то ли он должен предъявить начальнику рапорт, то ли сам начальник чего-то ему не предоставит.

— Где плеер? — сурово спросил Даниил Евгеньевич.

— Вот, — Степанов покорно протянул плеер.

— Ты что же, с диктофоном ко мне в кабинет ходишь? Записывать меня собрался?

— Нет, я как раз и собирался отнести вам диктофон, — соврал Степанов.

— Включайте, — приказал Даниил Евгеньевич.

Степанов включил, и тотчас раздался голос Молочковой. Степанов перемотал на голос охранника.

— Почему стерта часть важной информации? — рассердился Даниил Евгеньевич.

— По неосторожности, — бойко отпартовал Степанов.

— Надо было записать на диктофон мобильника.

— Я записал.

—Что?

— Показания певицы Ирины Грушевой, то есть ее заявление.

Теперь они внимательно слушали Грушеву. Она утверждала, что Тимошенков, как только Антон Томский, напуганный собственным выстрелом, выскочил из уборной матери, ворвался туда, в свою очередь, и нанес Томской множествен-

ные телесные повреждения, фактически несовместимые с жизнью.

— Но ведь согласно медицинскому заключению Томская скончалась от инсульта, — вмешался Даниил Евгеньевич.

— Но ведь от травматического инсульта, — уточнил Степанов.

— Не морочьте мне голову! Там было черным по белому написано: «от инсульта», а не «от травматического инсульта». Эта Грушева просто-напросто поссорилась с Тимошенковым и теперь катит на него бочку. Ох уж этот Большой театр, террариум единомышленников!

— А как же Молочкова, подруга Грушевой? Недавно она утверждала, что на Томскую напал ее бывший муж, а теперь солидарна с Грушевой.

— Ну, и что же теперь делать? Эксгумировать труп?

У Степанова засосало под ложечкой. Как быть? Признаться во всем? Рассказать Даниилу Евгеньевичу о том, что вместо Томской похоронили другую женщину? Но ведь во всем этом замешан родной сын Степанова.

— А что это у вас за синяк на лбу? — полюбопытствовал начальник.

— На меня напали, пытались угнать машину.

— Профессиональные угонщики?

— У профессиональных угонщиков не бывает таких дубинок.

— Каких именно?

— Сейчас покажу, я за дверью оставил.

Но прежде чем Степанов повернулся к двери, Битнев принес дубинку, брошенную громилами на месте преступления.

— Да, специальное оружие, — сказал Даниил Евгеньевич, рассматривая дубинку, — со стержнем. Но ты знаешь, это ничего не доказывает. В наши дни преступники вооружены гораздо лучше, чем милиция.

— А по-моему, очень даже доказывает. Кому-то необходимо, чтобы дело велось в определенном направлении.

— Нет, это безнадежно, — заявил Даниил Евгеньевич. — Нет никаких оснований для эксгумации. И никакой врач не изменит диагноз, не поставит вместо простого инсульта этот ваш «травматический».

— Но такого врача ведь можно найти. И еще... Тут Грушева предложила интересную идею.

— Какую?

— А вот какую: я надеваю костюм ста-

тиста и присутствую на сцене во время спектакля. Таким образом, безопасность артистов будет обеспечена и появление дополнительных Снегурочек я уже не пропущу.

Даниилу Евгеньевичу идея понравилась.

— Представляю тебя в пейзажном костюме да еще и с посохом в руке. — Начальник рассмеялся. — И петь будешь?

— Придется.

Даниил Евгеньевич и Битнев расхохотались.

— Кстати, Андрей Алексеевич, — начальник посерьезнел. — Вы будете находиться на сцене вместе с коллегой Степановым!

Сцена тридцать первая

Маша отправила Степанова на Птичий рынок за кормом для Чумарика, а также за другими аксессуарами собачьей жизни: специальным шампунем, средством от блох и прочим. Сама она намеревалась съездить в гости к своей маме, которая зятя недолюбливала и полагала, что дочь вполне могла бы выйти замуж более удачно.

Проехав километров пятнадцать по МКАД, Степанов неожиданно заметил знакомую «А4», которая из правого ряда быстро переместилась поближе к нему. Юркое авто, пройдя через поток других транспортных средств, приклеилось к степановской «Ладе». Нет, он не ошибся, это была та самая машина, на которой прибыли ночные громилы.

Степанов лихорадочно набирал по мобильнику номера ГИБДД и СОБРа. А в это время «А4» мигала тормозными фонарями, заставляя его машину при-

жаться к разделительной стенке и остановиться. Сзади на хвост сел корейский джип.

Наконец Степанову удалось дозвониться до ГИБДД и сообщить номера преследователей, но он прекрасно понимал, что милицейский «Форд» не появится тотчас же, как по мановению волшебной палочки. Да, эти негодяи рассчитали все точно. Они дожидались Степанова как раз между постами у двух крупных шоссе.

У Степанова не было с собой оружия. Приходилось полагаться только на свое шоферское искусство. Из левого ряда он быстро свернул в правый, надеясь съехать с МКАД и уйти от преследователей боковыми улочками. На повороте его «Лада», к несчастью, попала в глубокую колдобину. Гроыхнула выхлопная труба. «А4» подрезала «Ладу», появившись впереди. Рядом притормаживала «Ауди». Это сближение Степанову совсем не понравилось. Он выжал тормоза.

Из «А4» и джипа выскочили шесть добрых молодцев и окружили бедную «Ладу». Бандиты были вооружены резиновыми дубинками. Дубинки загуляли по корпусу машины Степанова; нападающие не пытались, впрочем, вытащить

следователя наружу. Степанову казалось, будто удары приходятся по животу и по груди, такими мощными они были. А тут еще и жалобный скулеж пекинеса. Он взял с собой Чумарика на Птичий рынок, чтобы давать ему на пробу разные сорта корма.

Крыша машины уже прогибалась. Стекло покрылось трещинами. Дубинка пробила стекло и едва не задела Степанова, судорожно сжимавшего в руке бесполезный мобильник.

Но внезапно нападение завершилось. Бандиты поспешно скрылись. Степанов вышел из машины, которая теперь, по всей вероятности, не подлежала восстановлению. Мимо него разворачивался поток машин. Водители пугливо оглядывали изувеченный автомобильчик, но никто так и не остановился, чтобы помочь.

«Вот они какие, — подумал Степанов. — Думают, что пронесет, что беда обойдет их стороной!»

Сцена тридцать вторая

Томская сулила бывшему физкультурнику золотые горы. В конце концов он согласился. Втроем — Томская, Валерий и физкультурник — они проникли ночью в костюмерную. Они рылись в грудах театральных костюмов, когда внезапно захрустело оконное стекло и в комнату прыгнул Антон. Томская сейчас же сочла его появление своего рода перстом судьбы. Она снова обретала сына! Галина отчаянно вскрикнула. В последнее время она настойчиво училась говорить, но пока у нее это плохо получалось. Услышав странный гортанный возглас, Антон кинулся бежать. Галина Николаевна поняла, что он или не узнал ее, или испугался. Почти инстинктивно она хотела броситься за ним, но тут в коридоре промелькнули люди в штатском. А вот этих людей уже должна была опасаться она. Томская вовсе не хотела связываться с оперативниками.

Томская и ее подельники побежали в разные стороны. Преследователи отстали. Да Томская и не была уверена в том, что охотятся именно за ней. Она спустилась в подземный ход. Сначала она медленно кралась, затем побежала быстро, будто что-то подстегнуло ее. Наконец она наткнулась на мертвое тело. Этого человека застрелили. Все то же странное инстинктивное чувство заставило ее наклониться. Убитый оказался совсем молодым человеком. Она узнала его. Это был Антон! Галина припала к мертвому телу единственного сына. Из рта вырывались безумные стоны. На несколько мгновений она потеряла сознание. Затем медленно поднялась с колен. Теперь ей оставалось лишь одно: мстить. Сама судьба отнимает у нее все и толкает на отчаянное мщение. И ведь она знает, что она великая артистка. Да, она отомстит, отомстит всем. И никто не найдет ее, никто не увидит, как она терзается, как она торжествует. А потом она поступит в самую лучшую клинику. И у нее будет новое лицо. И она обретет второе дыхание, к ней вернется ее великолепный голос. И она споет. О, как она споет! Мих-Мих и ему подобные будут сражены. Да, у них

есть деньги, есть власть, но никакими талантами они от природы не наделены.

И вдруг она снова опустила голову и встала на колени у трупа сына. Она горько плакала. Начался приступ головной боли. Эти приступы стали мучить ее после страшной травмы. Ей даже случалось забывать, где она находится и что делает. Но на этот раз она вскоре пришла в себя. Валерий и физкультурник смотрели на нее. Они подхватили ее под руки и повели. Потом она взяла инициативу в свои руки и сама повела их через лабиринт театральных коридоров. Ей вдруг пришло в голову, что для того, чтобы самой остаться безнаказанной, вероятно, придется подставить беднягу Валерия и физкультурника. Да все равно. Это конченные люди. Им уже ничего не светит, кроме смерти под забором или тюрьмы.

О том, что классическую постановку оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» намереваются сменить на модернистский спектакль того же названия, но по музыке Чайковского, и поменять оперу на балет, Галина Томская узнала, бродя тайком по театру. Ей это тоже не понравилось. А потом выяснилось, что оперу все же не снимут с репертуара. Более того, партию Снегурочки должна петь Ве-

личаева. Томская представила себе, как эта гнусная узурпаторша будет пожинать аплодисменты и прижимать к груди букеты. Нет, мщение и только мщение.

Томская и ее друзья-бомжи проникли в театр в день спектакля. На их верность она полагалась. Вчера ей пришлось стоять на стреме, пока бомжи пытались ограбить рыночных продавцов колготок. Кое-что действительно удалось украсть. Свою долю Галина использовала для того, чтобы поставить угощение и водку своим приятелям. Она полагала, что этим укрепила их преданность. Но плохо было то, что в пьяном виде они могли как-то не так повести себя.

Томская думала, что перехитрила всех, кто ее уже выслеживал. Они ждут Снегурочку? Очень хорошо. А она переоденется поселянкой из царства Берендея. Она умела гримироваться и могла кого угодно загримировать. Валерию и физкультурнику достались костюмы поселян. Валерке она собственноручно наклеила усы и бороду, да еще и пастуший кнут вручила, а физкультурнику повесила через плечо гусли на ремешке. Никто ничего не заметил, потому что в связи с затяжным ремонтом в театре царил хаос, и можно было хоть все костюмы украсть!

И вот она стояла среди хористов и открывала рот, делая вид, будто поет. Это она-то, великая певица.

А мы дадим девицу, девицу.

Ой, дид-ладо, девицу, девицу, -
начинала одна сторона хора.

А нашего полку прибыло, прибыло.

Ой, дид-ладо, прибыло, прибыло, —
отвечала другая сторона, где стояли Валерка и бывший физкультурник.

И тут вдруг на сцене появились еще два статиста. Галина ужаснулась. Да, как низко пал театр после ее исчезновения! Она бы таких близко к сцене не подпустила. Эти двое ступали настолько не в такт, настолько демонстративно открывали рот и не пели...

Поселяне сходились в хороводе. Рука Томской оказалась в руке одного из только что появившихся поселян. Она не обратила на это внимания, сейчас она не сводила глаз со Снегурочки — Величаевой, которую держал за руку Мизгирь — Тимошенков.

— Гадина! — вдруг вырвалось у Галины. Впервые после страшной травмы ей удалось произнести слово.

Державший ее за руку поселянин взглянул на нее с любопытством.

Она посмотрела на него с досадой и

тотчас же забыла о нем. Яркий луч солнца озарил Снегурочку. Величаева пела в истоме:

...О, мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега
Томящая течет во мне!..

...Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О, милый,
Последний взгляд Снегурочки — тебе.

Снегурочка направилась к костру. Она неминуемо должна была пройти мимо Томской.

Мизгирь запел отчаянно:

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня,
Снегурочка, обманщица — не ты.
Обманут я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги —
Обманщики, не стоит жить на свете!

Мизгирь взбежал на Ярилину гору. Отсюда он должен был броситься вниз, то есть перестать быть видимым зрителям.

Томская шагнула к Величаевой, но сжимающая ее пальцы рука неуклюжего пейзажника не давала ей двинуться дальше.

— Пусти! — прошипела она. Это было второе слово, произнесенное ею после травмы. Но странный статист держал ее крепко, явно не желая, чтобы она подошла близко к солистке. Томская догадалась, что ее все-таки выследили. Свободной рукой она успела сунуть пистолет,

который был у нее, за пазуху Валеркиного кафтана.

Валерка и физкультурник отступали к занавесу. Томская не могла двинуться с места. Загадочный поселянин крепко сжимал ее руку.

Зал рукоплескал Величаевой. Особенно неистовствовали те самые клакеры, которые прежде так рьяно аплодировали Томской.

Но откуда же взялось столько Снегурочек? Вот одна из них медленно кралась по коридору, тускло освещенному мерцающими лампами. Кто это? Сегодня она намеревалась осуществить намеченное. Сегодня с ней должны были столкнуться те, встречи с которыми она так добивалась.

Эта Снегурочка не была артисткой, но довольно долгое время ухитрялась пугать театр. Теперь она направлялась к уборной Галины Томской, куда перебралась Величаева.

Вдруг погас свет, но призрак не обратил на эту помеху никакого внимания. Это существо знало дорогу и прекрасно ориентировалось в лабиринте театральных коридоров. Все это происходило в полнолуние. Сарафан Снегурочки приобрел зловещий мертвенный оттенок, ко-

кошник искрился. Казалось, растаяв в костре, она теперь воскресла из мертвых.

Вот и круглая бронзовая ручка двери, ведущей в бывшую уборную Томской. Еще мгновение, и сюда проскользнет таинственная Снегурочка. Именно отсюда началась цепочка страшных преступлений. Вот с легким скрипом приоткрылась дверь. И тут привидение вдруг вскрикнуло от страха и изумления. Наверно, призраки тоже могут пугаться.

А пугаться было чего. Перед Снегурочкой очутилась... опять же Снегурочка! В руке она держала пистолет. На ней также был надет театральный костюм, сверкавший мишурными блестками. Первая Снегурочка резко отпрянула. Вторая вытянула руку с пистолетом. Третья Снегурочка в коридора повисла на бронзовой ручке двери и тянула дверь изо всех сил на себя. Прогрели выстрелы. Дымил и крутился литой барабан.

Одну из Снегурочек Степанову удалось одолеть. Сарафан сидел на ней мешковато. Это была... билетерша. Впрочем, и сам следователь выглядел достаточно нелепо, потому что и он был... в театральном одеянии... Снегурочки.

На звуки выстрелов из соседней уборной выглянул Тимошенко.

— А с вами мы еще поговорим, — пообещал ему Василий Никитич.

Освещая путь карманным фонариком, следователь конвоировал билетершу. Он только что отнял у нее оружие. Страх не прошел. Степанову все еще казалось, что на него вот-вот нападут. Но его не тронули.

Василий Никитич вдруг заметил, как блестят серьги Снегурочки в ушах билетерши.

— Это вам случайно не Ирина Анатольевна Грушева подарила? — спросил следователь, указывая на сережки.

За кулисами Битнев тащил упиравшегося Валерку в костюме крестьянина сказочной страны. Приклеенная борода мнимого статиста почти оторвалась и едва держалась.

— Представляешь, — воскликнул Андрей Алексеевич при виде коллеги, — я этого идиота вычислил по запаху. Несет от него, как из помойки.

Валерку тотчас обыскали и отобрали пистолет. Количество пистолетов неуклонно увеличивалось.

Все удивленно взирали на Томскую, внезапно воскресшую из мертвых. Лицо ее выглядело кошмарно, но зато к ней окончательно вернулся дар речи, вероят-

но, от потрясения. Теперь она осыпала упреками растерянного Сафьянова.

— Как тебе не стыдно, Миша! Как ты себя ведешь! На кого ты променял меня?

Премьер слушал молча, лицо его выражало крайнюю степень смущения.

Молочкова поторопилась сбежать. Степанова вдруг что-то словно толкнуло. Он поднял голову. С верхней площадки служебной лестницы на него испуганно уставилась Грушева.

Когда следователь распорядился отыскать Тимошенкова и Величаеву, их в театре не оказалось.

Сцена тридцать третья

Степанов и Битнев подъезжали к загородному дому Тимошенкова. Вчерашний день выдался хлопотливым, но и сегодняшний не обещал спокойствия.

Тимошенкова они застали на кухне. Он смотрел «Тоску» на видео.

Исполнитель роли Мизгиря щелкнул пультом. Изображение исчезло, голоса певцов умолкли. Тимошенков светски улыбнулся гостям:

— Что предпочитаете? Чай или кофе? Василий Никитич и Андрей Алексеевич предпочли чай. Отпив глоток, Степанов обратился к хозяину:

— Ну, Сергей Сергеевич, рассказать вам, как было дело, или сами расскажете?

Андрей Алексеевич с любопытством поглядывал на Тимошенкова. У того задрожали руки.

— Я ничего не знаю, — произнес Тимошенков дрогнувшим голосом. — В чем вы меня обвиняете?

— Да мы, собственно, ни в чем вас не обвиняем, это не наше дело — обвинять. А мы просто хотим рассказать вам, как все было. Если что-то не так, вы нас поправите. Итак. Когда Антон выстрелил в мать, вы находились в соседней гримерной. Когда парень убежал, вы ворвались к Томской и стали избивать ее, колотили о комод, о стены. Галина Николаевна опешила. Она, конечно, не ожидала от вас подобного нападения. Немного опомнившись, она схватила стул и сумела швырнуть стул в окно. Она и сама кинулась к окну, чтобы позвать на помощь. Но вы настигли ее и снова принялись избивать. Потом появился Михаил Михайлович Сафьянов вместе со своими телохранителями. Его сопровождал директор Скромный. Вот кого вы совсем не ожидали. Вы ведь знали, что Сафьянов охладел к Томской, у него возникли другие театральные привязанности. Но вы не учли, что Михаил Михайлович все еще навещает иногда Галину Николаевну по старой памяти. И вот вас застали на месте преступления. Премьеру Большой театр далеко не безразличен, ведь это важный федеральный объект. Сафьянов и Скромный подбежали к вам. Но вы полностью потеряли контроль над собой,

впали в настоящее неистовство. Охранники Сафьянова с трудом оттащили вас от несчастной женщины. Ну, а дальше Томскую доставили в клинику театра.

— Я не избивал Томскую, — резко возразил Тимошенко. — Ее бил Антон. Меня можно обвинить только в том, что я не вмешался.

— Вы, я вижу, сильная личность. Но мы никак не можем согласиться с вашими утверждениями. Нет, Антон не бил мать. Да и выстрел его не мог причинить ей вреда. Все патроны в барабане были холостые. Их подменил Юпитер, приятель Антона. Он сделал это по просьбе Томской, которая намеревалась проучить сына. Когда он выстрелил, она нарочно притворилась раненой. Галина Николаевна полагала, что после такого потрясения сын начнет вести себя иначе, да и ей будет легче контролировать его поступки, используя его чувство вины. Но все, как мы знаем, вышло совсем не так, как она задумывала. Кстати, пистолет, из которого стрелял Антон, покупал Юпитер. Но перед этим Юпитер обратился к вам, и вы велели приобрести три одинаковых пистолета. Вы обложили беднягу Антона, как волка. Потому что

Юпитер — ваш сын, ваш и Анастасии Макаровны Величаевой.

— Вы знаете? Откуда? Как? — вырвалось у Тимошенкова.

— Да, мы все проверили, и все теперь знаем. Вы поженились на Урале, в Шадринске. Потом перебрались в Москву. Вам помогал старший брат, преподаватель Гнесинки. С Анастасией Макаровной вы развелись, вот тогда-то она и стала разыгрывать вечно молодую красавицу. Кстати, у вашего сына, помимо клички Юпитер, имеется и совершенно обыкновенное имя и отчество: Максим Сергеевич. Мы запросили загс в городе Шадринске. Вы, Величаева и Юпитер в Москве составили дружное трио и твердо решили утвердиться в Большом на первых ролях. Вы скоро заметили, что Томская стареет, спивается. И вы решили добить больную львицу. Вы изображали душевного друга, Величаева — лучшую подругу, Юпитер — юного любовника-геля, сироту.

На деревянной лестнице раздались легкие шаги. На кухню, где происходило странное чаепитие, вошла Величаева, одетая так, будто собралась на прием в Кремль. Однако выглядела она все же не очень хорошо. Анастасия Макаровна тя-

жело дышала, глаза ее были явно заплаканы. Она оглядела собравшихся за чайным столом.

— Что вы понимаете в нашей жизни, в жизни артистов? — Певица решительно перешла в наступление. — Честному человеку невозможно сделать карьеру в Большом.

— Анастасия Макаровна, в любой сфере путь вверх отнюдь не легок, но не обязательно совершать преступления, — возразил Степанов.

Величаева вынула из кармана изящного жакета кружевной платочек и вытерла глаза.

— Нет, вы ничего не понимаете, — настаивала она. — Ведь я и Сережа, мы так любили друг друга! Но пришлось развестись, супружеской паре труднее пробиваться. А если речь идет об артистке, то ей лучше быть свободной от брачных уз. Ведь всегда может найтись влиятельный покровитель... Короче, вы понимаете...

Тимошенко подошел к Величаевой и решительно обнял ее:

— Нам пришлось скрывать нашу любовь.

— А ваш сын, он ведь снимал видеокамерой сцены в спектаклях, где была занята мать?

— Да.

— Но мы знаем, что вы и его пристроили.

— Макс — одаренный мальчик, его место — на сцене Большого, и отнюдь не в кордебалете.

— Но для того чтобы он это место занял, вам, Анастасия Макаровна, надо было стать примой.

Тимошенков и Величаева молчали.

— Да, надо быть очень сильными личностями, чтобы вести такую жизнь, скрывать свою любовь, скрывать то, что вы — настоящие муж и жена. А как ловко вы, господин Тимошенков, пытались замести следы, когда написали заявление о предполагаемом убийстве Галины Томской неизвестными. Вы знали, что Сафьянов — трус, что он боится, как бы не была запятнана репутация Большого, и поэтому не выдаст вас. Но все же Сафьянов приказал вам забрать заявление.

Наверху снова послышался шорох.

— Кто там у вас еще? — спросил Битнев.
— Юпитер? Спускайтесь, Максим Сергеевич, не стесняйтесь.

Бледный Юпитер вскоре появился на кухне и присоединился к родителям. Все трое стояли понурившись. Степанов продолжал свою речь:

— Но вам, господин Тимошенков, мешал и Скромный. Да, он недолюбливал Томскую, но и вас, и Величаеву не очень-то жаловал. Скромный был не только свидетелем вашего преступления. Вы знали, что после исчезновения Томской он будет продвигать Грушеву. И тут вы обратились к уже известному нам охраннику и его супруге-билетерше. Эти законопослушные граждане открыли в Большом настоящее агентство по устранению кому-либо неугодных лиц в театре. Разумеется, они действовали отнюдь не бескорыстно, а получая за свои деяния деньги и дорогие подарки. На лесах остался отпечаток подошвы обуви охранника. Он иногда надевал театральную обувь. Но я продолжаю. Вам мешал и сам премьер, ведь он явно благоволил к Молочковой и Грушевой, а вовсе не к вам, Анастасия Макаровна, хотя вы и были готовы сделаться его любовницей.

— Нет! — воскликнула Величаева.

— Простите, если сказал лишнее. Но все же. Супружеская пара, Тимошенков и Величаева, покусилась на самого премьера. Это преступление вы тщательно планировали. Прежде всего вы бросили тень подозрения на Виталия Давыдовича Томского, на того самого Виталика, быв-

шего супруга Томской. Я не знал, что вы там наобещали Молочковой, но она нарочно солгала мне, когда сказала, что Галину Николаевну избивал в ту роковую ночь ее бывший муж, а не вы. Бросить тень подозрения на Томского было не так уж трудно. Он частенько захаживал в театр в неурочные часы. Все знали, что он по-прежнему ревнует Галину Николаевну. Ему даже приходила в голову мысль об убийстве самого Сафьянова. Но Твердо решили убить премьера именно вы. Охранник или билетерша подмешали яд в пирожные. Жертвой этой авантюры стал ни в чем не повинный молодой человек, студент...

Тимошенков вдруг отвернулся и вынул из ящика стола какую-то бумагу.

— Вот. Это ксерокопия признания Антона в убийстве матери. Эту бумагу он написал, когда приехал ко мне на другой день после того, как стрелял в Галину. Я спал, когда он собрался уезжать. Он оставил свое признание на столе. Потом вернулся, хотел забрать бумагу, но я уже успел ее скопировать, а когда вошел Антон, я притворился спящим.

— У вас дома ксерокс?

— Да, у меня отличный компьютер и все прочее.

Битнев аккуратно спрятал признание Антона в папку.

— Итак, — продолжал Степанов, — ваши преступные действия были достаточно успешны. Но наконец пришло время убрать и охранника. Я не сомневаюсь, что, именно подчиняясь вам, он в диктофонной записи оговорил Овчинникова. Билетерша, жена охранника, знала далеко не все. В тот вечер Анастасия Макаровна не ушла из театра. Это она выключила свет. На этот счет мы располагаем показаниями билетерши.

— Ложь! — закричала Величаева.

— Вы, господин Тимошенков, устроили так, что телохранители премьеры открыли огонь и охранник был убит. Виталия Давыдовича также отравили вы. Соседи Томского опознали вас по фотографиям. Они запомнили, как вы бегали за спиртным. Вы напоили Томского и отравили его.

— Папа, это правда? — потрясенный Юпитер переводил взгляд с отца на мать.

— Это бред, — решительно возразил Тимошенков.

— Вы, Анастасия Макаровна, стали должницей билетерши. Ваш сын узнал Галину Николаевну, когда она в сопровождении двух бомжей явилась в квартиру

Антон. Юпитер испугался и решил сбежать, чтобы окончательно выйти из игры. А между тем Томская продолжала рассчитывать на него как на сообщника. Отпустив своих приятелей, Томская вернулась в квартиру и пообщалась с Юпитером. Он обещал ей свою помощь, но на самом деле больше не собирался помогать ей. Когда Томская стояла на сцене, переодевшись Снегурочкой, она пристально всматривалась в зрительный зал, ища Юпитера. Но его там не было, зато она заметила билетершу, на которую тоже возлагала определенные надежды.

Юпитер кусал губы.

—Ваши карты спутало появление привидений. Я не совсем понимаю, впрочем, почему билетерша переделалась в костюм Снегурочки. Неужели вы ей посоветовали?

—Конечно, нет. Она сказала, что сама найдет способ.

—Хорошо, что вы наконец стали давать признательные показания. Я думаю, что Молочкова и Грушева тоже решили в шутку попугать Сафьянова. Но все эти мистификации слишком далеко зашли. А выжившая Томская уже пылала мстью. И прежде всего она хотела разделаться с вами, Анастасия Макаровна,

ведь Галина Николаевна считала, что вы отняли у нее роль. Нервы ваши сдали, вы заперлись дома. И тогда вас заменила Грушева. И наконец, во время вечеринки после спектакля появились целых четыре Снегурочки одновременно. Опьяневшая Грушева; Молочкова, желавшая разыграть подругу; Томская, которая играла вас, и вы — с ножом.

Лицо Величаевой вспыхнуло:

— Я устала бояться. Я решила прийти в театр, одеться в костюм Снегурочки и прирезать того, кто на меня охотится, кто бы это ни был.

— Но вы увидели у Томской пистолет. И тогда вы кинулись бежать и в ужасе прыгнули в окно вслед за Грушевой, тоже потерявшей рассудок от страха. А потом Грушева, в свою очередь, наняла ту же билетершу, чтобы она прикончила вас. Неутешная вдова-билетерша все равно собиралась увольняться из Большого. Но вместо вас в виде Снегурочки явился я. Билетершу и сообщника Томской удалось задержать. Оба были вооружены пистолетами.

— В вашей стройной конструкции имеется одно лишнее звено, — сказал Тимошенко. — Поэтому вся конструкция и представляется мне шаткой. Это звено —

смерть Антона. По-вашему, и его я заказал?

— Возможно, что и нет. Но вы хотели его смерти. Билетерша оказала вам большую услугу, проявив инициативу. Антон опознал ее в костюме Снегурочки, у нее был его телефон. И похожий телефон был у Молочковой. А вот пистолеты были распределены следующим образом: один — у охранника нашелся, второй — у Антона, потом этот пистолет попал к Томской, и третий — у билетерши. Ваша, молодой человек, работа, — обратился Степанов к молчащему Юпитеру.

— Есть кое-что, чего вы не знаете, — хмуро заговорил Юпитер. — Томская подговорила врачей в поликлинике, чтобы они лишили мою мать певческого голоса. Так что Галина Николаевна — тоже не ангел и получила по заслугам.

Степанов оглядел дружное семейство:

— Анастасия Макаровна, Сергей Александрович, Максим Сергеевич, мы вас сейчас оставим, а вы подумайте над тем, как изложить свои показания.

Тимошенко вздохнул с явным облегчением, но на всякий случай спросил:

— А если мы сбежим?

— Вы не сбежите. Только попробуйте скрыться, и сразу ваши партии будет

петь Байков, а вас, Анастасия Макаровна, заменит Грушева. Она, кстати, тоже бежать не решится, потому что ей в затылок дышит некая Амалия. А у Амалии поддержка весьма мощная. Так что никуда вы все не сбежите. Ведь театр для вас — это все!

Когда Степанов и Битнев уже шагали к своей машине, Андрей Алексеевич заметил пруд недалеко от дома Тимошенкова.

— Наверно, здесь и караси водятся, — задумчиво произнес следователь.

В тот же день Степанов докладывал Даниилу Евгеньевичу о своих успехах.

— Итак, возможны три версии. Первая та, в которой главным действующим лицом будет Тимошенков. Вторая — в центре которой оказывается билетерша.

— Ну, эта дама так или иначе попадет в психбольницу, — хмыкнул Даниил Евгеньевич.

— И, наконец, возможна и третья версия, вот такая: Антон убивает мать из-за денег. Скромный погибает из-за халатности строителей-ремонтников. Виталий Давыдович Томский покушался на жизнь Сафьянова, но случайной жертвой стал студент. Потом Томский, то есть Виталий Давыдович, покончил с собой посредством отравления.

— Допустим. А как же охранник?

— Причина смерти — неосторожное обращение с оружием.

— А может быть, с охранником покончил Антон Томский? — осторожно предположил Даниил Евгеньевич.

— Пожалуй, нет. А вот версия смерти самого Антона: он застрелился. Оружие, из которого он застрелился, было похищено неизвестными. И, значит, на какой версии остановимся?

Даниил Евгеньевич вынул из ящика стола ксерокопию признания Антона, того самого, которое он написал в доме Тимошенкова.

— Главное: Антон Томский убил мать. А ты, Степанов, пойдешь на повышение. И кстати, тебя искала певица Грушева. Думаю, она хочет пригласить тебя на очередной спектакль в Большом. Ты, я вижу, настоящим театралом становишься. И вот еще, личная просьба к тебе. Михаил Михайлович просит тебя проводить Галину Николаевну Томскую в аэропорт.

— Куда же она летит?

— Кажется, на Кипр или на Мальту, не знаю точно. В аэропорту будет ясно. Сафьянов устроил. И не забывай о режиме полной секретности. Томская офици-

ально мертва. Летит она как Марина Лазарева.

— Будет сделано, — ответил Степанов.

— Да, это еще не все. Ты песика то ей верни.

— Верну, — пообещал следователь.

Дома пришлось нести Маше разную чушь о том, в частности, что собачку захотела взять тетка покойной Томской. Маша горестно вздыхала, расставаясь с Чумариком.

В аэропорту песик сразу узнал хозяйку и завилял хвостиком. Томская теперь выглядела вполне прилично. На ней было новое платье, модный плащ, шикарные туфли. Но узнать ее могла только собачка, потому что лицо певицы оставалось неузнаваемым, сплошь покрытое шрамами и рубцами. К удивлению Степанова, провожать Лазареву, то есть Галину Томскую, явилось семейство Тимошенковых — Величаемых в полном составе. «И это называется режим секретности!» — подумал иронически Степанов. Все трое поздоровались со следователем весьма сдержанно, а Тимошенков, уловив момент, даже шепнул ему на ухо:

— Я на вас в суд подам за клевету.

— Не советую, — так же шепотом отвечал Степанов.

Василию Никитичу почему-то казалось, что он видит Томскую в последний раз. Галина Николаевна так ничего и не узнала о родственной близости Тимошенкова, Величаевой и Юпитера. Она оставила Юпитеру ключи от своей квартиры:

— Присматривай, Макс, пока меня не будет. Ты у меня теперь как память об Антоне. — Томская всхлипнула и вручила Юпитеру пачку денег. Он взял. Между прочим, оказалось, что и новая квартира уже оплачена. Конечно, тут не обошлось без Сафьянова. Юпитер из квартиры на Можайском шоссе не выписался и даже формально получил ее в собственность как наследник Антона и Галины Томских.

Галина Николаевна дружески простилась со всеми провожающими и крепко пожала руку Степанову. Тут же выяснилось, что она летит не на Кипр и не на Мальту, а в Германию, в элитную клинику пластической хирургии, в Кельн. О клинике она сама тихо призналась Степанову.

Дома следователя встретила погруст-

невшая Маша. Ей было жаль пекинеса, к которому она успела сильно привязаться.

— Не расстраивайся, — утешал муж. — Хочешь, я для тебя попугая из театра украду? — Он скорчил гримасу.

Супруги дружно рассмеялись.

А вечером они уже сидели в зале Большого. Давали «Кармен». Главную партию пела Грушева, в испанских танцах блистала Молочкова. Степанову показалось, что расположившийся в директорской ложе Сафьянов дружески ему кивнул.

А потом грянула отставка Сафьянова, которой, впрочем, все уже ждали с нетерпением. Пресса тотчас набросилась на бывшего премьера. Газеты запестрели кличкой «Два процента». Утверждали, что именно столько Мих-Мих брал за продвижение проектов в правительстве. А теперь он еще решил открыть трастовую компанию для иностранных бизнесменов, что тоже не способствовало укреплению его авторитета. Однако кресло премьер-министра пустовало недолго, вскоре его занял Овчинников.

Мих-Мих, однако, продолжал по старой памяти бывать в Большом. Теперь он приезжал уже не на «Мерседесе», а на «Лексусе» с частными номерами. С мне-

нием Сафьянова продолжали считаться в худсовете, он поддерживал артистов материально и, когда на спектакле не ожидалось новое начальство, располагался в правительственной ложе.

Тимошенков и Величаева продолжали свою театральную карьеру. Анастасия Макаровна оставалась все той же юной красавицей, хотя о ее настоящем возрасте сплетничали в театре решительно все. Молочкова и Грушева также делали карьеру. Но теперь бывший премьер мог видеть их лишь на сцене. Когда он звонил им, их мобильные номера оказывались или безнадежно заняты, или вне зоны действия сети.

У Сафьянова уже не было служебного транспорта, госдачу у него тоже отобрали. Идея с трастовой компанией для иностранных вложений провалилась. Президентская канцелярия больше не оплачивала дорогой мобильник. Раненое самолюбие Сафьянов лечил вечерами в известном ресторане «Кабаре». И вдруг перед ним возникла, как мимолетное виденье, вездесущая Ксюша Собчак.

— Как дела? — поинтересовалась она.

— Плохо, — честно отвечал Сафьянов.

— Почему бы вам не пойти на выбо-

ры? — предложила девушка. — Вдруг президентом станете?

Эта идея бывшему премьеру понравилась.

И снова Сафьянов замелькал повсюду, где возможно было мелькать. То он стоял со свечкой в храме Христа Спасителя, то давал очередное интервью, то устраивал пресс-конференцию в «Интерфаксе» и говорил, что «страна идет не по тому пути» и что «демократия в опасности». Далее Мих-Мих рассказывал о своей предвыборной программе. И под занавес, разумеется, о культуре. Он, в частности, пообещал качественно и в срок завершить ремонт Большого.

Степанов не знал, что в тот же вечер Сафьянову позвонили друг за другом и Смирнов, и Царедворский, и Грибаков, и — самое главное — Грушева с Молочковой. Экспремьер отечески пожурил девушек и позволил, чтобы они и впредь звонили ему.

Уже на следующий день в уборной Молочковой положили новый паркет. И, даже танцуя, она не расставалась с мобильником. Когда раздавался звонок, фонограмму предусмотрительно выключали. Но это надоело новому администратору Смирнову, и он уволил остав-

шуюся без «крыши» балерину. Решил притащить своих из Мариинки. По другим данным, Молочкова ушла сама, потому что якобы беременна от Сафьянова.

Степанова повысили, дали подполковника и должность на ступень выше. Заменял Даниила Евгеньевича, который скакнул в министерство в инспекторский департамент. По-прежнему он иногда заезжал за сыном после занятий. Заезжал на новой «Тойоте». Однажды снова пришлось дожидаться Николая в анатомичке. В ваннах с формалином томились трупы без роду без племени. Степанов машинально принялся их разглядывать и вдруг сильно вздрогнул. На руке женского трупа он заметил обручальное кольцо, такое знакомое. Но не существовало больше никаких оснований признавать во вздувшемся, безобразном теле Галину Николаевну Томскую. И потому Степанов не попросил у начальства разрешения на антропологическую экспертизу. Василий Никитич уже знал, что это бесполезно.

Литературно-художественное издание

А. Митрофанов, А. Сорокин

ТРУПЫ БОЛЬШОГО ТЕАТРА